

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

А.М.РЕМЕННИКОВ

БОРЬБА ПЛЕМЕН
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
С РИМОМ В III ВЕКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВВЕДЕНИЕ

Задача настоящей работы — показать ожесточенную борьбу, происходившую в III в. между Римом и племенами Северного Причерноморья. В исторической науке эта проблема разработана далеко не достаточно. Между тем не подлежит никакому сомнению, что она имеет большой научный интерес. Войны III в. явились важнейшим этапом тех многочисленных битв и походов, которыми заполнена история трехвековой наступательной борьбы «варваров» против Римской империи.

Изучение военных событий III в. содействует уяснению как социально-экономических причин вторжений «варваров» в пределы Римской империи, так и той роли, которую сыграли племена, населявшие некогда юг нашей страны, в сокрушении Римской империи. Вместе с тем, ввиду слабой разработанности истории Причерноморья в первые века н. э., исследование этих войн может помочь изучению конкретной истории причерноморских племен в период III в., бросив свет на их внешнеполитические отношения в 230—270 гг.

Войны III в. происходили в основном на территории, вошедшей теперь в состав Болгарии, Румынии, Венгрии, в них приняли участие племена, населявшие некогда области Прикарпатья и Нижнего Дуная. Таким образом, разработка истории этих войн представляет также несомненный интерес и для исторической науки братских нам народно-демократических государств. Важное значение, наконец, имеет данная проблема и для изучения истории Рима в период острейшего кризиса империи, так называемого кризиса III века.

Изучение войн III в., определение их места и роли в общем процессе исторического развития возможно лишь с позиций марксизма-ленинизма. В своем выступлении на XVII съезде партии И. В. Сталин охарактеризовал роль «варваров» в разгроме Римской империи. Отметив, что старый Рим с презрением относился к предкам современных цивилизованных народов, третируя их как «низшую расу», он сказал:

«А что из этого вышло? Вышло то, что не-римляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим»¹. Это внешнее завоевание, обусловленное глубокими социально-экономическими предпосылками, было вместе с тем неразрывно связано с революционным движением внутри империи, с героической борьбой рабов и колоннов против своих эксплуататоров.

Падение Римской империи имело большое историческое значение, так как оно создавало предпосылки для победы новых, более прогрессивных производственных отношений. Победа «варваров» и их союзников вывела римское общество из того тупика, в котором оно оказалось в последний период существования империи². Вышеприведенные положения и должны, несомненно, лечь в основу изучения войн III в., с учетом, разумеется, конкретной обстановки того времени, всей сложности и противоречивости отношений между Римской империей и ее варварской периферией на различных этапах многовековой борьбы.

Трудность изучения войн III в. между Римом и причерноморскими племенами обуславливается состоянием источников. Они нередко фрагментарны, сведения, сообщаемые ими, часто противоречивы, и вопрос о сугубо критическом их использовании приобретает особенную остроту. Наибольший интерес для науки имеют свидетельства современников событий и, прежде всего, Геренния Дексиппа. Публий Геренний Дексипп был выдающимся общественным деятелем и историком этого времени. Он принимал личное участие в борьбе с племенами Северного Причерноморья, а впоследствии описал эту борьбу в большом, утраченном теперь произведении — «Скифские войны».

Авторы более позднего времени охотно использовали сведения Дексиппа, что облегчает работу современного историка. К числу таких авторов относится, в частности, византийский писатель Зосим и некоторые составители биографий императоров III в., например, Требеллий Поллион. Ценные сведения о войнах III в. имеются также у готского историка Иордана, римских историков Евтропия и Аврелия Виктора. Из поздневизантийских авторов необходимо отметить Зонару и Синкелла. Разбросанные в их произведениях краткие данные о событиях III в. являются порой единственными для описания отдельных битв и походов. При скудном и отрывочном характере сведений, сообщаемых авторами, большую роль приобретают данные эпиграфики и нумизматики. Это особенно относится

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, 11-е изд., 1952, стр. 468.

² См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Госполитиздат, 1952, стр. 152 сл.

к датировке войн, определению состава племен, нападавших на империю, а иногда и уяснению хода военных действий. Археологические данные по этой теме очень скудны и не обобщены, что сильно затрудняет исследование вопросов, связанных с расселением племен, их внутренним строем и межплеменными отношениями. Некоторый свет на события этого века проливают археологические находки на территории современных Болгарии и Румынии (остатки римских укреплений, дорог, следы пожаров и разрушений).

Западноевропейская буржуазная наука оказалась не в состоянии разрешить вопрос о войнах III в. Буржуазные ученые представляют эти войны как дело одних лишь готов, они не понимают причин и исторического значения борьбы племен Причерноморья с Римской империей. Ход военных действий буржуазные авторы излагают крайне бегло, ограничиваясь часто простым перечнем маршей и битв.

Некоторые из дореволюционных русских ученых сделали первые значительные шаги в деле изучения войн III в. (например Ф. Брун¹), но лишь советская историография смогла поставить вопрос о войнах причерноморских племен с Римом на истинно научную основу. Советские ученые стали на путь исследования далекого прошлого Причерноморья как самостоятельного и непрерывного исторического процесса, выдвинув на первый план изучение истории местного, коренного населения. «Теориям» о мнимом преобладании готов в Причерноморье был нанесен сокрушительный удар. Следуя указаниям Энгельса, наши ученые нашли многочисленные факты тесного взаимодействия между вторгавшимися в империю племенами и угнетенными массами римского населения, видевшими во «внешних врагах» своих избавителей и союзников². Все с большим интересом обращаются к проблеме войн задунайских народов с Римом ученые стран народной демократии³.

Однако следует признать, что изучению конкретной истории этих войн до сих пор не уделялось должного внимания. Если по более позднему периоду имеются отдельные работы, то о таких событиях огромной важности, как Маркоманнская война и войны III в., нет ни одной специальной монографии. Одним из последствий такого положения является то, что в некоторых трудах по истории Северного Причерноморья до сих

¹ Ф. Брун. Черноморские готы и следы их долгого пребывания в Южной России. «Зап. Академии Наук», СПб., 1874, т. XXIV, стр. 1 сл.

² А. Д. Дмитриев. Падение Дакии. ВДИ, 1949, № 1, стр. 84—85.

³ Зд. Неедлы. История чешского народа. М., 1952, т. 1.

пор еще преувеличивается роль готов в борьбе причерноморских племен с Римом¹.

При отсутствии специальных работ, скудости, фрагментарности источников и слабой разработке данных археологии² не представляется возможным дать решение всех многочисленных вопросов, связанных с проблемой войн III в. Так, темой самостоятельного изучения должны стать социально-экономические отношения у племен Северного Причерноморья в рассматриваемый период и процессы этногенеза, происходившие в Причерноморье в первые века н. э. Задача данной монографии — показать ту огромную роль, которую сыграли местные причерноморские племена в борьбе с Римом, осветить процесс их сплочения против общего врага и, наконец, обрисовать основные этапы военных действий в тесной связи с революционными движениями и внутренней борьбой, происходившими в Римской империи.

¹ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 440 сл.

² См. об этом К. Ф. С м и р н о в. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры. СА, вып. XVII, 1953, стр. 142.

1. ВОЙНЫ НА ДУНАЕ В ПЕРИОД С 232 ПО 251 гг.

1. Расселение причерноморских племен в III в. н. э. Причины войн между племенами Северного Причерноморья и Римом

До нас дошли крайне скудные и нередко путанные сведения о размещении и этнической принадлежности племен, заселявших в III в. территорию огромного района, ограниченного с одной стороны Дунаем и с другой — нижним течением Дона. Основные сведения по этому вопросу сообщает греческий географ II в. Птолемей. Однако он был плохо осведомлен о причерноморских делах и данные, сообщаемые им, не всегда достоверны¹. Особенно смутны птолемеевские сведения о районах между Днепром и Доном, т. е. местах, весьма отдаленных от пределов Римской империи. Поэтому сведения Птолемея приходится дополнять и исправлять, пользуясь данными других авторов, живших в гораздо более позднее время. В силу указанных соображений приводимый здесь краткий обзор размещения племен носит в значительной степени гипотетический характер и не может, разумеется, претендовать на точность и полноту. Этот обзор целесообразно будет начать с районов, непосредственно прилегавших к границам империи.

В Карпато-дунайском районе проживала целая группа иллиро-фракийских племен, подвергшихся, повидимому, уже в значительной степени процессу славянизации. Самым сильным и воинственным из этих племен были карпы², этническое имя которых отразилось в самом названии «Карпаты». Главная часть карпов обитала, повидимому, по реке Прут; сселения

¹ A. Nasz. Wenedowie u Tacyta i Ptolemeusza. Archeologia, II, 1948, стр. 179 сл.

² Petrus Patricius. Fragmenta Historicorum Graccorum, ed. Müller, t. IV, fr. 8. Непосредственно у северных границ провинции Дакии обитали свободные даки, не признававшие римской власти. V. Párván. Dacia, Cambridge, 1928, стр. 189 сл.

карпов имелись и на нижнем Дунае. Карпы были фракийцами, родственными дакам и гетам. Другим сильным прикарпатским народом являлись бастарны. Бастарны, которых еще Птолемей относит к группе «больших народов», не занимали сплошной территории. Основная масса их жила «над Дакией»¹ (как считают, вдоль Днестра), меньшая часть занимала остров Певку в устьях Дуная (отсюда и другое название бастарнов — певкины).

Вопрос об этнической принадлежности бастарнов вызвал в исторической науке много споров. Ряд буржуазных исследователей относил бастарнов к германцам. Однако советские ученые и ученые стран народной демократии опровергли это положение. Бастарны, повидимому, были народом иллиро-фракийской группы, причем они испытали на себе сильное воздействие кельтской этнической струи, следы которой прослеживаются по всему северному и северо-западному Прикарпатыю².

Кроме карпов и бастарнов в Карпато-дунайском районе, несомненно, проживал еще ряд племен, перечисленных в свое время Птолемеем (костобоки, пиенгеты, бессы, тирагеты). Однако в III в. н. э. уже не встречаем их племенных названий. Этот факт, разумеется, нельзя объяснить полным исчезновением указанных племен. С гораздо большей долей достоверности можно предположить, что эти племена, включившись в мощную коалицию Карпато-дунайского района, утратили свои племенные названия, заслоненные названиями народов, вставших во главе племенного союза (карпы).

Если, таким образом, основной этнический массив Карпато-дунайского района состоял из племен местного происхождения, то в конце II—начале III в. здесь появляются и новые насельники — германского происхождения. То были преимущественно готы³. Причины переселения готов с севера на юг мало известны; как считают, большую роль в этом сыграл натиск славянских племен на запад и юго-запад⁴. Причерноморские готы не составили политического единства, даже традиционное деление на остроготов и визиготов подразумевает не каких-то два готских племенных союза, а географическое размещение ряда самостоятельных готских племен, вклинившихся между местными племенами. Исследования советских ученых показали, что готские племена, малочисленные и стоявшие на более

¹ P t o l e m a e i Geographia. Rec. Müller, Paris, III, 5, 7.

² И. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, 2-е изд. М. 1953, стр. 104. См. также К. Тумиепиеcki. Ziemie polskie w starożytności. Poznań, 1951, стр. 659 сл. Польский ученый считает бастарнов народом кельтской группы.

³ Д. Беликов. Христианство у готов. Казань, 1887, стр. 6 сл.

⁴ Jan Filip. Pravěk československo. Praha, 1948, стр. 308—309.

низком уровне экономического развития, попали всецело под влияние коренного населения Причерноморья. В тесном союзе с собственно прикарпатскими племенами выступают их северные и северо-западные соседи: сарматы-языги, обитавшие между реками Дунаем и Тиссой¹, а также жившие западнее последних вандалы. В 250—270 гг. народы Карпато-дунайского района заняли территорию Даклии, однако установить размещение их переселившейся части на новых местах обитания для III в. не представляется возможным.

Остановимся теперь на размещении племен, населявших районы восточнее Днестра. У Птолемея имеются по этому вопросу лишь самые скудные и противоречивые сведения; его описание изобилует здесь повторениями и явными анахронизмами². Более поздние авторы упоминают об отдельных причерноморских племенах лишь в связи с тем или иным походом на империю и нередко это упоминание является единственным. Отсюда и проистекает неизбежная гипотетичность диатезы причерноморских племен. По Птолемею, в степях между Дунаем и Доном размещались многочисленные большие и малые племена: алано-скифы, роксоланы, хуны, асайи, тавро-скифы и многие другие. Все это, повидимому, народы скифо-сарматского происхождения.

Однако подавляющее большинство этих племен уже не выступает в III в. под своим индивидуальным наименованием: источники называют их совокупно скифами, а иногда — аланами или сарматами. Вместе с тем, здесь появился ряд новых племенных названий. Вероятно, дело не только в том, что обобщающие наименования «скифы» или «сарматы», которые стали употреблять античные авторы, заслонили индивидуальные названия этих племен³. Повидимому, союзы племен Причерноморья, появившиеся на исторической сцене, вобрали в себя асайев, сварденов и др., и эти новые племенные образования получили и новое наименование, которое встречаем у авторов.

Одним из значительных племен Причерноморья были роксоланы. Во времена Птолемея они жили между Днепром и Доном⁴. Но часть роксоланов постепенно подвинулась к северо-

¹ Harmatta János. К истории сарматов в Венгрии. *Archaeologiai értesítő*, vol. 77. Budapest, 1950, стр. 17.

² Ю. Кулаковский. Карта европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899, стр. 22 сл.

³ «Скифы» времени III в. имеют мало общего со скифами Геродота, хотя, разумеется, последние и сыграли значительную роль в этногенезе племен Причерноморья. «Скифы» Дексияпа, Зосима, Зопары, «скифы» и отчасти «сарматы» латинских авторов — это, как позже и «готы», — обобщающие термины для всех припонтийских племен.

⁴ В этих районах обнаружены могильники роксоланов. См. К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан. ВДИ, 1948, № 1, стр. 213—219.

западным пределам¹ (быть может, с ними и имел дело Гордиан III). Другим коренным пародом Северного Причерноморья, сведения о котором появляются лишь в III в. н. э., были герулы, не имеющие ничего общего с германцами-герулами. Герулы, обитавшие в районах Приазовья, представляются союзом местных сарматских племен, возникшим в процессе борьбы с германцами и римской империей². Несколько более загадочными причерноморскими племенами являются уругунды и бораны. Однако советская историография уже в значительной степени решила этот вопрос. Советские ученые (А. Д. Удальцов и др.) показали, что уругунды — это уроги Страбона; как считают, обитали уругунды в районах излучины Днестра³. Что же касается боранов, то это, возможно, те же боруски, славянское племя, районом обитания которого был Средний Днестр. Впоследствии племя борусков, как и некоторые другие славянские племена, вероятно, продвинулось на юг⁴, приняв участие в «скифских походах».

Несмотря на пестроту этнической карты Прикарпатья и Северного Причерноморья и конфликты между отдельными его племенами, несомненно, что здесь происходил активный процесс сближения племен и сложения племенных образований. Тесные старинные связи существовали не только между сарматским населением южных степей и иллиро-фракийцами Прикарпатья, но и между сарматами и расположенными севернее славянскими племенами⁵; что же касается значительной части прикарпатских племен, то они, повидимому, принимали активное участие в процессе славянского этногенеза.

Таким образом, за Дунаем и Днестром Риму противостоял довольно пестрый конгломерат племен и народов. Интересы этих племен нередко сталкивались друг с другом, между ними происходили частые войны, заканчивавшиеся подчас изгнанием побежденного племени. Но, тем не менее, внутренние противоречия между племенами отступили на задний план перед общей для них задачей — борьбой с Римской империей⁶. Длитель-

¹ *Jordanis de origine gothorum*. Ed. Th. Mommsen, *Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi*, t. V, XII, 74.

² *Georgii Syncelli Chronographia*. Bonnae, 1829, стр. 717; *Ioannis Zonarae epitome historiarum*. Ed. Dindorf, Lipsiae, 1870, XII, 24.

³ Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, 1950, вып. XXXV, стр. 16.

⁴ О раннем продвижении части славян на юг и запад см.: А. Л. Погодиц. Сборник статей по археологии и этнографии. СПб., 1902, стр. 163.

⁵ К. Ф. Смирнов. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры. СА, вып. XVII, 1953, стр. 146.

⁶ Там же, стр. 143.

ность и упорство этой борьбы свидетельствуют о том, что она была вызвана глубокими социально-экономическими причинами.

Основным занятием причерноморских племен было сельское хозяйство. Часть этих племен вела оседлый образ жизни и в экономике их ведущее место занимало земледелие; для других племен (например, алан) средства к жизни доставляло преимущественно кочевое скотоводство¹. С течением времени население возрастало, увеличивалось поголовье скота, а территория оставалась той же самой, мало того — в Причерноморье появились новые племена. Возникла острая нужда в новых источниках существования. Однако, при недостаточно высоком развитии производительных сил припонтийского общества, потребность в новых средствах производства могла быть удовлетворена лишь на путях приобретения новых территорий². Районы, прилегавшие к Причерноморью с севера и востока, были заняты сильными племенами, которые сами стремились к приобретению новых земель; на юге лежало Черное море. Оставался один путь — на запад, в Римскую империю. Здесь были плодородные земли Дакии, Мёзии, Паннонии, мягкий, благодатный климат. Стремление «скифов» укрепиться на этих землях, в старинных районах сельскохозяйственной культуры, без сомнения, явилось мощным стимулом войн III в.

Несомненно также, что ожесточенные нападения «скифских» племен на империю следует объяснять тем уровнем социального развития, которого в этот период достигло население Причерноморья³. При скудости источников не представляется возможным дать четкую картину социальных отношений причерноморских племен в III в. н. э.; не случайно поэтому, что среди советских ученых данная проблема вызывает некоторые разногласия. Так, проф. П. Н. Третьяков говорит о примитивных государственных образованиях у соседей Римской империи⁴, проф. А. Д. Удальцов утверждает, что задунайские племена жили еще в условиях типичной военной демократии (с чем в принципе согласен и П. Н. Третьяков). Несомненно, что основная часть этих племен еще не достигла уровня зрелого классового общества и государства, а находилась на этапе перехода от первобытно-общинного строя к строю классовому.

¹ Ammian. Marcellin., XXXI, 2, 18.

² См. Ф. Энгельс. К истории древних германцев. М., Партиздат, 1938, стр. 48.

³ М. А. Тиханова. Археологические памятники среднего Подпестровья в первой половине I тысячелетия н. э. Кр. сообщ. Института Археологии АН УССР, вып. 2, 1953, стр. 18 сл.

⁴ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, М. 1953, стр. 139.

Для причерноморских племен изучасмого периода характерен активный процесс классообразования. Источники свидетельствуют о наличии рабов у различных причерноморских народов (то было. скорее всего, патриархальное рабство). Труд военнопленных римлян использовани придунайские племена при постройке флота в 257—258 гг.¹; во время паншествия «скифов» на империю в 269—270 гг. их корабли двигались вдоль морских берегов, захватывая в рабство население прибрежных районов. Ф. Энгельс с исчерывающей полнотой охарактеризовал причины этой охоты за рабами: «Увеличение производства во всех отраслях — в скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле — сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее. Вместе с тем оно увеличивало ежедневное количество труда, выпадавшее на долю каждого члена рода, домашней общины или отдельной семьи. Привлечение новых рабочих сил стало желательным. Война доставляла их: военнопленных стали обращать в рабов»².

Но у придунайских племен наметилось не только деление на рабов и господ — развивалась социальная дифференциация и в среде свободных. Описывая переговоры римлян с вандалами, Дексипи говорит, что вандалы «представили заложников из людей, первенствующих по званию и состоянию»³, а двух вандальских царей окружали воины, мало уступающие им в достоинстве; дети этих воинов вместе с детьми царей передавались римлянам в качестве заложников. Другие источники также нередко говорят о военной знати и вождах⁴. В руках вождей и аристократии сосредоточивались все большие богатства, состоящие главным образом из рабов, скота, ценного оружия и утвари. Погребения вождей и знати отличались обычно большой роскошью погребального инвентаря⁵. Усиление межплеменных связей, стремление к эксплуатации сильным племенем более слабого и единство военных целей привели к появлению крупных межплеменных объединений племен Северного Причерноморья. В Поднестровье возникло объединение во главе с карпами, в Поднепровье сложился роксоланский племенной союз, в Приазовье — герульский.

¹ Z o s i m i historia nova. Ed. Mendelssohn, Lipsiae, 1887, I, 34, 1.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Госполитгиздат, 1952, стр. 166.

³ Fragmenta Historicorum Graecorum. Ed. Müller, t. III, Dexippus, fr. 24.

⁴ I o r d a n., XX, 107.

⁵ М. Тиханова. Культура западных областей Украины в первые века н. э. МИА СССР, вып. VI, 1941, стр. 266.

На уровне развития, достигнутом племенами Северного Причерноморья, война стала важнейшей функцией народной жизни. Сложение племенных союзов, возрастание роли воепачальника и дружины тесно связаны именно с этой ролью войны, превратившейся в регулярный и почетный промысел: «...война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей»¹.

Поэтому вполне понятно, что одной из важнейших предпосылок войн III в. было стремление припонтийских племен к захвату богатств, накопленных в империи в течение долгих веков эксплуатации рабов и бесчисленных грабительских войн. Каждый из походов «скифов» на империю сопровождался разграблением целых областей и массовым уводом населения в рабство.

Противоречия между племенами Северного Причерноморья и Римом уходят своими корнями в историю предшествовавших римско-«скифских» отношений. Области, прилегавшие к северо-восточным границам империи, издавна являлись объектом грабительской, захватнической политики рабовладельческого Рима. Из этих районов постунали в империю тысячи сильных и выносливых рабов; местный хлеб, рыба, продукты скотоводства в изобилии шли в малоазийские и придунайские провинции в обмен на изделия римского ремесла. Рим поэтому упорно стремился к укреплению в задунайских областях своего влияния, к аннексии богатых и плодородных земель Прикарпатья и Северного Причерноморья². Но завоевание Дакии явилось последним крупным успехом Рима. Прошло 160 лет и вспыхнула Маркоманнская война, явившаяся мощным натиском на Рим германских, скифо-сарматских и праславянских племен³. Рим победил в этой борьбе ценою огромных жертв и усилий, но с тех пор его оборона стала принимать все более пассивный характер.

В период, предшествовавший войнам III в., под властью Рима продолжали оставаться территории, сравнительно недавно отторгнутые у придунайских племен, и прежде всего Дакия, населенная родственными гето-фракийцам племенами. В руках римлян находился и ряд пунктов на побережье Черного моря, которые затрудняли «скифам» выход к морю и

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Госполитиздат, 1952, стр. 169—170.

² В. И. Дьяков. Таврика в эпоху римской оккупации. Ученые записки МГУИ, т. XXVIII, вып. 1, стр. 43 сл.

³ О значении этой войны см. К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V. II., Госполитиздат, 1938, стр. 7.

вместе с Дакией давали римлянам возможность оказывать влияние на торговлю и внешние отношения причерноморских племен. Поэтому стремление вновь овладеть Дакией и укрепиться на всем северном побережье Черного моря также сыграло свою роль в развязывании войн «скифов» с Римом.

Перечисленные выше побудительные мотивы «скифских» нападений на империю не были, однако, одинаково сильны для всех припонтийских племен. Так, отсталые кочевые племена интересовала прежде всего добыча, и их вторжения отличались наиболее разрушительным характером; максимальную заинтересованность в захвате и освоении новых территорий проявляли оседлые земледельческие племена славян и германцев¹. Ранее всех выступили против Рима его непосредственные соседи — карпы, бастарны, языги, ненавидевшие своего извечного врага и лучше всего осведомленные о событиях, происходивших в империи. Закарпатские племена были также и зачинателями переселенческого движения в имперские пределы (оккупация Дакии). Глубинные племена Причерноморья на первом этапе борьбы III века выступали эпизодически в виде отдельных дружин, однако по мере обострения кризиса империи их участие становилось все более массовым и от походов полуграбительского порядка они переходили к борьбе за отторжение от империи отдельных ее частей, что приводило к ее расчленению.

«Скифские» войны могут быть поняты лишь с учетом того состояния, в котором находилась Римская империя в период начального этапа и дальнейшего развития этих войн. Период III века характеризуется сильнейшим социально-экономическим и политическим кризисом, потрясшим самые основы римского государства.

В период подъема рабовладельческого способа производства производственные отношения давали известный простор развитию производительных сил. Но в ходе дальнейшего развития производственные отношения римского общества уже перестали соответствовать характеру производительных сил, значительно возросших в первые века существования империи. Так, был изобретен новый вид плуга, в галльских латифундиях применялись специальные приспособления для уборки урожая². В этих условиях и начал пробивать себе дорогу экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Однако класс рабовладельцев в массе своей упорно держался за старые формы эксплуатации, жесто-

¹ З. Удалцова. Против идеализации гуннских завоеваний. «Большевик», № 11, 1952, стр. 69.

² А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи. ВДИ, № 3, 1953, стр. 82.

кого угнетения рабов и колоннов, нещадно притесняя массу провинциального населения. «В отличие от законов естествознания, где открытие и применение нового закона проходит более или менее гладко, в экономической области открытие и применение нового закона, задевающего интересы отживающих сил общества, встречают сильнейшее сопротивление со стороны этих сил»¹.

Таким образом и в римских условиях проблема дальнейшего прогрессивного развития общества могла быть разрешена лишь путем ожесточенной классовой борьбы.

Кризис III в. отличался своей глубиной, затяжным характером, многосторонностью охвата всех областей жизни. Рабовладельческая форма эксплуатации все более сковывала производительные силы Средиземноморья. Из-за истощения почвы все чаще становились неурожаи и голодовки; свирепствовали эпидемии², ощущалась резкая нехватка рабочей силы, сокращение численности населения в некогда цветущих сельскохозяйственных областях государства. Сужение рынков сбыта повлекло за собой упадок ремесла во многих районах империи и ослабление торговых связей, издавна существовавших между различными провинциями римского государства. Частые войны и внутривластные потрясения, жестокая инфляция — явление столь типичное для III в. н. э., все более нарушали торговые связи, влекли за собой дальнейшую натурализацию римского хозяйства. Эти процессы задели не в одинаковой степени все провинции Рима — большую экономическую жизнеспособность проявили восточные провинции, например, Сирия, в тяжелом положении находились многие западные районы и, прежде всего, Италия. Но в целом экономическое положение империи в III веке н. э. представляло собой безотрадную картину.

Ставшая очевидной невыгодность рабского труда толкала рабовладельцев к применению других, более смягченных форм эксплуатации непосредственных производителей. Еще в I—II вв. н. э. широкое распространение получают колонаты и вольноотпущенничество; наряду с рабом колон и вольноотпущенник становятся постепенно важными категориями непосредственных производителей³. III век н. э. ознаменовался дальнейшим широким развитием колонатных отношений. Все большее количество обнищавших крестьян, освобожденных

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. М., Госполитиздат, 1952, стр. 8.

² SHA, Vita Gallieni, V, 6.

³ О рабстве в III в. н. э. см. Е. М. Штаерман. Рабство в III—IV вв. н. э. в западных провинциях Римской империи. ВДИ, 1951, № 2, стр. 84 сл.

рабов, «федератов», получая от крупных землевладельцев в аренду участки земли, становились по отношению к ним зависимыми людьми. Меняется и юридическое положение рабов; закон, например, уже запрещает чрезмерно жестокое с ними обращение.

Однако развитие новых форм экономики отнюдь не повлекло за собой улучшение положения колонов и рабов. Напротив, нехватка рабочей силы, рост хозяйственных трудностей делали эксплуатацию непосредственных производителей более интенсивной, чем в период предшествующего «расцвета». Рабы изнывали на самых тяжелых работах на полях и в рудниках, колоны были вынуждены платить все более растущие налоги и нести государственные повинности. Войны, неурожай, ростовщичество вели постепенно к закабалению колонов; насилия императорских чиновников и военщины дополняли эту картину безысходной нужды.

Невыносимо тяжелое положение народных масс повлекло за собой подъем революционной борьбы. Рабы и колоны создавали вооруженные отряды, которые громил подразделения императорских войск, уничтожали виллы рабовладельцев. Во второй половине III века в империи образовались целые повстанческие районы¹; в руках повстанцев оказались крупные укрепленные города, как например Августодун в Галлии. Характерной чертой этой борьбы являлось совместное выступление рабов и колонов, успешные попытки создания единого фронта со вторгавшимися в империю «варварами». Так, во время морского похода «варваров» в 258 г. н. э. рыбаки Боспора помогли им форсировать пролив и тем обеспечили успешный исход всего предприятия². Главной слабостью этих народных движений в III в. н. э. был их стихийный характер.

Содержание кризиса III века не ограничивается только сферой экономики и социальных отношений. Ожесточенная борьба происходила внутри господствующего класса, огромный размах приобрели сепаратистские движения в провинциях империи. Политические отношения империи в этот период характеризуются слабостью центральной власти, частыми сменами правителей, ожесточенной борьбой «солдатских» и «сенатских» императоров³. Эта сторона кризиса III в. исследована еще совершенно недостаточно: либо делались попытки объяснять борьбу армии с сенатом лишь как столкновение армейской верхушки с сенатской олигархией, либо видели в солдат-

¹ Vita trig. tyrann, XXVI.

² Z o s i m., I, 34, 2.

³ Vita Alex., LIX; vita Maximini, X.

ских восстаниях отражение недовольства низов населения. Данная проблема пуждается еще в специальной разработке, но весьма вероятно, что в борьбе «сенатских» и «солдатских» императоров нашли свое выражение противоречия между крупным землевладением, переходящим постепенно к новым формам эксплуатации, и мелкими и средними землевладельцами рабовладельческого типа¹. Борьба различных прослоек рабовладельческого класса расшатывала государственный аппарат, ослабляла политическую и военную мощь Рима.

Политическая анархия, царившая в Риме, сопровождалась и усиливалась выступлениями в провинциях. Связь между Римом и провинциями носила преимущественно военно-административный характер; напротив, народы, входившие в состав империи, имели свою экономическую базу и свои издавна сложившиеся языки². Увеличение налогового гнета, рост поборов и реквизиций делали римское господство все более ненавистным для широких масс провинциального населения³; местная аристократическая верхушка также не расставалась с мечтой о политической самостоятельности.

Растущая обособленность провинций, укрепление там крупного землевладения еще более усиливали сепаратистские тенденции знати. Стремления провинциалов нашли свое выражение в попытках создания самостоятельных государств в Галлии, Сирии, Малой Азии, что едва не привело к полному распаду империи⁴.

Внутреннее ослабление Рима привело к активизации его врагов на Рейне и Дунае, на Евфрате, в Африке и Британии. Начались длительные и тяжелые войны с персами, «скифами», германцами; Рим терпел одно поражение за другим, крупные имперские территории перешли в руки его противников. В условиях экономического и политического кризиса непобедимая некогда римская армия переживала один из самых тяжелых периодов своей истории.

Численность ее в III в. была довольно значительной, она имела опытные командные кадры, отдельные ее соединения все еще отличались значительной боеспособностью, например, дунайские и рейнские легионы. Однако ее активнейшее участие во внутренней борьбе нередко оставляло без всякой защиты самые уязвимые пограничные районы, крайне затруднитель-

¹ См. Е. М. Штаерман. Проблема падения рабовладельческого строя. ВДИ, 1953, № 2, стр. 76.

² См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, 1953, стр. 12—13.

³ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Госполитиздат, 1952, стр. 153.

⁴ *Vita trig. tyrann.*, X, 1.

ным было пополнение армии новыми резервами, не хватало вооружения — ножей, мечей, щитов¹. Резко упала военная дисциплина: солдаты и офицеры грабили и притесняли гражданское население, отказывались нередко выполнять боевые приказы, переходили на сторону противника. В римской военной системе все большее значение приобретали полуварварские и «варварские» формирования, кавалерия и подвижные легко вооруженные отряды. Римские императоры прилагали все усилия к возрождению военной мощи государства, пытались перестроить римскую армию применительно к новым политическим и военным условиям. Но, пока кризис развивался по восходящей линии, эти попытки не могли привести к каким-либо ощутительным результатам. Экономический упадок империи, ожесточенная социальная борьба в ее недрах, ослабление римской армии создавали несомненно благоприятные условия для борьбы «скифских» племен, воодушевляли их на все новые и новые походы.

2. Начальный этап «скифских войн» III века, Борьба на Дунае в 232—247 гг.

Начало скифо-сарматских войн с Римом тесно связано с наступлением того глубочайшего кризиса империи, который в течение всего III в. н. э. потрясал самые основы мирового государства.

К 30-м годам III в. империя, раздираемая внутренними противоречиями, оказалась в окружении сильных и непримиримых врагов. Мощные племенные союзы Германии и Причерноморья, а также новоперсидская монархия Сасанидов ждали только подходящего момента, для того чтобы начать наступление на Римскую империю. Не подлежало сомнению, что кто бы ни начал нападение — оно найдет мощный отклик в среде многочисленных врагов Рима.

Первый удар нанесли персы. Источники не сохранили точной даты вторжения персов. Но, поскольку Дион Кассий в своих последних книгах ничего не говорит о начале военных действий, а в 231 г. монеты («*Profectio Augusti*») уже свидетельствуют о движении на Восток основных сил римской армии² — после огромных сборов и проволок, — то 230 г. является вполне приемлемой датой³.

¹ Vita Claudii, VII, 5: «non scuta, non spatiae, non pila iam supersunt».

² H. Cohen. Description historique des monnaies frappées sous l'empire romain. Paris, 1859—1868, v. IV, Alex., 241, 242.

³ Н. А. М а ш к и н. История древнего Рима. 1949, стр. 571.

Очевидно, именно в этом году персидские войска, перейдя римские границы, вторглись в Сирию и Каппадокию¹. Правительство Александра Севера, желая покончить дело миром, вступило с персами в переговоры, однако, не приведшие ни к какому результату. Александр, собрав огромные силы, ядро которых составляли контингенты из дунайских провинций, принужден был лично направиться на Восток. Волнения в египетских и сирийских войсках, видимо, затормозили развитие операций, но в следующем, 232 г., тремя мощными колоннами римляне перешли в контрнаступление.

План римлян состоял в том, чтобы разъединить персов, а затем, сконцентрировав свои силы, нанести им сокрушительный удар². Однако этот хорошо задуманный план окончился полным провалом. Нерешительность молодого и неопытного императора, ставшего во главе центральной колонны, упорное сопротивление врага, наконец, природные трудности предопределили неудачу римлян. Неся огромные потери, римляне отошли обратно³. Зимой 232/33 года Александр и значительная часть римского войска находились в городе Антиохии, — крупнейшей римской базе в войнах с персами.

На первых порах римляне в страхе ждали нового наступления персов. Но те сами понесли очень большие потери; вместе с тем, как это и отмечает Геродиан, персидская армия по самому своему устройству была неспособна к длительным войнам и походам⁴. Поэтому военные действия как бы затихли сами по себе; Александр, быстро успокоившись, предавался всевозможным развлечениям. Персидская война, на которую обе стороны смотрели вначале чуть ли не как на решающее столкновение Запада и Востока, приняла крайне вялый и нерешительный характер; наступило фактическое перемирие.

Однако эта война создала благоприятную обстановку для наступления на империю зарейнских и задунайских племен.

К сожалению, источники, повествующие об этом начальном периоде борьбы племен Северного Причерноморья с Римом, крайне скудны. О нем вкратце в нескольких местах повествует Геродиан⁵, да о заключительном этапе боев этих лет сохранилась небольшая заметка Дексиппа⁶. Прибавим сюда немногочисленные надписи от времени Максимиана — и на этом сообщения источников иссякают. Поэтому задача здесь сводится

¹ Herodiani ab excessu divi Marci. Lipsiae, 1883, VI, 2.

² Там же, VI, 2.

³ Там же, VI, 5.

⁴ Там же, VI, 7.

⁵ Там же, VI, 7; VII, 2.

⁶ Vita Max. et Balb., XVI.

лишь к тому, чтобы определить начальную дату «скифских войн» и в самых общих чертах показать их ход в 30-х годах III в. н. э.¹

Буржуазные историки не придают должного значения уточнению исходной даты военных событий. Они произвольно относят начало войны то к 233 г., то к 235—236 гг.², то к еще более позднему времени. С другой стороны, среди них очень распространено мнение, что зачинателями «скифских войн» являются одни готы и лишь после толчков, данных ими соседним племенам, в борьбу включается и коренное население Прикарпатья, попавшее в зависимость от этих завоевателей. Так, Раппапорт, главный буржуазный авторитет по войнам готов с Римом, пишет: «Когда весь готский народ обосновался на юге в новых местах и подчинил обитавшие здесь племена, он мог подумать о том, чтобы предпринять более крупные вторжения в римские провинции»³.

Для того чтобы разобраться в хронологии вопроса, следует обратить внимание на соответствующие места из Геродиана — современника начального периода этих войн. Геродиан рассказывает, что когда Александр отдыхал в Антиохии, то к нему пришли тревожные известия от наместников Иллирика, «что германцы, перейдя Рейн и Дунай, опустошают римские провинции и с огромными силами нападают на прибрежные лагеря, города и села... Что необходимо присутствие его и всего войска, которое с ним»⁴.

Александр в это время (зима 232/33 года) находился на пороге второй кампании с персами, и настойчивость командиров из Иллирика, требовавших крупных подкреплений, ярко свидетельствует о том, что наступление на Рейне и Дунае уже приняло угрожающие размеры и местных сил не хватало для его отражения. Но если это так, то начало военных действий относится во всяком случае к более раннему времени, т. е. к 232 г.

Однако тревожное положение сложилось на западе, повидимому, еще в 231 г., в связи с уходом армии на восток; как сообщает тот же Геродиан, Александр, занявшийся в Антиохии подготовкой к вторжению в персидские земли и тревожимый волнениями в войсках, тем не менее счел необходимым отпра-

¹ Столкновения на Дунае происходили уже в 10-х годах III в. н. э., однако широкое наступление начинается лишь в рассматриваемый период.

² H. Schiller. Geschichte der römischen Kaiserzeit. Gotha, 1883—1887. т. I, стр. 786.

³ B. Rapoport. Die Einfälle der Goten in das römische Reich. Leipzig, 1899, стр. 27 сл.

⁴ Herod., VI, 7.

вить ряд лучших подразделений в другие страны, чтобы дать им защиту в случае нападения¹. Правда, Геродиан не говорит, о каких именно провинциях шла речь, но, очевидно, что то могли быть лишь западные провинции империи, ибо восточные и без того уже приняли главные силы римской армии². В этом случае дата 232 г. кажется еще более вероятной.

Но тут возникает одно серьезное сомнение. Геродиан говорит здесь о нападении «германцев»³, а не скифо-сарматских и родственных им племен. Быть может, нападали только германцы по Рейну и Верхнему Дунаю? Более внимательное изучение данных этого автора заставляет ответить на поставленный вопрос отрицательно.

Ведь Геродиан повествует о событиях во всем Иллирике, не выделяя отдельных районов, а понятие «Иллирик»⁴ охватывало не только Рэцию и Норик, но и обе Паннии, Верхнюю Мёзию и даже Дакию. И так как, по словам того же Геродиана, «иллирийские войска» римской восточной армии при известиях с Запада охватила «сильнейшая тревога»⁵, и поскольку основная часть их была из Верхней и Нижней Паннии⁶, то можно, следовательно, заключить, что и эти провинции также находились под непосредственной угрозой. Именно сюда и направился позднее Максимин сразу же после победы над германскими племенами. Но известно, что Панния являлась всегда важнейшим объектом нападений не германцев, а сармат-языгов с Тиссы и их непосредственных соседей.

Следовательно, участие в нападении языгов не может быть подвергнуто сомнению и война с ними, документально установленная для несколько более позднего времени эпиграфическими данными⁷, была лишь продолжением борьбы, начавшейся еще в 232—233 гг. С другой стороны, прекращение чеканки монет в городах Нижней Мёзии⁸ именно в последние годы правления Александра Севера служит ярким доказательством того, что усилили свой нажим и племена, расположенные у нижнего течения Дуная. Среди них были, конечно, и германские племена, жившие у северо-западных границ Иллирика, но приписать им одним движение на империю, опираясь на высказывание Геродиана, невозможно, ибо на первых порах, как

¹ Herod., VI, 4.

² Там же.

³ Там же, VI, 7.

⁴ PW, «Illyricum».

⁵ Herod., VI, 7.

⁶ Там же, VIII, 2.

⁷ IIL, III, 3735, 3736, 3740; V, 8076.

⁸ В. P i c k. Die antiken Münzen Nord-Griechenlandes, Berlin, 1899, I, стр. 119, 300, 301.

то явствует из слов Дексиппа, готы были для римлян такими же «скифами», как и любое другое причерноморское племя и не выделялись ими из общей массы припонтийских народов. Таким образом, оговорка Геродиана не может скрыть того факта, что имеется возможность говорить о наступлении на империю с 232 г. не только германских, но и «скифских» племен.

Правда, Геродиан, по крайней мере по отношению к дунайским провинциям, несколько сгустил краски в своем описании вражеского вторжения. Хотя территория, подвергшаяся нападению, была, повидимому, довольно значительной, но Геродиан не называет ни одного большого города, захваченного вторгшимися племенами. Археологические данные, подтверждающие факты взятия городов, массового бегства населения, также относятся к несколько более позднему времени. Но основной смысл событий остается несомненным. Германцы и прикарпатские племена, воспользовавшись ослаблением обороны по Рейну и Дунаю, уходом на Восток главных сил римской армии¹, напали на пограничные провинции.

Александр оказался в очень затруднительном положении. Война с Персией отнюдь еще не могла считаться законченной. Но, с другой стороны, под угрозой оказались важнейшие провинции империи и якобы даже сама Италия². Вместе с тем солдаты — уроженцы придунайских областей — требовали немедленного возвращения в Европу. «Они негодовали, обвиняли во всем Александра, что он своим нерадением и трусостью испортил дело на Востоке и медлит идти на Север»³. Александр привел в порядок лагери и крепости в пограничных с Персией районах, оставил там небольшое количество войск и тронулся в обратный путь⁴. Несмотря на очень сомнительный исход персидской войны, Александр, вернувшийся в Рим в 234 г., был встречен как победитель⁵.

Приход римской армии с Востока резко изменил обстановку в пользу римлян и, несомненно, уничтожил непосредственную угрозу, нависшую над прирейнскими и придунайскими областями. Источники, однако, ничего не сообщают о самом ходе военных действий в период от прибытия Александра до вторжения Максимиана в германские земли. Возможно, что в

¹ На одной лишь иллирийской границе стояла треть римской армии. Ср. I. I u n g. Roemer und Romanen in den Donauländern. Innsbruck, 1877, стр. 46.

² Н е г о д., VI, 7.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Н. С о h e n. Description historique des monnaies frappées sous l'empire romain. Paris, 1859—1868, v. IV, Alex., 455.

это время римляне очищали свою территорию от вторгшихся в нее вражеских отрядов, а главное — готовились к решительным контрударам по собственным владениям врагов.

Первый удар римляне намеревались нанести германским племенам. Зимой 234/35 года в Майнце были сосредоточены крупные массы войск. Солдаты жаждали реванша ввиду неудачного окончания персидского похода и надеялись на большую военную добычу. Однако Александр, как и во время предшествующего похода, действовал крайне нерешительно. Он не стремился к сражениям, а искал возможность уладить дело путем мирных переговоров и уступок. Германцам была обещана большая денежная контрибуция¹. Но эти переговоры окончились для Александра роковым образом. Мир, к которому стремился Александр, казался римской армии не только позорным, но и крайне невыгодным. Мало того, оказавшись столь щедрым по отношению к германцам, император еще ранее значительно снизил жалованье солдатам и стремился вместе с тем к расширению власти и компетенции сената.

Все эти факторы создали предпосылки к восстанию против императора Александра. Заговор созрел в соединении, где командиром был фракиец Гай Юлий Вер Максимин², опытный и популярный военачальник. Во время подготовки похода на германцев ему поручили обучение новобранцев (состоявших по большей части также из лиц не римского происхождения). Эти новые формирования и восстали против Александра, провозгласив императором близкого им Максимиана. Александр Север и его мать Юлия Мамаея были убиты (март 235 г.)³. Правление Максимиана представляло собой открытую военную диктатуру; вся власть была сосредоточена в руках полководца и близкой к нему военной верхушки. Установление военной диктатуры было вызвано ростом революционного движения в империи и ее критическим внешнеполитическим положением, но вместе с тем Максимин и его окружение действовали энергично против сената и крупного сенатского землевладения, ненавистного для массы мелких и средних земельных собственников. Приход к власти Максимиана знаменовал также дальней-

¹ Н е г о д., VI, 7. Подобное поведение Александра объяснялось, возможно, тем, что сенаторская верхушка, на которую он преимущественно опирался, боялась огромных затрат, связанных с войной, и была менее заинтересована в военной добыче и раздачах; чрезвычайное ослабление ресурсов империи также заставляло вступать на путь компромисса, столь характерный для изнеженного и слабовольного Александра.

² См. о нем З. М и н и п а. Выступление Максимиана и позиция сената. ВДН, 1938, № 3, стр. 133—146.

³ Vita Alex., LIX; W. L i e b e n a m. Fasti consulares imperii Romani, Bonn, 1909, стр. 111.

ший рост значения провинций в системе империи и, прежде всего, провинций придунайских, из которых комплектовались наиболее боеспособные соединения римской армии.

Возмущение Максимиана с самого начала натолкнулось на враждебное отношение большинства сенаторов и части военных италийского происхождения. Максимиан на этот раз покончил с оппозицией довольно быстро. Сенат был вынужден смириться перед волей армии и прежде всего ее дунайских легионов.

Одной из важнейших задач нового правительства было обеспечение безопасности римских пограничных областей и именно тех, из которых черпались лучшие, преданные Максимиану части императорской армии. Максимиан поэтому сразу же перешел к энергичным наступательным действиям. Большая римская армия вторглась в германские пределы. Германцы были отброшены; успешно продвигаясь вглубь страны, римляне предавали все огню и мечу, долгое время не встречая сколь-либо значительного сопротивления. Но по мере углубления в лесистые районы страны римляне, однако, стали наталкиваться на все более растущий отпор со стороны германского войска. И, наконец, пред ними предстали основные германские силы, занявшие позиции, которые с фронта прикрывало большое глубокое болото. Римляне не сразу решились начинать бой в столь невыгодных условиях. Однако Максимиан устремился на коне навстречу германцам, солдаты бросились за ним. Произошла ожесточенная битва, окончившаяся полным поражением германцев. Римляне продолжали наступление. Нанеся германцам еще несколько сильных ударов, Максимиан со множеством пленных и огромной добычей вернулся на римскую территорию и устроил свои зимние квартиры в Сирмии.

Геродиан утверждает, что в Сирмии Максимиан подготовлял новый огромный поход против германцев, целью которого являлось якобы «покорение или истребление германских племен до самого океана»¹. Укрепление авторитета императорской власти и разгоревшиеся аппетиты армии требовали новых военных успехов. Однако Геродиан несколько преувеличивает успехи Максимиана и не вполне точен, определяя направление новых ударов. Римская империя уже давно была неспособна к такому колоссальному напряжению, которого несомненно требовал подобный завоевательный план. Как ни были блестящи военные успехи Максимиана, они в конечном счете преследовали лишь цели укрепления границ империи, но более активным и действенным способом.

¹ Herod., VII, 2.

Германцы понесли тяжелое поражение и на много лет были исключены из активной борьбы с Римской империей. Задача теперь могла состоять лишь в том, чтобы подобным же образом разделаться с задунайскими племенами. И другой источник по изучаемому периоду, биография Максимиана, прямо говорит, что Максимиан «пришел в Сирмию, готовя войну против сарматов и желая завоевать все страны на севере, вплоть до океана»¹. Таким образом непосредственной целью сборов в Сирмии была подготовка войны с языгами и племенами, граничащими с ними. Но всему этому необходимо добавить, что Сирмий являлся исконной римской базой в борьбе с сарматами и даками², но никогда не служил опорным пунктом в борьбе с германскими племенами, расположенными гораздо севернее, в сотнях километров от Сирмии. Таким образом, прибытие Максимиана в Сирмий означало переход к решительным действиям против племен карпато-дунайского района. Центр военных действий переместился на Дунай.

В распоряжении науки нет никаких данных о борьбе «скифов» с римлянами в период германского похода Максимиана; можно лишь предположить, что много сил и времени они потратили на обеспечение своего фланга со стороны Ольвии и Тиры и на осаду укреплений на римских границах³. Теперь же, с окончанием римской кампании на Рейне, перед языгами и другими племенами возникала нелегкая задача — дать отпор крупным, быть может, превосходным силам римской армии. В состав этой армии, кроме легионов, входили ведь и многие чужеземные формирования: мавры, озроенские и армянские стрелки, парфяне и, наконец, немалое количество германцев. Войска были снабжены большим количеством военных и осадных машин⁴. Судя по надписям на гробницах солдат, павших в этой войне, в состав римской армии входили и ее лучшие подразделения — *legio I Adjutrix* и *legio II Adjutrix* из Паннонии, *legio II Italica* из Норика⁵ и др.

Как дает понять приведенное место из *Vita Maximini* и присвоенный Максимиану титул *Sarmaticus*⁶, важнейшей задачей этой войны была борьба с сарматами-языгами. Возможно, что военными действиями здесь руководил сам Максимиан, ибо он был здесь и зимой 235/36 года и весной 238 г. Другим основным районом борьбы была Дакия и прилегающие

¹ *Vita Maximini*, XIII, 3—4.

² *Ammian. Marcellin.*, XIX, 11, 1; XXXI, 11, 6.

³ В. Р а р р а р t. *Die Einfälle der Goten in das römische Reich.* Leipzig, 1899, стр. 27.

⁴ *Herod.*, VII, 8.

⁵ *CIL.*, III, 3660, 4837, 5218.

⁶ *CIL.*, III, 3735—3736; 3740; V, 8076.

к ней районы: одна из солдатских надписей говорит о войне, погибшем в Дакии¹.

В буржуазной историографии одни из ученых упорно все военные события этого времени относят к «десятиям» готов², другие, в противовес им, считают, что боролись с римлянами одни карпы и свободные дакийские племена. Нет никаких свидетельств о ведущей роли готов и тем более о том, что они были единственными врагами римлян в этой войне. Эпиграфические данные говорят о сарматах и даках³. Об участии в войне карпов есть прямое указание Дексипша⁴.

Таким образом, на огромном протяжении границ Нижней Мёзии, Дакии, Паннонии римляне вели борьбу не с тем или иным племенем, но с целой коалицией племен от Тиссы до низовьев Дуная. Ведущая роль в этой борьбе принадлежала, по видимому, карпам. О том же, что участвовали в ней отнюдь не одни карпы, но и родственные им племена, свидетельствуют термины «дакийский поход», «Dacicus» и пр. Речь здесь, по видимому, идет о «свободных даках», возобновивших борьбу с римскими оккупантами, борьбу, которая почти не прекращалась со времени римского завоевания⁵. О ходе борьбы римлян с прикарпатскими племенами в эти годы сообщают лишь надписи и монеты.

Усиленные военные действия против задунайских племен развернулись, как кажется, уже весной 236 г., так как именно к этому году относятся победные титулы Максимиана и его сына, в которых к наименованию Germanicus Maximus прибавляются новые гордые наименования⁶, которые, по видимому, были приняты цезарями в связи со значительными успехами римских войск в борьбе с племенами Среднего и Нижнего Дуная. Императорские монеты 236 г. и последующего года также носят победные эмблемы и подтверждают данные эпиграфики.

Но если таким образом можно вполне определенно заметить, что с прибытием на Дунай мощных сил римской армии война приняла благоприятный для римлян оборот, то все же

¹ *CIL*, III, 3660: «Аврелию Сатулле, воину первого легиона..., погибшему в Дакии во время нападения врагов».

² В R a p p a r o r t, ук. соч., стр. 27 сл.

³ *CIL*, III, 3735, 3736, 3740; V, 8076

⁴ *Vita Max et Balb.*, XVI.

⁵ V. P a r v a n. *Dacia*. Cambridge, 1928, стр. 189; А. Д. Д м и т р е в. (Социальные движения в Римской империи в связи с вторжениями варваров, стр. 197 сл., машинопись, докторская диссертация) полагает, что в этот период произошло восстание и дакийского населения римской провинции Дакии

⁶ *CIL*, III, 3735, 3740; V, 8076. Так, в надписи № 3735 Максимиан и его сын именуются «императорами дакийскими, германскими, сарматскими».

эти успехи отнюдь не носили решающего характера. Ни Геродиан, ни Vita Maximini ни словом не упоминают о каких-либо выдающихся победах римлян; лучшим же доказательством упорного сопротивления прикарпатских племен служит затяжной характер военных действий. Тяжелая и длительная война не привела к почетному миру даже и к весне 238 г., ибо в это время Максимин вновь находится в Сирмии¹. Он, как считают, готовился к новому походу.

Однако важные события внутри империи в корне изменили и всю обстановку на фронте борьбы с племенами Причерноморья.

Военные успехи Максимина не примирили с его правлением сенатскую знать, которая продолжала ненавидеть «солдатского императора». Против Максимина создается один заговор за другим. Император отвечал усилением террора². Казненные насчитывались тысячами, знатных римлян распинали на крестах, забивали на смерть дубинами и т. п. Казни сопровождались массовыми конфискациями имущества. Между тем в поисках новых и новых средств на походы и раздачи солдатам Максимин увеличил налоги, отбирал запасы городов, сокровища храмов. Поэтому он стал вскоре ненавистен самым широким слоям населения. Дело шло к открытому взрыву. Прокуратор Африки безжалостно притеснял население провинции. Когда же он решил конфисковать владения некоторых местных посессоров, те вооружили своих рабов и колонов и подняли восстание, провозгласив императором престарелого Марка Антония Гордиана. переворот произошел и в Риме, где сенат признал нового императора и объявил Максимина врагом отечества. Когда же Гордиан погиб в борьбе со сторонниками Максимина, сенат провозгласил двух новых императоров — Пупиена и Бальбина. В события активно вмешались и народные массы Рима, которые принудили сенат провозгласить императором также и тринадцатилетнего внука Гордиана — Марка Антония Гордиана. Затем развернулись столкновения между народом и ненавидимой им преторианской гвардией; преторианский лагерь подвергся настоящей осаде, преторианцы, сделав вылазку, ворвались в город и подожгли его.

Как только весть о восстании достигла Максимина, он собрал свои войска и двинул их на Италию. Однако сенат и избранные им императоры энергично развернули подготовку к отражению армии Максимина. Перейдя Альпы, Максимин приступил к осаде Аквилей, крепости, прикрывавшей пути

¹ Herod., VII, 8.

² Vita Maximini, X.

в северные районы Италии¹. Осада затянулась, солдаты Максимиана терпели большие лишения и в конце концов восстали, убили Максимиана и перешли на сторону сената. Но обстановка в Риме продолжала оставаться очень напряженной. Армия ненавидела сенатских императоров, меж ними самими царил глухая вражда. В конце июля 238 г. преторианцы восстали, захватили в плен обоих императоров и после издевательств и пыток покончили с ними². Гордиан III стал единоличным правителем Римской империи, выступив на историческую арену как ставленник рейнско-дунайских войск и преторианской гвардии.

Таким образом, 235—238 гг. прошли в Римской империи под знаком ожесточенной политической борьбы, ознаменовавшей собою начальный этап кризиса III века. На этом этапе рабы и колоны еще не выступают достаточно самостоятельно, поддерживая нередко те или иные враждующие фракции господствующего класса. Бурно выступала городская беднота, но ее действия были лишены четкой политической направленности и носили стихийный характер. Важнейшей особенностью борьбы в 235—238 гг. было то, что она являлась борьбой между различными прослойками господствующего класса.

Несомненно, что вспышка ожесточенной внутренней борьбы в провинциях и в самом Риме и, прежде всего, уход армии Максимиана в Италию облегчили военное положение задунайских племен и создали предпосылки для перехода их в контрнаступление. Этот новый натиск на империю относится ко времени правления Пупиена и Бальбина: «При них карпы сражались с мисийцами и в то же время началась скифская война и была разорена Истрия»³. Источники сохранили мало известий и об этом новом наступлении «скифских» племен. В нем, кроме карпов, которым, как это видно из сообщения Дексиппа, принадлежала ведущая роль, участвовали также и готы, ибо после этой войны они регулярно получали дань с римлян. Наступавшим племенам удалось вторгнуться в Мёзию, а затем взять и подвергнуть разгрому город Истрию. Обстановка, сложившаяся на Дунае, требовала энергичных мер. Поэтому сам Бальбин готовился к походу на врагов⁴, однако смерть помешала ему исполнить свое намерение. Решение дунайских дел пришлось взять на себя Туллию Менофилу — руководителю обороны Аквилеи против войск Максимиана.

¹ Негод., VIII, 2 сл.

² Там же, VIII, 8.

³ Vita Max. et Balb., XVI, 3.

⁴ Там же, XIII, 5.

Источники умалчивают о точном времени его прибытия на Дунай. Во всяком случае он не мог туда явиться раньше, чем Аквилея была освобождена от осады и, вероятнее всего, начальный период его деятельности на Дунае падает на лето и осень 238 г. Как можно заключить из уцелевшего отрывка из произведения Петра Патриция, с Менофилом было значительное войско, составившее впоследствии гарнизоны Нижней Мёзии, наместником которой он являлся¹.

Источники умалчивают о ходе военных действий на Дунае после прибытия туда войска во главе с Туллием Менофилом. Но последнему, повидимому, удалось частично восстановить положение на Дунае, однако не столько военным, сколько дипломатическим путем. Это с совершенной очевидностью явствует из истории взаимоотношений Менофила с его соседями на Дунае. Готы в последующий за войной период получают дань, на эту же дань настойчиво и, видимо, с основанием претендуют и карпы². Поэтому правильно считают, что война эта закончилась заключением выгодного для прикарпатских племен мирного договора, причем римляне обещали им регулярные денежные субсидии. «Скифы» в свою очередь возвращали римских пленных (ибо сохранилась посвятельная надпись одного из граждан Дуростора, вернувшегося на родину после пребывания в плену у «скифов»)³.

Петр Патриций дает возможность уточнить и примерное время прекращения военных действий на Дунае. Он говорит, что карпы «оставались спокойными в течение трехлетнего правления Менофила»⁴. Однако поскольку установлено, что время наместничества Менофила падает на 238—241 гг., то, повидимому, перемирие было заключено или во второй половине 238 г., или в начале 239 г.

Война 232—238 гг. была одной из первых «скифских войн» III века. Впервые после значительного промежутка времени задунайские племена возобновили натиск на империю, подвергнув опустошению пограничные римские районы. Римляне пытались перенести войну на территорию противника, но «скифы» устояли в борьбе с многочисленной римской армией и добились почетного для себя мира. Возобновление войн на Дунае усугубляло начавшийся в этот период кризис III века.

Приход к власти Гордиана III знаменовал собою завершение первого этапа кризиса III века. Гордиан и близкие к нему лица проводили политику, направленную на укрепление армии

¹ Petr. Patr., fr. 8.

² Там же.

³ R. Vulpe. Histoire ancienne de la Dobroudja. La Dobroudja. Bucarest, 1938, стр. 263 сл.

⁴ Petr. Patr., fr. 8.

и государственного аппарата, по усилия их оказались бесплодными¹. Положение империи продолжало ухудшаться. Возрастало революционное брожение во Фракии, вызванное отчаянным положением низов населения², новое восстание вспыхнуло в Африке. Напряженным было внешнеполитическое положение империи: на Дунае, Рейне, Евфрате вновь собирались враждебные тучи.

К сожалению, историческая традиция о событиях этого периода крайне скудна — о положении на Дунае повествует лишь уже упомянутый отрывок из Петра Патриция, да некоторые места из жизнеописания Гордиана. Как можно судить по ним, а также по данным эпиграфики и нумизматики, римляне постепенно начали понимать опасность, надвигающуюся с Дуная. Они усиленно строят дороги в пограничных районах; крупные города, даже расположенные в глубине римской территории, в это время усиленно укрепляются. Так, монеты Марцианополя носят на себе изображения стен, башен, укрепленных городских ворот, т. е. определенно свидетельствуют о напряженной работе по усилению городских укреплений³. Другой важный оплот против «варваров» — Вимиаций получает в это время права колонии.

Активную деятельность по усилению обороны на Дунае развернул уже упомянутый выше Туллий Менофил. Не ограничиваясь укреплением больших городов, он энергично занимался обучением вверенных ему войск, поддерживая их в состоянии боевой готовности⁴. Вместе с тем римский наместник успешно действовал и способами дипломатии, стремясь запугать «скифов» зрелищем возродившейся римской военной мощи и тем расстроить их антиримские коалиции.

Интереснейшие подробности об этой стороне деятельности Рима сохранил для истории этого времени Петр Патриций в его рассказе о посольствах карпов к Менофилу⁵. Большинство буржуазных авторов, описывая эти переговоры карпов с Римом, изображают дело следующим образом: так как готы, говорят они, уже давно получали дань от римлян, то карпы «позавидовали» им и тоже потребовали дани, ссылаясь на то, что они «лучше готов». Естественно, что эти наивные претензии могли

¹ Гордиану пришлось распустить один из легионов; уже в этот период римская армия комплектовалась в значительной степени из военных колонистов, иррегулярной милиции и малороманизованных отрядов *numeri*.

² Д. П. Д и м и т р о в. Революционные брожения в Тракия и Мизия през римско време. Исторически преглед, година 3, стр. 45 сл.

³ В. P i c k. Die antiken Münzen Nord-Griechenlandes. Berlin, 1899, I, стр. 187.

⁴ Petr. Patr., fr. 8.

⁵ Там же.

встретить лишь пасемшливое отношение со стороны римских властей, которые после некоторых проволочек решительно отказали карпам в их велепой просьбе¹.

Конечно, подобная трактовка переговоров карпов с Туллием Менофилом целиком соответствует высказываниям Петра Патриция. И том не менее дословная передача утверждений этого историка способна лишь извратить истинную картину переговоров, особенно, когда это делается в полном отрыве от всех предшествующих событий. Если даже сам факт переговоров, требования карпов и отказ римлян выполнить их очевидно не могут быть подвергнуты какому-либо сомнению, то это вряд ли можно сказать об остальных частях рассказа Петра Патриция. Ведь Петр Патриций передает здесь несомненно официальную римскую версию, полную ненависти и презрения к «варварскому» племени карпов: тенденциозность эта, например, сказалась во всяческом подчеркивании унижений, которым подвергались карпы, их наивности и какого-то непонятного упорства. Поэтому смысл переговоров Менофила с карпами, если рассматривать их в тесной связи с событиями 232—238 гг., может быть представлен в несколько ином свете.

Карпы являлись ведущей силой в борьбе предшествующих лет, и вряд ли мирный договор, завершивший длительную войну (а существование его никем не оспаривается), мог быть заключен без участия карпов. Их настойчивые требования истекли поэтому не из тщеславия или зависти, а являлись обоснованными: Рим, несомненно, был обязан платить дань не только готам, но и им, карпам. Менофил же, повидимому, почувствовав себя достаточно сильным, отказал в уплате дани карпам, продолжая выплачивать ее готам². Таким образом, он вбивал клин между карпами и готами, обеспечивал нейтралитет последних в случае новой войны с задунайскими племенами. Кроме того, для истощенной римской казны средства, которые пошли бы на уплату дани карпам, могли оказаться немалым подспорьем. Но подобный шаг, сам по себе очень рискованный, очевидно был сделан не без ведома самого императора; во всяком случае, в ходе дальнейших переговоров Менофил поддерживал контакт с Римом и окончательный ответ был дан карпам от имени императора³.

Таким образом, ход переговоров между Менофилом и карпами рисуется в следующем виде. Карпы, не получая обещан-

¹ I. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. Berlin, 1910, стр. 58.

² Petr. Patr., fr. 8.

³ Там же: «Карпы, завидуя, что готы получали ежегодно дань от римлян, отправили посланников к Туллию Менофилу и с гордостью требовали денег».

ной дани, направили к Менофилу посольство. Менофил несколько дней не принимал делегацию карпов, демонстративно производя на ее глазах обучение своих войск¹. Припав, наконец, карпов он обошелся с ними с большим пренебрежением и предложил явиться за ответом через четыре месяца. Следующее посольство он встретил в новом военном лагере и вновь не дал карпам никакого ответа. Когда же карпы явились к нему в третий раз, то Менофил с насмешкой объявил им: «Цезарь решительно ничего не дает и не обещает вам. Если же вы нуждаетесь в пособии, то ступайте к нему, бросьтесь к его ногам и просите. Вероятно, просьба ваша будет услышана»². Оскорбленные карпы вернулись на родину, так и не достигнув цели.

Казалось, Риму грозило новое вторжение — «варвары» всегда очень болезненно реагировали на отказ в уплате обещанной дани. Однако, благодаря предпринятым оборонительным мерам, ловкой политике Менофила, сумевшего выиграть время и частично изолировать карпов, а более всего потому, что после долгих лет войны противники Рима нуждались в некоторой передышке, на этот раз дело обошлось без вторжения³.

Но спокойствие на Дунае длилось всего три года. Биограф Гордиана сообщает, что в период правления последнего было, якобы, два вторжения причерноморских племен. Первое вторжение с полным основанием считается в историографии мифическим — беглая, не связанная с контекстом заметка о «походе Аргунта»⁴ является вымыслом автора или ошибочным перенесением событий более позднего времени; весьма вероятно, что «Argunt» в биографии Гордиана есть не кто иной, как Аргайт из времен войн 248—251 гг. Однако, совершенно реальным является поход, относящийся ко времени экспедиции римлян на Восток.

Уход римских войск на Рейн и Дунай, обострение внутреннего кризиса империи дали возможность персам собраться с силами и возобновить борьбу с Римом. Еще во время правления Максимиана царь персов Ардашир взял Низибис и Карры⁵. Шапур, его наследник и сын, продолжал дело своего отца. Персидские войска вторглись в Сирию. Положение на Востоке становилось угрожающим. Римское правительство развернуло широкую подготовку к персидскому походу; наконец, весной

¹ Petr. Patr., fr. 8.

² Там же.

³ Там же: «Карпы удалились в досаде и в продолжение трехлетнего наместничества Менофила оставались спокойными».

⁴ Vita Gord., XXXI, 1.

⁵ Syncell., стр. 681; Zon., XII, 18.

242 г. император и его тесть Тимеситой во главе крупных сил направились на театр военных действий¹.

Известия об успехах персидских войск, повидимому, не в малой степени способствовали новому росту воинственных пастроений в среде дунайских племен, но еще большее значение имел уход дунайских легионов для участия в борьбе с Персией². Однако источники на этот раз почти ничего не говорят о том, какие же племена приняли участие в этом новом наступлении «скифов» на Римскую империю. То были, очевидно, прежде всего карпы³, старинные враги Рима; сложившаяся обстановка предоставляла им хорошую возможность, для того чтобы возобновить борьбу и одновременно отомстить за издевательство над своими послами. С другой стороны, участие в этой войне готов, продолжавших получать от римлян дань, признается сомнительным даже некоторыми шовинистически настроенными немецкими историками.

Резкие разногласия среди ученых вызывает вопрос об участии в этой войне алан. Западноевропейские историки, как правило, категорически отвергают известие биографа Гордиана об активной роли алан в описываемых военных событиях⁴, считая это целиком вымысленным, более того, приписывая их дела готам⁵. Однако Ю. Кулаковский, специально изучавший вопросы истории алан, доказал, что аланы участвовали еще в Маркоманнской войне и в более поздних войнах с Римом; участвовали они и в войне 242 г.⁶ Наблюдения относительно широкой экспансии алан в первые века н. э., сделанные рядом советских ученых (причем эта экспансия привела к появлению алан у самых границ империи), дают еще более обоснованное утверждение Ю. Кулаковского. Несомненно, какая-то часть западных алан приняла активное участие в этой войне. В борьбу с Римом включились, таким образом, новые племена.

Вторжение алан и карпов произошло весной или летом того же 242 г., ибо император с армией еще находился в придунайских провинциях. Наличие здесь римских войск безусловно сузило размах нападения и, тем не менее, «скифы» сумели прорваться во Фракию⁷ — их не смогли задержать ни горные проходы, ни укрепленные города. То были, прежде всего,

¹ Vita Gord. XXVI

² CIL, III, 196.

³ В. Р а р р а р т. Die Einfälle der Goten in das romische Reich. Leipzig, 1899, стр. 32.

⁴ Vita Gord., XXXIV, 4.

⁵ А. А l f ö l d i. The invasions of peoples. САН, t. XII, стр. 142.

⁶ Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, стр. 16.

⁷ Vita Gord., XXVI, 4.

аланы. Их отряды столкнулись с императорскими войсками «in campis Philippis»¹. Повидимому, здесь может идти речь лишь о Филиппополе Фракийском, ибо римская армия двигалась на Восток по старинной военной магистрали Сирмий — Византий и присутствие императора с войском мыслимо лишь в Филиппополе, лежащем на этой магистрали, но никак не в Филиппах, которые к тому же ни в каком отношении не могли интересоваться ни ту, ни другую сторону в разгоревшейся между ними борьбе.

Ход этой борьбы не вполне ясен. Составитель биографии Гордиана изображает ее в обычном для биографов риторически-панегирическом духе: Гордиан «держал путь на Мёзию и каких бы врагов ни встречал во время похода во Фракии — всех уничтожил, прогнал, истребил»². Однако из разъяснений того же автора в конце биографии узнаем, что эта война отнюдь не была какой-то военной прогулкой. Оказывается, что у Филиппополя (быть может, освобождая эту важнейшую крепость от угрожавших ей неприятелей) император имел с ними беспорядочную битву, потерпел поражение и вынужден был отступить³. Это был значительный успех прикарпатских племен и, очевидно, лишь с приходом новых подкреплений, следовавших по той же дороге на Восток, римлянам удалось добиться перелома в свою пользу.

Дальнейший ход борьбы неизвестен, но можно, однако, предположить, что она заняла по меньшей мере несколько месяцев, ибо вторжением были охвачены очень значительные районы; к тому же, на первом этапе борьбы римляне понесли серьезное поражение. Поэтому утверждение Лемана, что весь 242 год прошел под знаком борьбы на Дунае⁴, кажется недалеким от истины. И лишь восстановив положение на Дунае, обеспечив себе тыл и коммуникации на Восток, Гордиан III мог предпринять кампанию против персов. Война 242 г. ознаменовалась, таким образом, новым значительным успехом придунайских племен. Их отрядам удалось на этот раз прорваться в глубинные иллирийские районы и нанести в открытом бою поражение крупным силам императорской армии. Вместе с тем в составе «скифской» коалиции появилось новое племя — воинственные аланы, которым и принадлежала честь победы при Филиппополе Фракийском.

На восточном фронте военные действия развернулись успешно для римлян. Их войска нанесли персам ряд поражений и

¹ Vita Gord., XXXIV, 4.

² Там же, XXVI, 4.

³ Там же, XXXIV, 4: «ab Alanis tumultuario proelio victus abscesserat».

⁴ К. Ф. Леманн, Kaiser Gordian III Berlin, 1911, стр. 71.

стали хозяевами Месопотамии¹. Однако римлянам не удалось закрепить эти успехи. В рядах римской армии вспыхнула междоусобная борьба, которая кончилась гибелью Гордиана III и воцарением Филиппа Араба, выдвинутого восточными элементами армии. Филипп поспешил заключить мир с персами и, оставив своего брата Приска для дальнейшего регулирования дел на Востоке, уже летом 244 г. вернулся в Рим.

О деятельности Филиппа и состоянии римского государства в период его правления дошли крайне отрывочные известия. Но все они свидетельствуют о дальнейшем ухудшении положения империи. Невыносимым становилось положение колонств, все более жестокий гнет ложился и на городское население. Ярчайшим доказательством ослабления империи, роста нищеты и отчаяния низов населения служит усиление «разбойничества» и «пиратства». В этих разбойниках [latrones] следует видеть, прежде всего, бежавших рабов и колонов, которые соединились в отряды и вступили на путь самостоятельной борьбы. Но опасность, грозившая существованию империи, усилилась и с другой стороны. Рост налогового гнета, поборов и злоупотреблений, нарушение торговых связей и, наконец, явное бессилие центрального правительства способствовали росту сепаратистских тенденций в среде широких слоев провинциального населения.

Подобное критическое положение империи не могло остаться незамеченным ее соседями — скифо-сарматскими племенами. И уже второй год правления Филиппа ознаменовался новой ожесточенной войной с племенами Карпато-дунайского района.

Источниками по этой войне являются главным образом свидетельства нумизматики², о ней же повествует и краткое сообщение Зосима³. Зосим, к сожалению, не указывает, к какому году относятся описываемые им события, но поскольку он рассказывает о военных действиях уже на территории противника (в начальный период войны нападения «варваров» охватили ряд римских провинций), то речь, очевидно, идет о заключительной стадии борьбы. Перемирие, которое, по словам Зосима, последовало тотчас же за боями на территории карпов, делает еще более правдоподобным это предположение, которого придерживаются авторы, изучавшие данный вопрос⁴.

¹ A. T. O l m s t e a d. The Mid-third Century of the Christian era. Classical Philology, 1942, Juli — October, стр. 254.

² H. C o h e n. t. IV, Philippus, 107, 117—118.

³ Z o s i m., I, 20, 1—2.

⁴ B. R a p p a r t. Die Einfälle der Goten in das römische Reich. Leipzig, 1899, стр. 32.

Противниками римлян в войне и Зосим и надписи на монетах единодушно называют карпов¹. Таким образом, участие карпов в возобновившейся борьбе неопровержимо. Но были ли карпы единственными противниками римлян в этой борьбе? Вполне возможно допустить, что в данном случае карпы напали не одни, но получили широкую поддержку других прикарпатских племен, так как в этой войне нападениями были охвачены обширные территории империи: два года римляне вели борьбу, пока смогли перенести войну на территорию противника. Подобную мощь в борьбе могла развернуть лишь белая коалиция племен, во главе которой, возможно, и стояли карпы. При таком предположении не покажется неожиданным и тот факт, что всего год спустя после завершения «карпийской войны» против Рима выступила многочисленная и грозная коалиция племен², — она выросла исторически в ходе борьбы с империей, и важным этапом ее формирования была данная война.

Начальная дата этого нового военного столкновения Рима с племенами «скифов» вызывает среди авторов некоторые разногласия. Если Раппапорт, Шмидт³ и некоторые другие ученые придерживаются той точки зрения, что война началась в 245 г., то Энслин считает более вероятной датой 244 год⁴. Трудно отдать предпочтение той или иной дате. Единственной отправной точкой являются в данном случае лишь монеты Филиппа, датированные 244 годом⁵. На аверсе одной монеты изображен Филипп в походном плаще и панцире; реверс представляет из себя изображение Филиппа и трех воинов. Филипп здесь также в военном облачении, двое из стоящих с ним солдат поднимают военные знамена. Несомненно, что эта монета знаменует собой выступление в поход Филиппа и римской армии. Но известно, что значительную часть 244 года заняли переговоры Рима с персами, а затем и обратный путь римского войска на родину; с другой стороны, выступление Филиппа в поход, отраженное на упомянутой монете, еще не означает немедленного начала военных действий. Таким образом, вполне вероятно, что хотя нажим на римскую границу со стороны задунайских племен проявился уже в 244 г. — что и заставило Филиппа двинуться в поход, — широкие военные действия развернулись уже в следующем, 245 г.

Нападение карпов и их союзников было на этот раз поддержано и германскими племенами. Правда, точно неизвестно,

¹ Zosim., I, 20, 1—2; H. Cohen. Philippus, 107.

² Jordan., Getica, XVI, 92.

³ L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. Berlin, 1910, стр. 59.

⁴ Ensslin. The senate and the army. САН, t. XII, стр. 90.

⁵ H. Cohen. Philippus, 117—118.

как же это были племена, нет сведений и о ходе борьбы с ними. Как можно судить по титулу Филиппа Germanicus Maximus, германцы потерпели поражение. Тем не менее, совместное нападение германских и «скифских» племен значительно ухудшило стратегическое положение римлян, сковав на известный срок их активность в придунайских областях.

В отличие от предыдущих войн в источниках нет почти никаких указаний на то, какие именно районы были охвачены вторжением причерноморских отрядов. То была несомненно, прежде всего, Дакия, на которую посыпались всевозможные милости императора, старавшегося, видимо, хоть в какой-то степени возместить ущерб, причиненный вторжением¹; к тому же Дакия со всех сторон находилась в окружении враждебных Риму племен — в том числе и карпов. Войной в какой-то мере были задеты и Мёзия с Фракией — именно в этот период там прекратилась чеканка монет. Повидимому, имевшиеся на Дунае силы, которые возглавлялись доверенным лицом Филиппа Северианом² и наместником Нижней Мёзии Мессалиной, оказались не в состоянии оказать успешное сопротивление вторгшимся племенам. Население было охвачено паникой; зажиточные граждане бежали, зарывая в землю свои ценности. Об этом ярко свидетельствуют многочисленные клады, монеты которых относятся главным образом ко времени Филиппа³. Быть может к этим событиям относится и беглая заметка Лактанция о бегстве матери Галерия от вторгшихся карпов.

Положение, сложившееся на Дунае, заставило Филиппа лично возглавить борьбу⁴. Некоторые авторы предполагают, что он прибыл на Дунай после того, как успешно отразил нападение германских племен. И на этот раз, как и в боях 232—238 гг., в его войсках против «скифов» сражались не только легионеры, но и чужеземные контингенты, например, мавританские стрелки из лука⁵; подвижность мавров, искусное владение ими своим грозным оружием делали их опасными противниками полуобнаженных «скифов».

Однако лишь в следующем, 246 г., римляне начали одерживать заметные военные успехи. Повидимому, главное внимание Филиппа было направлено на освобождение Дакии; об успешном выполнении этой задачи свидетельствует тот факт, что

¹ В. Р и с к. Die antiken Münzen Nord-Griechenlandes Berlin, 1899, I, стр. 2 сл.

² Z o s i m., I, 19.

³ Т. Д. З л а т к о в с к а я. Мёзия в I—II веках нашей эры. М., 1951, стр. 99.

⁴ Z o s i m., I, 20, 1: «[Филипп] выступил походом на карпов, уже опустошивших побережье Истра».

⁵ Там же.

в июле 246 г. провинция получила право чеканки монет и начала новую эру¹. Но восстановление римского господства в Дакии, прикрывавшей дунайскую границу, уже в основном предопределило и общее восстановление положения в придунайских провинциях.

На этот раз римляне уже не ограничивались простым вытеснением «скифских» отрядов, как то было в 238 и 242 гг. Весь предшествующий опыт показал им, что изгнать «скифов» со своей территории еще совершенно недостаточно для обеспечения спокойствия границ: проходило 3—4 года, и вторжение повторялось с еще большей силой. Кроме того, пример Максимиана неопровержимо доказал, что лишь преследование противника на его собственной территории, разгром основных резервов врага может дать более или менее длительный промежуток мира. Видимо, именно поэтому Филипп решился на довольно смелое и рискованное мероприятие — поход в землю карпов. К этому его побуждала и военная необходимость и стремление восстановить свой авторитет, безусловно, сильно подорванный опустошением придунайских областей.

Поход состоялся уже в следующем, 247 г., — монеты этого года носят легенду «Victoria carpica»². Предполагают, что вторжение в землю карпов произошло весной 247 г., так как, повидимому, в связи с успешным завершением этой экспедиции сын Филиппа был возведен в звание Августа, а императрица Отацилла получила титул «mater Augusti et senatus et patriae» — и с этими отличиями они появляются уже в июне 247 г.³

О вторжении Филиппа в землю карпов рассказывает Зосим⁴. Проникнувшее на территорию «варваров» римское войско было встречено вблизи какой-то крепости противника войском карпов. В происшедшем сражении «варвары» потерпели поражение. Часть их рассеялась, часть отступила в крепость и подверглась осаде со стороны римских войск⁵. Через некоторое время карпы собрали новое войско, которое отправилось на выручку своих осажденных соплеменников. С прибытием этого войска в район крепости, ее гарнизон, воспрянув духом, сделал вылазку, а одновременно и вновь прибывшие силы даков атаковали римскую армию⁶. Атака была успешно отражена римлянами, причем главную роль в этом сыграли мавританские стрел-

¹ В. Риск., Ук. соч., I, стр. 2 сл.

² Н. С о h e n. Philippus, 107.

³ Н. D e s s a u. Inscriptiones latinae selectae. Berl., 1892—1916, 513.

⁴ Z o s i m., I, 20, 1.

⁵ Там же: «В происшедшем сражении варвары не выдержали нападения и, сбегавшись в одно укрепление, подверглись осаде».

⁶ Там же, I, 20, 1.

ки, «натиска которых не смогли выдержать карпы»¹. После этого неудачного для них боя, карпы вступили с римлянами в мирные переговоры. Филипп охотно принял их мирные предложения и после заключения договора удалился на римскую территорию².

Неизвестны условия этого мира римлян со «скифами». Вряд ли они были тяжелы для последних; к тому же события ближайших 2—3 лет не оставили от них и следа. Однако, несомненно, что римляне почувствовали себя на Дунае более прочно. Они прекратили уплату дани племени готов³, внимание к обороне дунайской границы также было несколько ослаблено. Б. Раппапорт, оценивая итоги этой «карпийской» войны римлян, даже говорит о «победах» и «блестящих успехах» Филиппа, завершивших войну⁴. Вряд ли можно согласиться с этой оценкой. Ведь победные надписи и эмблемы на монетах всегда в очень большой степени преувеличивали реальные успехи, имея, прежде всего, своего рода «агитационные» цели, и относиться к ним нужно со значительной осторожностью.

Вместе с тем Зосим, рассказывая о последней битве римлян с даками, ни словом не говорит о том, что успех, одержанный императорскими войсками, носил характер значительной победы; не случайным кажется и умолчание античной традиции об условиях мирного договора. Но самым неопровержимым доказательством эфемерности этих успехов римлян служит тот факт, что «разбитые» ими карпы всего год спустя явились активнейшими участниками нового мощного наступления причерноморских племен на Римскую империю⁵. Итак, в войне 245—247 гг. набегами «скифов» был задет ряд важнейших районов Иллирика и, прежде всего, Дакия, Мёзия и Фракия. Росла глубина «скифских» рейдов в империю, все новые и новые области подвергались жестокому опустошению и разрушению. Все это свидетельствовало о растущей слабости империи, с одной стороны, и крепнущих силах ее противников, с другой.

Однако, пока что, римляне могли радоваться тому, что длительная и тяжелая война на Дунае закончилась, наконец, достойным для них образом. Торжества по поводу успехов на Дунае совпали с торжествами, посвященными тысячелетию Рима⁶. По этому поводу производились новые раздачи народу,

¹ Zosim., I, 20, 2.

² Там же.

³ Jordan., XVI, 89.

⁴ B. Rappaport. Die Einfälle der Goten in das römische Reich. Leipzig, 1899, стр. 34.

⁵ Jordan., XVI, 91.

⁶ Sexti Aurelii Victoris liber de Caesaribus Ed F. Pichlmayr, Leipzig, 1911, 28, 1.

устраиались пышные цирковые представления. Римские и провинциальные монеты этого времени славят благоденствия императора и его победы над соседними народами.

3. Дальнейшее углубление кризиса империи. Поход «скифов» в империю в 248 г. н. э. и война 250—251 гг.

Официальные ликования, мечты о новом счастливом веке под эгидой Филиппа и его династии находились в разительном контрасте с реальным состоянием империи. Сепаратистские тенденции продолжают возрастать и, наконец, как в восточных провинциях империи, так и на Дунае вспыхивают большие восстания¹. Восточные провинции, и без того понесшие сильный урон от персидских набегов, чрезвычайно страдали от усилившегося налогового гнета. Наместник восточных провинций Приск безжалостно взимал всевозможные налоги, допуская при этом разные злоупотребления. Его деятельность и переполнила чашу терпения провинциалов. Одни за другими против Филиппа выдвигаются на востоке местные императоры, получавшие поддержку как населения, так и местных войск².

Не менее опасным было и восстание в придунайских областях империи, поставлявших основные кадры римских легионов. Здесь восстание охватило Мёзию и Паннонию, во главе восставших встал Марин Пакариан. Как можно судить по монетам Пакариана, восстание произошло не ранее 248 г.³, длилось оно в течение нескольких месяцев.

Таким образом, в последний период правления Филиппа уже наблюдается грозное для Рима явление: фактическое отложение от империи ряда ее важнейших областей — Сирии, Паннонии, Мёзии.

Но если римская империя все более ослаблялась внутренними противоречиями, то скифо-сарматские племена делали дальнейшие шаги по пути консолидации своих сил. К сожалению, почти единственный источник, в какой-то степени освещающий внутреннюю историю причерноморских племен в этот период, — Иордан⁴ — чрезвычайно тенденциозен и неточен. Поэтому приходится ограничиться лишь самым общим решением вопроса, рассмотрев сведения Иордана в тесной связи со всеми предшествовавшими военными событиями и используя для его критики те данные, которые сообщают другие авторы и, прежде

¹ Z o n., XII, 19; Z o s i m., I, 20.

² Z o s i m., I, 20.

³ H. C o h e n, t. IV, Pacatianus, 7.

⁴ I o r d a n., XVI, XVII.

всего, Дексипп. Конечно, эти сведения чрезвычайно скудны, по их ценность состоит в том, что это показания современника, причем в гораздо меньшей степени, чем Иордан, заинтересованного в извращении истины в пользу того или другого народа Причерноморья.

Согласно Иордану, ко времени «короля Остроготы» племя готов после ряда успешных войн подчинило своей власти многочисленные и сильные народы, в том числе маркоманнов, вандалов, квадов¹. Ряд других народов — карпы, тайфалы, певкины находились по отношению к готам в состоянии зависимости и участвовали в войнах под руководством Остроготы и его полководцев². Бóльшая часть немецких буржуазных ученых целиком принимает эту схему, созданную много веков назад в весьма прозрачных политических целях. Объединение народов Причерноморья мыслится ими лишь в форме готского завоевания; Острогота, Книва — для них реально существовавшие лица.

Но если, не ограничиваясь Иорданом, обратиться к греческим и римским авторам: Дексиппу, Зосиму, Зопару, то картина будет совершенно иной. Ни один из них не знает королей Остроготу и Книву³, ни словом не упоминает об образовании какой-то могучей готской монархии. Дексипп, современник событий, детально описывая осаду Марцианополя, говорит о «скифах» вообще, о «скифских вождях»⁴ и ничего не говорит о готах, Остроготе и даже Аргайте и Гунтерихе, лицах, вероятно, реальных. Приравнивать же «скифов» к готам, как то, по примеру Иордана, делают многие буржуазные ученые, нет никакого основания, ибо когда вместо обобщающего названия «скифы» греко-латинские авторы называют отдельные племена, то перед читателем выступают сарматы, даки, карпы, алапы и другие народы, в состав которых входили и готы.

Молчат авторы и об огромных войнах, якобы шедших на территории Причерноморья в этот период; а известно, что они всегда с радостью отмечали внутренние войны и смуты, происходившие в среде германских и причерноморских племен.

К тому же, 15 лет активнейших войн задубайских племен с Римом были бы совершенно невозможны, если бы параллельно между этими племенами происходили большие междоусобные войны. Конечно, нельзя утверждать, что среди них тогда царили мир и спокойствие; столкновения, несомненно, были. Но все же их главное внимание и основные силы все больше переключались

¹ Jordan., XVI, 89.

² Там же, XVI, 91.

³ Ср. L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. Berlin, 1910, стр. 61.

⁴ Dexipp., fr. 18.

на борьбу с Римской империей. И именно эта борьба должна была стать одной из важнейших основ объединительного процесса. Зосим, касаясь событий III в., прямо говорит о «поднявшихся на Рим народах»¹, об объединении «варваров» на борьбу с Римом.

Таким образом, надуманные схемы о какой-то готской монархии не имеют под собой абсолютно никакой почвы. Но, отвергая вымыслы Иордана о готских завоеваниях и готских королях², нет, конечно, основания отказываться от всех сообщаемых им сведений. Это было бы также неправильно, ибо сведения Иордана все же восходят к Дексиппу. Поэтому можно высказать предположение, что народы, приводимые Иорданом в описании войн «Остроготы», как им «подчиненные», в действительности члены возникшего в Западном Причерноморье мощного племенного союза. В состав его, как можно судить по Иордану, входили: карпы, певки (бастарны), готы, тайфалы, асдинги³ и, вероятно, еще ряд племен, не названных Иорданом из-за беглости изложения.

В это объединение, следовательно, входило как коренное население Причерноморья, так и пришлые племена. Объединяющей силой этого союза явились, повидимому, карпы (которые, как полагает проф. А. Д. Удадьцов, сами слагались из двух племен⁴): ведь именно карпы в течение десятков лет выступали как активнейшая сила в борьбе с римлянами; почти ни одна из войн на Дунае в первой половине III в. не обходилась без их участия. Даже Иордан, признававший военную доблесть неоспоримой монополией готов, называет карпов народом «всегда готовым воевать и часто враждебным римлянам»⁵. Именно такой сильный, воинственный народ и должен был возглавить борьбу с общим врагом причерноморских племен.

Итак, Римской империи, переживавшей величайшие внутренние трудности, противостояло на ее дунайской границе разросшееся и окрепшее объединение «скифских» народов.

Почти все авторы, изучавшие историю III в., признают, что новое вторжение «скифов» при Филиппе Арабе было тесно связано как с общим состоянием империи в это время, так и с положением, сложившимся в дунайских провинциях (восстание Марина Пакиатиана). Однако одни из них считают, что восстание Пакиатиана имело место весной 248 г. и предшествовало

¹ Zosim., I, 29.

² Jordan., XVI, 89—92.

³ Там же, XVI, 91.

⁴ А. Д. Удадьцов. Племена Европейской Сарматии. Советская этнография, 1946, № 2, стр. 49.

⁵ Jordan., XVI, 91.

вторжению «готов», как бы открыв им дорогу¹; другие, наоборот, полагают, что само возвышение Марина Пакациана связано с успехами, которые тот одержал в борьбе с причерноморскими племенами, и даже относят его провозглашение императором на самый конец 248 г.²

Первое мнение, повидимому, более убедительно. Источники ни слова не говорят о каком бы то ни было успехе Пакациана в борьбе с готами, с другой стороны, есть прямое указание Иордана на то, что солдаты не оказали противодействия вторгшимся врагам³, а это легче всего объяснить именно состоянием мятежа. Наконец, и тот факт, что важнейшая римская крепость Марцианополь вынуждена была обороняться силами одних горожан⁴ (причем во главе обороны стоял... философ Максим) свидетельствует о том же.

Таким образом, как это и было много раз, ослабление обороны на Дунае было немедленно использовано задунайскими племенами для нового вторжения в империю. Благодаря почти что синхронной связи его с восстанием Пакациана, нетрудно определить и его дату — то был 248 г. Более точное определение времени несколько затруднительно. Начало войны, повидимому, относится к весне 248 г. — вероятное время восстания в придунайских провинциях. Во всяком случае, осенью 248 г. поход, повидимому, еще продолжался, поскольку в это время в Виминации кончается непрерывный ряд монет с именем Филиппа⁵ — явное следствие внешних потрясений, переживаемых империей.

Сведения об этой войне хоть и не велики, но все же гораздо более значительны, чем по предшествовавшим войнам. Кроме рассказа Иордана, имеется еще и значительный фрагмент из Дексиппа, посвященный кульминационному пункту войны — осаде Марцианополя⁶.

Прежде всего возникает вопрос о том, был ли здесь один или два похода, которые следовали один за другим почти без всякого интервала. Иордан совершенно определенно говорит о двух походах: одном — под руководством короля Остроготы и другом — под руководством его полководцев — Аргайта и Гунтериха⁷. Витерсгейм⁸, Альфельди и ряд других буржуазных

¹ Ensslin. The senate and the army. САН, t. XII, стр. 92.

² Wittig, PW, Messius (9) Quintus Decius.

³ Jordan., XVI, 90.

⁴ Dexipp., fr. 18.

⁵ B. Pick. Die antiken Münzen Nord-Griechenlandes Berlin, 1899, I, стр. 24.

⁶ Dexipp., fr., 18.

⁷ Jordan., XVI, 89—92.

⁸ E. Wickersheim. Geschichte der Völkerwanderung, Leip., 1880, I, стр. 198.

ученых, следуя Иордану, также говорят о двух походах, имевших место в одном и том же 248 году. Однако о первом из этих походов, «походе короля Остроготы», Иордан¹ не может сообщить ничего конкретного, ограничиваясь фразой общего порядка, которую можно было бы применить к любому другому походу тех времен. Его сообщения о внутренних римских делах в период первого похода тоже весьма путаны. Так, согласно Иордану, Деций, посланный Филиппом на Дунай, возвратился к нему, отчаявшись в успехе своей миссии².

С другой стороны, руководитель первого похода, Острогота, лицо не историческое, так как ни греческие, ни латинские авторы ничего не знают о готском короле, носившем такое имя. Единственное, что можно извлечь из упоминаний о короле Остроготе — это то, что уже в тот период, быть может, началось деление на остроготов и визиготов, и один из вождей «скифского» войска был из племени остроготов, причем Иордан превратил его племенную принадлежность в имя собственное и сделал из него короля всех «готов». Но поскольку сами эти термины относятся с несомненностью ко времени более позднему, то вполне возможна также и перестановка во времени, столь часто применяемая Иорданом.

Если сведения о первом походе весьма общи, путаны и сомнительны, то совсем другое можно сказать о втором походе³. Здесь изложение вполне конкретно; важнейшее событие, связанное со вторым походом — осада Марцианополя, описано подробно важнейшим автором — современником событий — Дексиппом⁴. Приводимые Иорданом имена вождей второго похода — «Аргайт» и «Гунтерих»⁵ также в известном смысле подтверждаются упоминанием биографом Гордиана некоего скифского вождя «Argunt»⁶.

Таковы соображения источниковедческого порядка, которые заставляют усомниться в реальности двух походов — и именно первого из них. Не менее серьезные сомнения возникают, если сравнить сведения об этом «двойном» походе со всеми данными о других походах того же III в. Опыт же всех коалиционных походов III в. (каковым безусловно был и поход 248 г.) показывает, что каждый из них требовал огромной подготовки — на сборы отдельных частей войска, их снаряже-

¹ Jordan., XVI, 90.

² Там же.

³ Там же, 91—92.

⁴ Dexipp., fr 18

⁵ Jordan., XVI, 91.

⁶ Можно рассматривать имя Argunt как возникшее из слияния двух имен «Ar[gait]» и «Gunt[erich]» или, что кажется более вероятным, видеть в нем видоизменение имени «Argait».

ние и т. п. Так, почти целый год заняла подготовка к походам 258 г., 269—270 гг. и др. Каждый поход длился по меньшей мере несколько месяцев, занимая в основном весенне-летний период года. И два похода в один год кажутся мало реальными.

Таким образом, схема Иордана должна быть отвергнута. Остается только решить — почему все же у него идет речь о двух походах? Как показал Раппапорт¹, дело тут объясняется весьма просто: при характерном для него списном ознакомлении с источниками, Иордан переделал стоявшую в подлиннике фразу: «Опустошившие вторую (т. е. Нижнюю!) Мёзию» в предложение: «Во второй раз опустошившие Мёзию»². Это неверное чтение повлекло за собой и представление о двух нападениях на Мёзию и соответственно — о двух походах.

Как уже отмечалось выше, нападение «скифов» совпало с восстанием на Дунае. Именно это восстание и облегчило вторгавшимся их задачу. В обстановке междоусобия скифосарматы, повидимому, без всякого противодействия со стороны римских войск перешли Дунай и углубились в территорию противника.

По утверждению Иордана, в состав «скифского» войска входило 300 тыс. человек³. Конечно, численность эта чрезмерно преувеличена, однако данные историка о численности отряда карпов, входившего в состав «скифского» войска, вполне реальны и, быть может, даже несколько преумерены — в отряде карпов он насчитывал всего 3 тыс. человек. Во всяком случае, судя и по коалиционному характеру предприятия и по данным (пусть и неточным) Иордана, то был один из крупнейших походов племен Причерноморья.

По сообщению Иордана, во главе их войска стояли Аргайт и Гуптерих. Нет оснований отрицать существование этих вождей и их роль в походе. И, однако, будет неверно, основываясь лишь на этих случайных именах, говорить о какой-то исключительной роли готов в походе 248 г. В подобных коалиционных походах каждая часть войска, представлявшая то или иное племя, имела обычно своего вождя, и единое командование появлялось, повидимому, лишь в наиболее ответственные моменты похода.

Первым объектом нападения задунайских племен явилась Нижняя Мёзия⁴; в ходе дальнейшего продвижения им удалось

¹ В. Раппапорт. Die Einfälle der Goten in das römische Reich. Leipzig, 1899, стр. 35

² Jordan., XVI, 92: «secundo Moesiam populati».

³ Jordan., XVI, 91.

⁴ Там же, XVI, 92.

проникнуть и во Фракию¹. Но на этот раз «варвары» не ограничились нападениями на селения и малоукрепленные города: значительные массы их после опустошения сельских местностей Мёзии двинулись к городу Марцианополю². Марцианополь, один из богатейших городов империи, являлся столицей Нижней Мёзии и вместе с тем важнейшей крепостью, прикрывавшей проходы через Балканы. В силу всех этих причин Марцианополь явился основным объектом нападения скифо-сарматского войска.

Об осаде Марцианополя дошел фрагмент из Σχυδικά³ Дексиппа; очень бегло сообщает о ней и Иордан в своей «Getica»⁴. Рассказ Дексиппа и краткая заметка Иордана значительно противоречат друг другу; по Дексиппу, осада длилась всего несколько дней и закончилась полной неудачей; Иордан, наоборот, говорит о долгой осаде и выкупе, полученном «гетам» с граждан Марцианополя. Тенденциозность Иордана, его склонность к фальсификациям, заставляет многих авторов целиком становиться в описании этой осады на позиции Дексиппа. Однако, если к Иордану необходим действительно крайне осторожный и критический подход, то всё же нужно критически относиться и к Дексиппу. В этом же вопросе готскому патриотизму Иордана явно противостоит римский и провинциальный патриотизм Дексиппа, и его рассказ нуждается в очень существенной критике.

Согласно Дексиппу, приближение «скифов» к Марцианополю не застало горожан врасплох. Город был хорошо укреплен еще во времена наместничества Менофила, граждане Марцианополя «запаслись заранее всем необходимым на время осады»⁵. Во главе их встал некий философ Максим, видимо, имевший некоторые познания в военном деле. Максим всячески ободрял горожан и, вместе с тем, рекомендовал им воздерживаться от наступательных действий, в которых, естественно, все преимущества были на стороне «готов»⁶. Заготовив достаточное количество метательных снарядов, осаждающие обступили городские стены и завязали ожесточенный бой с защитниками города. Дротики и камни сыпались, как густой град, но горожане, прикрытые зубцами стен, находились в неизмеримо более выгодных условиях, чем «скифы»⁷. Первое столкновение, возможно, так и не вышло из стадии метательного боя — после

¹ Jordan., XVI, 90

² Dexipp., fr. 18.

³ Там же.

⁴ Jordan., XVI, 92

⁵ Dexipp., fr. 18.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

истощения запаса камней и дротиков осаждающие отошли от стен города¹.

Так выглядит, по Дексиппу, начало боев «скифов» с защитниками Марцианополя. Картина эта довольно реальна; однако дальнейшее изложение Дексиппа всё же, повидимому, несколько упрощает события и освещает их в пользу римлян. В самом деле, трудно допустить, чтобы «скифы» так и не сделали попытки взобраться на стены города; несколько удивляет и полное отсутствие у них даже самых простых осадных орудий и отказ от блокады города. Вероятно, бои под Марцианополем носили всё же гораздо более длительный² и активный характер, чем то пытается показать Дексипп, выставляя в ярком свете как искусство Максима, сумевшего так удачно перехитрить врагов, так и мужество горожан.

Но всё же, повидимому, исход этих боев был не в пользу нападающей стороны. Значительные массы осаждавших сконцентрировались на уже опустошенной земле; город был прекрасно укреплен, горожане, повидимому, защищались отчаянно. Между тем у «скифов» не было еще достаточного опыта в осаде больших городов; несомненно, что и осадная техника их не стояла еще на должной высоте. Кроме того, они уже были сильно утомлены предшествовавшими военными действиями. Все эти факторы, возможно, и предопределили неудачу дунайских племен под Марцианополем и принудили их прекратить осаду³.

Восстания в разных частях империи и вторжение «скифов» привели Филиппа в полное отчаяние. Он даже намеревался отречься от престола и лишь вмешательство энергичного и влиятельного сенатора Деция помешало ему привести в исполнение свое намерение⁴. К тому же, хотя сведения о борьбе императорских войск против восставших отсутствуют, но, повидимому, разногласия в среде последних сыграли всё же немалую роль в постепенном улучшении положения. Погиб Иотаниан⁵; дунайский император Марин Пакутиан пал от рук собственных солдат. Филипп воспрянул духом и, памятуя услугу, оказанную ему Децием, предложил ему чрезвычайные полномочия для окончательного урегулирования дел на Дунае.

Положение, сложившееся на Дунае ко времени прибытия Деция (июнь 249 г.), оставалось напряженным. Неудача под

¹ Dexipp., fr. 18: «Как только у варваров истощился без всякого для них успеха запас камней, дротиков и стрел и исчезла надежда взять город без значительного труда, то они впали в уныние и, по приказанию своих вождей, отошли».

² Iordan., XVI, 92.

³ Dexipp., fr. 18.

⁴ Zosim., I, 21.

⁵ Там же.

Марцианополем, повидимому, послужила сигналом к отходу «скифов» на свою территорию, и к зиме 248/49 года их основные силы, очевидно, уже покинули придунайские области, но восстание на Дунае еще продолжалось, хотя, повидимому, и шло на убыль; в среде повстанцев вспыхнула внутренняя борьба, жертвой которой и пал Марин Пакагиан¹. Таким образом, задача Деция на Дунае состояла прежде всего в том, чтобы окончательно подавить восстание, наказать активных его участников и восстановить дисциплину в войсках. На эту сторону его миссии отчетливо указывают и Зосим² и Зонара³.

Однако Иордан всю задачу Деция сводит к борьбе с «готами» и лишь мельком упоминает о его деятельности по подавлению мятежа⁴. Конечно, в данном случае Зосим и Зонара заслуживают большего доверия, чем Иордан, который всю римскую историю рассматривает сквозь призму римско-готских отношений. Однако весьма вероятно, что и в рассказе Иордана есть какое-то зерно истины. Пока мятеж не был окончательно подавлен и граница оставалась незащищенной, отряды воинственных соседей могли успешно продолжать набеги на римскую территорию.

Явившись на Дунай, Деций развернул там энергичную деятельность. С пребыванием его на Дунае и связан чрезвычайно интересный факт, о котором рассказывает Иордан⁵. Деций, повидимому, расформировал наиболее ненадежные или участвовавшие в восстании части, и тогда солдаты этих частей ушли на территорию врагов и были охотно приняты ими. Иордан объясняет это дезертирство к врагу тем, что солдаты были крайне раздражены таким несправедливым к ним поступком — изгнанием из армии после стольких лишений и жертв⁶. Но, конечно, причина лежала гораздо глубже — многие из солдат — уроженцев Мёзии, Фракии, Дакии — сочувствовали единоплеменным им народам, сохранившим независимость и теперь вновь вступившим в борьбу с ненавистным Римом. Этот переход воинов на сторону противника имел и более непосредственные последствия. Перебежчики всячески побуждали «скифов» к новому нападению на империю⁷, в распоряжении последних оказались опытные проводники и лица, прекрасно знавшие состояние римской армии.

¹ Z o n., XII, 19, стр. 131.

² Z o s i m., I, 21.

³ Z o n., XII, 19, стр. 131.

⁴ I o r d a n., XVI, 90.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, XVI, 91.

Переход солдат на сторону «скифов», возможно, привел к новому ухудшению положения на дунайской границе: ряд современных авторов упоминает о военных столкновениях Деция с «готами», приписывая само его возвышение каким-то успехам на Дунайской границе¹. Возможно, что столкновения и имели место, хотя о них говорит лишь один Иордан². Однако по высказываниям Иордана невозможно судить об их характере и исходе и тем более делать заключения об их влиянии на последующие события.

Ход же этих событий принял несколько неожиданный для Филиппа оборот. Дунайские легионы, лишь недавно принимавшие участие в восстании Пакатиана, восстали вновь, но на этот раз императором был провозглашен сам Деций³. Во главе своих легионов он двинулся на Запад. При Вероне произошло решающее столкновение обеих армий, закончившееся полной победой Деция и гибелью Филиппа⁴ (осень 249 г.).

Мирный период правления Деция длился всего несколько месяцев; источники и для этого времени также чрезвычайно скудны (исключая область религиозных отношений) и тем не менее несомненно, что Деций и его деятельность произвели на античных авторов большое впечатление благодаря некоторым особенностям его правления. Он действовал в годы, непосредственно предшествовавшие максимальному размаху кризиса империи, делая отчаянные попытки улучшить положение государства и в конце концов трагически погиб в борьбе.

Для внутренней политики Деция характерны сильные элементы консерватизма, стремление возродить «старую римскую доблесть». С этой стороны деятельности Деция, очевидно, связано и происходившее в его правление первое общеимперское гонение на христиан. Большое значение имели также военные мероприятия Деция. Он много делал для восстановления военной дисциплины, укрепления пограничных районов и расширения там сети дорог⁵. Важнейшим объектом оборонительных мероприятий Деция были придунайские провинции, где и произошла война, которая нанесла решительный удар всем реформаторским попыткам Деция.

Как вся война 250 — 251 гг., так и битва при Абрите не нашли еще должного отражения в историографии. Буржуазные ученые, специально изучавшие войны римлян с задунайскими племенами, уделяют ей немногим больше внимания, чем

¹ E n s s l i n. The senate and the army, САН, t. XII, стр. 93.

² I o r d a n., XVI, 90.

³ Z o s i m., I, 21, 22; Z o n., XII, 19, стр. 132.

⁴ A u r e l. V i c t., Caes., 28, 10; E u t r o p., IX, 3; Z o s i m., I, 22.

⁵ C I L, III, 4651.

остальным войнам III в., — они утверждают, что и в этой войне руководящую роль вновь играли готы во главе с их королем Книвой¹. Что же касается участия других племен, то оно рассматривается как вспомогательное и подчиненное действию этой основной силы. Ход военных действий рассматривается в трудах этих авторов совершенно схематически и если у Альфёльди² еще можно отметить кое-какие высказывания военно-стратегического порядка, то Рапппорт и Шмидт ограничиваются лишь кратким перечислением маршей и битв. Несмотря на неодинаковую ценность источников, описывавших эту войну, и существенные противоречия в их высказываниях при изложении событий, эти ученые не уделяют должного внимания разбору и критике источников, зачастую просто следуя тому или другому автору.

Несколько большее внимание уделяется битве при Абритте (особенно Л. Шмидтом)³. Однако и здесь подход к описанию событий методически неверен. Так, Рапппорт для определения существенного, но все же второстепенного вопроса о точном местонахождении Абритты, привлекает данные двух десятков авторов и совершенно недостаточное внимание уделяет изображению самого хода боя⁴, хотя для этого имеется материал у ряда авторов, и в том числе у Зосима⁵ и Зонары⁶. Буржуазные историки не дают также и должной оценки битвы под Абриттом.

Наконец, вопрос о влиянии войны 250—251 гг. на весь дальнейший ход борьбы причерноморских племен с Римом также не может быть решен простым указанием на то, что «всякий барьер, который смог бы удержать варварский поток, был теперь снесен прочь»⁷. Влияние победы при Абритте на развитие борьбы племен Причерноморья, персов и германцев заслуживает, конечно, более пристального внимания, равно как и резонанс на эту битву внутри империи.

В источниках война 250—251 гг. является одной из наиболее освещенных, и это понятно, ибо ее значение вышло далеко за пределы любой из предшествовавших «скифских войн». Разгром Филиппополя, страшное поражение римлян при Абритте, сопровождавшееся гибелью императора и его сына, заняли прочное место не только в греко-римской, но и в византийской исто-

¹ В. Рапппорт. Die Einfälle der Goten in das römische Reich. Leipzig, 1899, стр. 38.

² А. Альфёльди The invasions of peoples. САН, т. XII, стр. 143—146.

³ Л. Шмидт. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. Berlin, 1910, стр. 63.

⁴ В. Рапппорт. Ук. соч., стр. 41—42.

⁵ Зосим., I, 23, 1—3.

⁶ Зонара, XII, 20, стр. 136.

⁷ А. Альфёльди. Ук. соч., стр. 146

рической традиции. Конечно, исходные позиции различных авторов в изображении этих событий были весьма неодинаковы. Внимание римских писателей привлекала трагическая гибель обоих Дециев и измена Приска, причем самому ходу военных действий почти не уделялось внимания — по причинам вполне понятным¹. Позднее византийские авторы (Зонара² и Синкелл³) дают хотя и беглое, но более последовательное изложение событий, причем также основное внимание обращают на гибель Деция и его войска, но уже с другой целью: для них его смерть есть лишь возмездие за муки и преследования христиан.

Важнейшим источником для этой войны является *Getica* Иордана⁴. Он, конечно, более детально, чем какой-либо другой писатель, описывает подвиги «готов», хотя иногда считается и с самолюбием римлян; так, битва при Абритте почти обойдена в его изложении и дана в плане патриотической римской традиции. Для последнего периода военных действий, и особенно битвы при Абритте, исключительно важен рассказ Зосима⁵ — более детальный и объективный, чем повествование любого другого писателя. Огромный интерес для историка представляют фрагменты Дексиппа⁶, сообщающие важные подробности об осаде Филиппополя. Исключительно важную роль для определения хронологии военных действий имеют надписи и монеты, ибо ни один из перечисленных авторов не сообщает точных хронологических дат.

Хотя подавляющая часть сведений по этой войне восходит к тому же Дексиппу, но все же показания источников отличаются большой противоречивостью. Противоречия имеются не только между Иорданом и греческими авторами, но и среди самих греческих авторов. Так, первый этап войны (до падения Филиппополя и битвы при Берое) Синкелл дает как период римских побед, особенно выделяя битву при Никополе⁷. Зосим же вообще вплоть до самого Абритта не знает ни одного поражения римлян, но указывает на одни только многочисленные победы⁸. Иордан, наоборот, почти не видит неудач «скифов» и, судя по нему, при Никополе вообще не произошло никакой битвы. Но зато тем более яркими красками он рисует поражение римлян при Берое⁹. Очень важны противоречия между Зосимом и Зонарой в изображении ими знаменитой

¹ *Aurcl. Vict., Caes., XXIX.*

² *Zon., XII, 20—21.*

³ *Synsell., стр. 705.*

⁴ *Iordan., XVIII, 101—103.*

⁵ *Zosim., I, 23, 2—3.*

⁶ *Dexipp., fr. 19 и 20.*

⁷ *Synsell., стр. 705.*

⁸ *Zosim., I, 23, 1.*

⁹ *Iordan., XVIII, 102.*

битвы при Абритте: именно в вопросе о тактическом построении скифо-сарматского войска и в описании самого хода битвы.

Первые месяцы правления Деция прошли на Дунае в обстановке относительного спокойствия. Это видно и из свидетельств нумизматики и из эпиграфических данных¹; вместе с тем есть и прямое указание Иордана на то, что вплоть до смерти «Остроготы» готы держались в пределах своей территории, «проживая в мире и спокойствии»². Правда, касаясь взаимоотношений внутри причерноморских племен, Иордан рассказывает, что после того как готы, обогатившись добычей, вернулись с Дуная на родину, на них произошло нападение племя гепидов, но готы разбили их наголову³. Возможно, что в этой заметке Иордана и лежит какое-то зерно исторической истины, но тем не менее тут возникают и некоторые сомнения. В хронологии Иордан был чрезвычайно неточен; римские авторы — современники событий — относят борьбу готов и гепидов к гораздо более позднему времени, именно — к концу III в. н. э. Во всяком случае, если эти столкновения и были, то они отнюдь не приняли характера крупной войны, — внимание «скифов» уже было вновь приковано к дунайской границе. Война 245—247 гг. и особенно война 248 г. послужили для них хорошей школой для нового мощного наступления на империю.

Обстановка и на этот раз благоприятствовала им. Несмотря на все усилия Деция, положение империи не улучшалось. Зосим указывает на то, что в канун «скифского» похода дела империи пришли в полный беспорядок⁴. По словам Иордана, Книва знал о незащищенности Мёзии «вследствие небрежения императоров»⁵. Хотя этот упрек по отношению к Децию, быть может, и не вполне справедлив, но уход с ним в Италию лучших дунайских легионов безусловно сильно ослаблял оборону на Дунае. И при всем желании Деций не смог бы намного улучшить положение на Дунае — в Галлии вспыхнуло восстание⁶; начало оживать и движение германских племен.

Правда, борьба с германцами носила успешный для римлян характер, восстание в Галлии также было подавлено довольно быстро. Но не успели еще окончательно наладиться дела на Рейне и в Галлии, как в Рим пришли известия о новом грозном вторжении причерноморских «скифов» в Мёзию и Фракию. Имеющиеся в источниках данные помогают относительно точно определить дату этого вторжения племен Причерноморья.

¹ H. Cohen, Decius, 41, 42; CIL, III, стр. 899A.

² Jordan., XVII, 100.

³ Там же.

⁴ Zosim., I, 23, 1.

⁵ Jordan., XVIII, 101.

⁶ Eutrop., IX, 4.

В декабре 249 г. Деций считал еще возможным отпустить со службы старослуживых солдат¹, что не могло случиться, если бы в это время уже началось нападение на римские пределы. Но, с другой стороны, есть основание полагать, что сын Деция, Геренний Этруск, получив звание цезаря, был сразу же направлен в Иллирию именно для подготовки похода², а так как он стал цезарем еще в апреле — мае 250 г., то естественно заключить, что весной 250 г. «скифское» наступление уже приняло значительные размеры. Таким образом, повидимому, сразу же по истечении зимы 249/50 года «скифы» начали свое нападение на империю.

Ни один из источников не перечисляет в данном случае все племена, принявшие участие в походе. Зосим говорит о «скифах» вообще³. Синкелл о «скифах, называемых готами»⁴, Лактанций всю войну приписывает одним карпам⁵, Иордан — одним готам. Уже подобный разнобой в источниках позволяет предполагать, что здесь вновь идет речь о коалиции племен, но из авторов только Зосим дает обобщающее имя «скифы», а остальные называют лишь одно из племен. Это была, повидимому, та же коалиция племен, которая выступала и в 248 г., но, быть может, еще более расширившаяся, если судить по огромным размерам развернувшейся борьбы и данным о численности «скифских» армий и их потерях.

Народы Причерноморья вступили в эту войну, располагая большой, разнообразной по родам войск и закаленной в боях армией. До нас дошла характеристика этой армии, данная не кем иным, как современником и участником событий — императором Децием в его письме к филиппопольцам. Возможно, конечно, что значительная часть известного обращения Деция к гражданам Филиппополя вымышлена Дексиппом, но поскольку в распоряжении последнего находились безусловно достоверные сведения, то и в таком виде эта характеристика представляет огромный исторический интерес.

В своем обращении Деций говорил: «Вы не должны, без помощи союзников, идти на битву с воинами, которые встретят вас с твердою силой, у которых многочисленная конница, многочисленная тяжело- и легковооруженная пехота, которые страшны своей опытностью в военном деле и своею наружностью, а потрясением оружия, угрозами, издаваемыми громким

¹ CIL, III, стр. 899A Imp. Caes(ar) C Messius Quintus Tr(aianus) De(cius)... iis qui militaverunt in classe praec(toria) Deciana . dimissis honesta missione .. civitatem Romanam... dedit.

² Vict., XXIX, 1.

³ Zosim., I, 23.

⁴ Syncell., стр. 705.

⁵ Lact., de mort. persec., IV, 3.

голосом, могут привести в робость тех, кто впервые на них нападает»¹.

При изучении этого первого этапа военных действий встает один очень важный вопрос, без разрешения которого не представляется возможным дать верное изображение событий: действовали ли племена Северного Причерноморья в период важнейших битв 250 г. одной армией, или весь поход как бы разбился на два потока, причем одна армия оперировала на севере, а другая на юге, во Фракии? Домашевский и Шиллер² стоят на первой точке зрения. Согласно этим авторам, армия Книвы билась под Новами, Никополис, Берое, а затем она же осадила и взяла Филиппополь. Раннапорт³ и Шмидт придерживаются противоположной точки зрения, т. е. той, что осадой Филиппополя занялась отделившаяся часть войска, которая впоследствии и соединилась с войском «Книвы» — и тогда только и пал Филиппополь.

Разрешение этого вопроса, на первый взгляд чисто стратегического, невозможно, однако, без учета внутреннего положения, которое сложилось в провинциях, подвергшихся вторжению. Положение же это характеризовалось тем, что угнетенное население Мёзии, Дакии и других областей оказало активную помощь «скифам», поддержав их своими выступлениями. Действительно, только этой поддержкой можно объяснить тот факт, что «варвары», лишённые связи с родиной, теряя в боях массу людей, тем не менее нанесли римлянам ряд жестоких поражений. Рабы, колонны — вот кто явился, прежде всего, резервом для пополнения редеющих рядов скифо-сарматского войска. Правда, как это и показал убедительно проф. Дмитриев в своей работе, термин «готы» в описании этой войны, как и многих других, вобрал в себя у авторов и название фракийцев-гетов, в частности жителей Малой Скифии, и выделить поэтому самостоятельную струю движения народных масс Мёзии, Фракии и других областей чрезвычайно трудно⁴.

В описанных условиях разделение скифской армии на две части становилось вполне возможным и целесообразным, ибо это разделение сил не только не ослабляло «скифов», но вело к притоку новых свежих резервов, открывало для них новые стратегические направления. Поэтому здесь речь может идти только о двух армиях «скифов», из коих одна билась в Мёзии, а другая прорвалась во Фракию. Иордан ясно говорит о разде-

¹ Dexipp., fr. 19

² Н. Schiller. Geschichte der römischen Kaiserzeit. Gotha, 1883—1887, t I, стр. 805—806.

³ В. R a p p a r t. Die Einfälle der Goten in das römische Reich. Leipzig, 1899. стр. 38—39.

⁴ А. Д. Д м и т р е в. Указ. диссертация, стр. 180 сл.

лении войска «скифов» на две части: это разделение «скифских отрядов» под Новами имело вполне определенную цель. Главные силы шли на основную часть римской армии, вспомогательное войско было направлено на опустошение римских тылов и дезорганизацию их обороны¹. Вполне естественно предположить, что это второе войско в своем движении на юг прошло через Балканы и проникло во Фракию, тогда как основные силы боролись с Децием и Галлом. Не случайно, повидимому, что при описании военных действий в Мёзии перед читателем выступают явно две римские армии, тогда как у «скифов» действует только одна, т. е. «армия Книвы». Это можно понять только в том случае, если другая их армия находилась в гораздо более южных районах.

Наконец, из труда Дексиппа с несомненностью явствует, что в период между битвой под Никополем и битвой при Берое осада Филиппополя шла уже полным ходом, горожане к тому времени не только отбили «скифские» атаки, но даже требовали контрнаступления. Но так как из источников известно, что Книва взял Филиппополь только после битвы при Берое, то становится несомненным тот факт, что город уже перед этим осаждали какие-то другие «скифы». Правда, если следовать Иордану буквально, то Книва после неудачи под Никополем «поспешил к Филиппополю», но он отнюдь не говорит о его осаде Книвой именно в это время, да и «долгая осада» Филиппополя была совершенно исключена в период, когда Деций шел по пятам за войском Книвы. Само же стремление Книвы к Филиппополю было вполне понятным — там находилось другое войско причерноморских племен.

Довольно сложные маневры «скифов» в немалой степени обуславливались и тем, что в их наступлении им приходилось много времени и сил употреблять на преодоление или обход римских укреплений. Уже давно миновали те времена, когда оборона на дунайской границе сводилась к сравнительно узкой полосе лимеса. В течение II и первой половины III в. римляне приложили много усилий к созданию на Дунае целых мощных укрепленных районов.

С северо-востока римские владения прикрывала Дакия — важнейший форпост в борьбе с наступающими припонтийскими племенами. Вдоль северо-западных и восточных границ Дакии подобно вееру располагалась цепь кастелов, сторожевых башен и валов², причем особое внимание обращалось на защиту гор-

¹ I o r d a n., XVIII, 101: «После его [Остроготы] смерти Книва разделил армию на две части и одну послал опустошать Мёзию, зная, что она была не защищена вследствие небрежности императоров».

² И. Т. К р у г л и к о в а. Римская провинция Дакия во II—III вв. Рукопись монографии, стр. 102.

ных проходов и речных долин. Важнейшими центрами римской обороны в Дакии были города Апул и Потаисса — постоянные места расположения XIII и V легионов римской армии.

Дакийский укрепленный район двойной линией кастелов соединялся с укреплениями Мёзии, которые представляли собой его дополнения, имея вместе с тем и большое самостоятельное значение (стратегическое значение Мёзии состояло, в частности, в том, что долины Нижней Мёзии представляли собой естественные пути проникновения «скифских» отрядов). Важнейшие укрепления Мёзии располагались или по линии величайшей водной преграды — Дунаю, или в прилегающих к нему районах; область эта была хорошо снабжена дорогами, особенно большую роль играл путь по правобережью Дуная¹. Важными опорными пунктами в Мёзии были: Новы (стоянка I легиона), Дуростор (где обычно размещался XI легион), а также Томы и Мардианополь.

Но этим не ограничивалась система римских укреплений на нижнем Дунае. В 30—40-х годах III в. н. э. стали усиленно укрепляться города, расположенные в глубоком тылу, и прежде всего городские центры Фракии. Так, хорошо укреплен был Никополь, лежавший на балканских перевалах, мощными укреплениями обладала и столица провинции — Филиппополь, где скрещивались важнейшие военные и торговые пути. Но, очевидно, «скифам» удалось преодолеть первый важный район римской обороны — именно Дакию, ибо источники, умолчав совершенно об этом начальном этапе военных действий, сообщают уже о появлении «скифских» сил у Нов, на правом берегу Дуная. Здесь и развернулись активные военные действия.

В то время, когда войско «скифов» прорвалось к Новам, значительные силы римской армии сосредоточивались несколько западнее, в районе Эска (Colonia Ulpia Oescus)². В ходе всех последующих военных действий этот город служил основной базой римлян в их борьбе с племенами Причерноморья. И это было не случайно. Здесь сходились важнейшие дороги — военная дорога вдоль Дуная, дорога на Филиппополь, путь на Сердику³. Вместе с тем этот узел дорог со всех сторон был прикрыт озерами и почти не доступен для нападения. Базируясь на Эск, римляне могли быстро сосредоточивать резервы в безопасном месте и действовать во фланг и тыл вражеских войск.

Во главе римской армии, сосредоточенной в районе Эска, стоял наместник Мёзии Требониан Галл. Сам император появился здесь несколько позднее. Аврелий Виктор указывает, что до отбытия в Дунайские провинции он задержался в Риме

¹ Fabricius, *Limcs*, PW, col. 634.

² Jordan., XVIII, 102.

³ PW, «Oescus».

из-за освящения стев¹, однако замечание Евтропия о том, что Деций «подавил мятеж в Галлии»², позволяет думать, что именно события в Галлии замедлили отъезд императора на театр военных действий. Император, не будучи в состоянии лично отправиться на Дунай, послал в Иллирию своего сына Герения Этруска в целях мобилизации сил для борьбы со «скифами»³.

Между тем вторгшаяся армия разделилась на две части. Одна из них занялась разгромом Нижней Мёзии, а затем направилась к Филиппополю. Основная же часть «скифского» войска, насчитывавшая по традиции 70 тыс. человек, двинулась к Новам⁴, важной крепости, прикрывавшей переправу через Дунай, исходному пункту дороги на Филиппополь. Овладение этим пунктом имело для «скифов» очень большое значение как для обеспечения за собой путей отхода, так и для облегчения связи с войском, шедшим на Филиппополь.

Однако Галл своевременно поспешил на выручку Нов, и нападение было успешно отражено⁵. Тогда «скифы» двинулись по долине реки Янтра на Никополь — город, расположенный у самых отрогов Балканского хребта. В Никополе скрещивались пути, связывавшие между собой важнейшие пункты Фракии и Мёзии, и Никополь господствовал над главными проходами через Балканский хребет.

Естественно поэтому, что в районе Никополя оказались основные силы обеих враждебных армий. Правда, Иордан, важнейший источник, совершенно умалчивает о каком бы то ни было столкновении под Никополем. Однако Георгий Синкелл отчетливо говорит о том, что под Никополем произошло одно из крупнейших сражений этой войны, причем оно окончилось поражением «скифов»⁶. Поскольку Синкелл здесь более беспристрастен, чем Иордан, и, как видно, достаточно осведомлен, то есть все основания верить именно ему. Добавим к тому же, что в сохранившемся фрагменте Дексиппа — современника событий — о битве под Никополем император Деций говорит как о каком-то радостном и обнадеживающем примере римской мощи⁷.

Как сообщает Синкелл, в хорошо укрепленный город к моменту подхода врагов сбежалось большое количество мёзийского населения, надеясь найти защиту за его стенами.

¹ *Aurel. Vict., Caes., XXIX.*

² *Eutrop., IX, 4.*

³ *Aurel. Vict., Caes., XXIX; H. Cohen, t. IV, Pterrenius, 5*

⁴ *Jordan., XVIII, 101.*

⁵ Там же.

⁶ *Synsell., стр. 705.*

⁷ *Dexipp., fr. 19.* «Уже то, что совершено при Никополе, доказывает, что мои обещания не далеки от истины».

«Скифы» окружили город и занялись его осадой¹. И именно в это время на них и напал Деций, уже явившийся на театр военных действий². Оказавшись между мощными стенами города и крупными силами римского войска, осаждающие понесли тяжелые потери и вынуждены были прекратить осаду.

Правда, цифра их потерь, которую приводит Синкелл³, — 30 тыс. человек одними убитыми — кажется весьма преувеличенной, ибо при общей численности в 70 тыс. человек подобные потери (с включением раненых и пленных) означали бы почти полное истребление наступающей армии. Между тем эта армия не только успешно форсировала Балканы, но и нанесла римлянам жестокое поражение. Таким образом о битве под Никополем можно говорить именно как о значительной неудаче «скифов», но отнюдь не как о полном разгроме их сил. Тем не менее, «скифское» войско оказалось в очень тяжелом положении. Деций мог отрезать его от армии, находившейся под Филиппополем и, получив подкрепления от Галла, оставшегося в Эске, уничтожить и никопольскую и филиппопольскую армии противника.

Пока все это происходило на севере, на юге, во Фракии, события развивались своим чередом. Часть скифо-сарматского войска, отделившаяся от основных сил где-то в районе Нов, успешно прошла Мёзию, прорвалась через Балканы и приблизилась к Филиппополю. Город подвергся осаде⁴.

Филиппополь являлся важнейшей римской крепостью и опорной базой в придунайских провинциях. Здесь скрещивались пути огромного стратегического значения: дорога с севера на юг (от Эска на Дунае к Эгейскому морю) и старинная военная дорога от Боспора на Запад. Вместе с тем большое значение имела и дорога, шедшая из Филиппополя на северо-восток через Берое и Кабиле⁵. Город, и без того хорошо укрепленный, имел и прекрасную естественную защиту — он был расположен на холмах, одну из его сторон прикрывала река Гебр. Вместе с тем Филиппополь имел большое экономическое значение, будучи одним из центров торговли и ремесла⁶.

Римляне, строя свой план на уничтожение «скифских» сил, уделили серьезное внимание укреплению и обеспечению важных стратегических центров в глубине своей обороны.

¹ См. также Т. Д. Златковская. Мёзия в I—II веках нашей эры М., 1951, стр. 100.

² S u n c e l l., стр. 705.

³ Там же.

⁴ D e x i r r., fr. 20: «Город Филиппополь лежит на границе Фракии и Македонии на реке Гебре. Его-то я осадили скифы как древнейший и обширнейший»

⁵ P W, «Philippopolis».

⁶ I G R R, I, 1482.

Именно в этот период Фессалоники стали колонией, а Нови и Никополь при помощи полевой армии римлян успешно защищались от нападения «скифов». Успешное взаимодействие крепостей и полевой армии уже принесло римлянам значительные успехи в настоящем и обещало еще большие успехи в будущем. Понятно поэтому, какое громадное значение имело обладание Филиппополем для всего дальнейшего хода войны.

Филиппополь, повидимому, успел подготовиться к осаде — он встретил нападающих во всеоружии технических средств¹. Его гарнизон был намного увеличен как самими филиппополяцами, так и сбежавшимся отовсюду состоятельным населением, готовым к отчаянной защите города. Во главе обороны встал опытный полководец, наместник провинции Приск². Город поддерживал связь с действовавшей на севере императорской армией, а уверенность в том, что при первой же возможности к ним придут на помощь, несомненно, еще более поднимала дух защитников города.

Свои военные действия под Филиппополем «скифы» начали с тщательной рекогносцировки: они старательно осмотрели все стены города, отмечая места, наиболее доступные для нападения³. После рекогносцировки они завязали метательный бой с защитниками города, а через некоторое время сделали попытку взять город штурмом⁴. К его стенам были придвинуты разнообразные осадные орудия: башни на колесах, тараны, простые и складные штурмовые лестницы (весьма вероятно, что этим своим техническим оснащением «скифы» были обязаны в некоторой степени активному содействию местных ремесленников).

Однако горожане защищались с большой выдержкой и умением. На «скифские» осадные машины сбрасывались огромные камни, их зажигали факелами, смолой и серой; штурмовые лестницы дробились тяжелыми бревнами. Атака была отражена со значительными для нападавших потерями. Тогда «скифы» приступили к систематической осаде города: вокруг его стен они стали воздвигать высокие земляные насыпи⁵. В ров, окружавший город, была сброшена масса бревен, земли и всякого мусора. Насыпь росла. Но горожане, видя это, в свою очередь стали надстраивать стены; осадным работам чинились всевозможные помехи: ночью поджигались деревья, уложен-

¹ Dexipr., fr 20.

² Jordan., XVIII, 103.

³ Dexipr., fr 20.

⁴ Там же: «затем попытались взять город: утвердили лестницы, подвели осадные машины».

⁵ Там же: «решили устроить у города высокие земляные насыпи, для того чтобы можно было им сражаться, стоя на одном уровне с горожанами».

ные в основание насыпи, разрушалась ее земляная часть¹. Осада затянулась.

Именно к этому периоду, очевидно, и относится письмо императора Деция наместнику Приску, составляющее содержание одного из фрагментов Дексиппа². Дело представляется следующим образом: филиппопольцы, отразившие атаки «скифов» и узнавшие об их неудачах на севере, требовали немедленного наступления на войско, осаждавшее город. Активнее всего выступали местные поссессоры и городские богачи, имевшие виллы в окрестностях города; вид гибнувшего имущества приводил их в отчаяние и ярость. Нажим со стороны богатой верхушки и особенно ее молодежи был так настойчив, что Приск был вынужден, повидимому, обратиться к Децию с запросом — как следует ему поступать. Деций (то было, судя по письму, вскоре после битвы под Никополем)³ прислал ему подробный ответ, предназначенный не столько Приску, сколько горожанам Филиппополя.

Император предостерегал граждан города против необдуманного и преждевременного наступления на грозное войско «скифов», предлагал им дождаться его прибытия с тем, чтобы совместными усилиями разгромить их. В заключительной части письма говорилось: «Итак, сдержите ваше стремление, если не хотите ни себе повредить, ни ослушаться вождя: вам пужно остаться внутри города. Пусть оживляет вас надежда, что мы ни делами, ни помышлениями не предадим общественно-го блага и через несколько дней явимся к вам на помощь с военной силой и, пока вы находитесь внутри стен, мы будем заботиться об успехе дела вне их»⁴.

Но события развернулись вовсе не так, как того ожидал Деций и горожане Филиппополя.

После битвы под Никополем «скифы» в порядке отступили в горы Гема (Балканы) и успешно перешли их⁵, с тем чтобы соединиться с войском, стоявшим под Филиппополем. Иордан сообщает, что Деций, узнав об их уходе, направил свои помыслы на освобождение Филиппополя⁶; то же подтверждает и фрагмент Дексиппа⁷. Возможно, что Деций несколько переоценил свою победу под Никополем и считал «северную» армию врага уже полностью обезвреженной; однако более вероятно, что поспешный марш Деция через Балканы, приведший в такое

¹ D e x i p p , fr 20.

² Там же, fr. 19

³ Там же.

⁴ Там же

⁵ I o r d a n ., XVIII, 102.

⁶ Там же.

⁷ D e x i p p , fr. 19.

изнурение римскую армию, вызывался не столько стремлением быстрее освободить город, сколько намерением помешать соединению обеих «скифских» армий.

Но римлян постигла тягчайшая неудача. Их войско, утомленное тяжелым переходом через горы, расположилось на отдых вблизи Берое, на южном склоне Балканского хребта. Римляне, повидимому, не ждали нападения «разбитой» и отступающей от них армии и, может быть, не приняли должных мер предосторожности. Тогда-то «скифское» войско смело напало на римскую армию. Удар был могуч и внезапен. Римляне потерпели жестокое поражение и в панике начали отходить обратно на север, под прикрытие Эска и войск, бывших с Галлом¹. Несомненно, потери их были очень велики. Но «скифы», видимо, лишь некоторое время преследовали противника, а затем вновь повернули на юг — к Филиппополю.

Возможно, что Иордан несколько преувеличивает размеры римского поражения и легкость победы «скифов» под Берое. Повидимому, не случайно ни сразу после этой битвы, ни после взятия Филиппополя они не решились пойти на север. Однако значение победы при Берое было огромно. Римляне не только понесли большой урон в людях — не меньше было и моральное влияние поражения. Почти целый год после битвы при Берое римляне воздерживались от наступательных действий против главных сил вражеской армии.

Источники, к сожалению, ничего не говорят о том, как развивались военные действия под Филиппополем в период перехода обеих армий через Балканы и битвы при Берое. Как можно судить по фрагменту Дексиппа, «скифы» после ряда неудачных попыток взять город, видимо, прервали осаду². Рапппорт в связи с этим даже предполагает, что и филиппопольское войско «скифов» приняло участие в битве при Берое³. Хотя это предположение вполне правдоподобно (им, в частности, легко объяснить и размеры победы при Берое), однако оно не находит своего подтверждения в источниках и остается лишь весьма заслуживающей внимания гипотезой.

Несомненно, что вскоре же после битвы при Берое подступили к Филиппополю уже соединенные силы причерноморских племен и их союзников из среды угнетенных классов⁴. Осада возобновилась, но судьба города была уже предрешена. Помощи со стороны разбитой императорской армии теперь,

¹ Jordan., XVIII, 102.

² Dexipp., fr. 20.

³ B. Rappaport. Die Einfälle der Goten in das römische Reich. Leipzig, 1899, стр. 40.

⁴ Jordan., XVIII, 103.

конечно, ждать было нельзя; скопление в Филиппополе огромной массы людей должно было в ближайшее же время привести к острой нехватке продуктов питания. На город же, уже ослабленный предшествующей осадой, двинулись крупные силы врагов. Повидимому, вскоре после возобновления осады, он оказался в руках «скифского» войска¹.

Крупную роль в этом сыграла измена Приска, руководившего обороной города². Приск вступил в соглашение с врагами и за сдачу им города был провозглашен императором³. Иордан сообщает, что он якобы даже принял участие в последующей борьбе с войсками Деция.

Конечно, его измена была вызвана прежде всего сознанием безнадежности дальнейшей обороны; Приск, объявленный врагом отечества⁴, бесследно исчезает с исторической сцены. Однако интересно отметить, что, повидимому, «скифы», германцы и другие народы хорошо понимали то громадное значение, которое для них играла внутренняя борьба в Римской империи, если они даже встали на путь выдвижения против Деция нового претендента на римский престол.

Неизвестно, открыл ли Приск тайно ворота города или был заключен какой-то договор о капитуляции, но город, оказавшийся в руках осаждавших, подвергся жестокому разгрому; множество богатых и знатных горожан было истреблено⁵, десятки тысяч уведены в плен. Несомненно немалую роль в ожесточенной расправе сыграло озлобление «скифов», вызванное стойкой обороной города, причинившей им большие потери, а также участие в борьбе угнетенных низов населения Филиппополя и прилегавших к нему районов. Воспоминание о падении Филиппополя навсегда сохранилось в памяти римлян. Почти полтора столетия спустя Аммиан Марцеллин, перечисляя прежние беды, которые претерпело государство от внешних врагов, писал: «После многих жестоких поражений с той и другой стороны, был разрушен Филиппополь, причем, если верно сообщение историков, в стенах города было перебито сто тысяч человек»⁶.

Падение Филиппополя имело крупнейшее стратегическое значение. «Скифы» получали в свое распоряжение мощную базу для дальнейших операций; овладение Филиппополем делало их хозяевами Фракии или, во всяком случае, западной ее части и долины реки Гебра. После взятия Филиппополя и пред-

¹ Jordan., XVIII, 103; Syncell., стр. 705.

² Jordan., XVIII, 103.

³ Augel. Vict., Caes., XXIX.

⁴ Там же.

⁵ Ammian Marcellin, XXXI, 5, 17.

⁶ Там же.

шествовавшего этому отхода римлян на север, «скифы» беспрепятственно подвергли опустошению Фракию и прилегающие районы¹.

Ввиду того что упомянутые выше авторы не дают точной датировки, представляется чрезвычайно трудным установить время битвы под Никополею и Берое, а также время падения Филиппополя. Хотя описанные события и развивались в довольно быстром темпе, но всё же они заполнили собой по крайней мере несколько месяцев. Кое-какую помощь в установлении хронологии может оказать одно место из фрагмента Дексиппа. Касаясь первого периода осады Филиппополя, Дексипп рассказывает, что осаждавшие свалили в ров, окружавший город, трупы лошадей и пленных, которые уже на третий день вздулись и тем содействовали немалой высоте насыпи². Из этого факта можно заключить, что события происходили, повидимому, в жаркое время года. Но в цитированном месте Дексипп говорит о самом разгаре осады, быть может еще до битвы под Никополею и во всяком случае до битвы при Берое. Следовательно, если крупнейшие битвы этой войны и осада Филиппополя приходится, повидимому, на лето 250 г., то падение этой крепости и опустошение Фракии падают скорее всего уже на осень этого года. Зима 250/51 года представляет, таким образом, естественную грань первого этапа военных действий.

Однако положение римлян, несмотря на то, что они понесли жесточайшее поражение под Берое и потеряли важную крепость, отнюдь еще не было безнадежным. Даже после поражения Деция, на севере находились крупные силы римской армии под командованием Галла³. Они не смогли принять участия в боях на юге, ибо их цель была, как указывает Иордан, «охрана границ»⁴ (т. е. в конкретной обстановке удержание за римлянами линии Дуная и борьба со «скифскими» отрядами в соседней Дакии), но теперь эти части могли послужить ядром для развертывания новой римской армии. Кроме того, если во Фракии римлян преследовали неудачи, то на другом важном направлении — в Дакию — военные действия развивались благоприятно для римлян⁵, и дакийскую территорию им удалось в значительной мере очистить от отрядов противника (преимущественно карпов).

Занятость главных сил причерноморских племен под Филиппополем и во Фракии, а затем подоспевшая зима были хорошо использованы Децием и Галлом. В Эск стягивались

¹ Zosim., I, 23, 1.

² Dexipp., fr. 20.

³ Jordan., XVIII, 102.

⁴ Там же.

⁵ СІЛ, II, 4949 Деций именуется «непобедимым» и «дакийским».

новые войска; укреплялись важные стратегические пункты, например, в Дакии¹. Во всяком случае, нет более сведений об осадах «скифами» крупных, хорошо укрепленных городов. Возможно, что после сражений под Новами и Никополем и после тяжелых потерь, понесенных под Филиппополем, они не рещались на штурмы и осады, тем более что наступившая зима сильно затрудняла ведение подобных военных операций.

Активные военные действия возобновились весной следующего, 251 года. К этому времени стратегическая обстановка изменилась в благоприятную для римлян сторону. Римляне могли почти беспрепятственно собирать многочисленные подкрепления²; напротив, отряды причерноморских племен, находившиеся в глубине вражеской территории, вряд ли смогли получить хоть сколько-нибудь значительное пополнение, тем более что их коммуникации находились под контролем римлян. Между тем численность «скифского» войска должна была сильно сократиться в результате гибели в боях, болезней, отставания в пути и т. п. Огромный обоз с добычей³ и масса пленных уменьшали маневренность «скифов», привязывали их к дорогам; обоз и пленные к тому же также требовали людей для охраны. При таких неблагоприятных обстоятельствах у «скифов» не оставалось иного исхода, как отступление на родину. Очевидно, с установлением после весенней распутицы путей они сразу же двинулись на север.

Но Деций не был намерен пропустить их беспрепятственно. Ему представлялась возможность одним ударом резко изменить все течение войн на Дунае, на долгие годы обеспечив безопасность северо-восточных границ империи. Вместе с тем, решительного наступления на врагов требовало и восстановление его пошатнувшегося авторитета как императора и полководца. Наконец, не следует забывать, что «скифы» уводили с собой десятки тысяч пленных, среди которых находились представители знатнейших фамилий и родственники солдат и офицеров римской армии.

Казалось, что Деций мог надеяться на полный успех. Противники римлян сильно ослабли: многие сотни километров отделяли их от родных мест; в то же время пополненная и отдохнувшая римская армия уже укрепилась в Дакии, ставя под угрозу линии отступления «скифов»; большая часть городов в Мёзии и крепости по Дунаю также, повидимому, прочно

¹ Сил., III, 1176. Эта надпись из Апула посвящена: «Imp... Quinto Traiano Decio ... restitutori Daciae».

² Jordan., XVIII, 102.

³ Zosim., I, 23, 1.

удерживались римлянами. План последних — отрезать пути отхода врагам и истребить их¹ — становился вполне реальным.

Ход военных действий до битвы при Абритте, по источникам, может быть представлен лишь в самых общих чертах. Так, несколько неясен маршрут отступления «скифской» армии, ибо единственный географический пункт, который сообщают авторы — есть уже сам Абритт, на нижнем течении Дуная. Но он совсем не случайно вошел в летописи войны. Поскольку римляне продолжали удерживать в своих руках районы западной Мёзии и уже укрепились в Дакии, то прямой путь отхода на север, через гористые и хорошо укрепленные места, был невозможен. Поэтому отступающие пошли, повидимому, обходным путем — через районы восточной Мёзии, где и разыгрались заключительные битвы этой войны. Поэтому одним из возможных путей отступления скифо-сарматского войска представляется дорога Филиппополь — Берое — Кабиле — Анхиал.

Несомненно серьезнейшая опасность подстерегала «скифов» при самом выходе их из гор на равнину, однако, в силу каких-то причин, римляне не смогли использовать эту представлявшуюся им возможность. Не исключено, что одной из этих причин было восстание в Галлии, о котором сообщают латинские авторы². Однако, повидимому, вскоре же после выхода на равнину, отступающие отряды причерноморских племен подверглись ряду нападений со стороны римских императорских войск. Эти столкновения были успешны для римлян; «скифы», судя по Зосиму, потеряли в них даже часть своего обоза. События развивались так, как того желал Деций. «Выступив против них, Деций одержал победу во всех битвах, взял даже часть захваченной ими добычи и пытался отрезать им возвращение па родину, намереваясь совершенно истребить их, чтобы они не смогли снова собраться и напасть»³. В конце концов положение отступающих стало даже критическим и они были вынуждены начать переговоры о мире. «Скифы» предложили возвратить римлянам всю захваченную ими добычу, с тем условием, чтобы их пропустили на родину. Однако Деций, уверенный в окончательной победе над врагами, категорически отверг их мирные предложения. Генеральное сражение становилось неизбежным.

Именно в это время, как то с несомненностью явствует из слов Зопары⁴, полководцу Галлу и было приказано занять

¹ Z o s i m ., I, 23, 1; Z o n ., XII, 20, стр. 136.]

² E u t r o p ., IX: «Bellum civile, quod in Gallia motum fuerat, oppressit».

³ Z o s i m ., I, 23, 1.

⁴ Z o n ., XII, 20: «итак, поставив Галла с достаточными силами на берегу Танаиса, сам он с остальным войском пошел на варваров».

позиции на берегу Дуная (Зосим и Зонара ошибочно говорят о Доне). Задача Галла состояла в том, чтобы окончательно стрелазать отступавшим путь на родину, истребить при переправе тех из них, которым удалось бы уйти от армии Деция. Маневр, предпринятый римлянами, еще более ухудшал положение враждебной им армии: над ней нависла угроза окружения и полного разгрома.

Источники сильно расходятся в данных о той местности, где произошла наконец битва, решившая исход войны. Аврелий Виктор и Евтропий, а также ряд других латинских авторов переносят место битвы на территорию противника¹. Зосим и Зонара, хотя они и сообщают о битве наибольшее количество сведений, вообще не называют места, где она произошла, если не считать того, что Зосим явно ошибочно говорит о Доне вместо Дуная в отрывке, повествующем о выделении отряда Галла². Наконец, Иордан³ и Синкелл⁴ называют местом битвы Абритт, и их определение является решающим: здесь имеется вполне конкретное указание местечка на римской территории, вблизи нижнего течения Дуная.

Вместе с тем, очень важен еще и тот факт, что Синкелл приводит данные о битве со слов современника и историка войн Дексипса, которого он здесь и упоминает дважды. О хорошей осведомленности Синкелла ярко свидетельствует то, что он сообщает не только основное название местечка ("Αβριττος), но и другое его распространенное название — «форум Семпрония». Правда, античные авторы не дают точного определения местоположения Абритта, сообщают, однако, что он находился в Нижней Мёзии⁵. Повидимому, Абритт был расположен где-то в области современной Добруджи. Судя по Иордану, генеральному сражению при Абритте предшествовало его занятие римскими войсками; таким образом, в момент боя он, повидимому, прикрывал их тылы.

Довольно точно можно определить и время этой битвы. Здесь огромную помощь оказывает историку материал двух надписей. По первой из этих надписей⁶, датированной 9 июня 251 г., Деций и его сын Геренний Этруск выступают еще в качестве здравствующих правителей империи, во второй⁷ — от 24 июня — они уже консекрированы. Если

¹ Aurel. Victor (Epitome 29, 3) говорит, что Деций: «in solo barbarico inter confusas turbas gurgite paludis submersus est».

² Zosim., I, 23, 2.

³ Jordan., XVIII, 103.

⁴ Syncell., стр. 705.

⁵ Procop., de aedif., IV, 11.

⁶ CIL, VI, 31129... V Id. Jun... imp. Decio Aug. III et Decio Aug. Cos...

⁷ CIL, VI, 3743.

же, как то вычислил Виттич¹, известие о смерти Дециев могло достигнуть Рима за 8—10 дней, то время их гибели, а следовательно, и битвы при Абритте следует отнести на первую половину июня 251 г.

Как было уже отмечено выше, битва при Абритте привлекла к себе внимание многих не только античных, но и византийских авторов. Однако подавляющая часть их ограничивалась лишь стереотипной фразой о разгроме римлян и гибели Дециев на поле боя. Более подробное изложение хода битвы находим только у двух авторов — Зосима и Зонары; кое-какие данные имеются также у Синкелла и у Иордана. Ценность этих четырех авторов для понимания этой битвы состоит в том, что все они в качестве своего первоисточника имели в конечном счете одного и того же автора — Дексиппа.

При первом же взгляде на сведения Зосима, с одной стороны, Зонары — с другой, бросается в глаза противоречие, существующее между этими двумя главными источниками.

Зосим говорит, что «скифы» были построены в три боевые линии, последовательно вступавшими в сражение с римлянами, причем успешно продвигавшиеся римляне в конце концов завязли в болоте, прикрывавшем фронт «скифов», были окружены ими и почти полностью истреблены.

«Галл остался на страже на берегу Танаиса, а варвары, разделившись на три части, поставили первый отряд в одном месте, перед которым расстилалось болото. Когда Деций истребил большинство их, приблизился второй отряд, но также был обращен в бегство; тогда появились вблизи болота немногие люди из третьего отряда. Когда Галл подал Децию сигнал двинуться на них через это болото, последний, неосторожно выступив вследствие незнакомства с местностью, завяз в грязи вместе со своим войском и, отовсюду осыпаемый дротиками варваров, погиб вместе с окружающими, ибо никто не мог спастись бегством»².

Зонара же, также отметив болотистый характер места боя, ничего не знает о подобном расчлененном построении «скифов»; иначе у него дан и ход боя: «скифы» сразу же начали отступать и заманили Деция в болото, где тот и погиб, поглощенный вместе с войском болотной трясиной³. Повидимому, есть все основания доверять Зосиму больше, чем Зонаре. Рассказ Зосима намного более подробен, чем беглое повествование Зонары; несомненно, что Зосим был более осведомлен, больше интере-

¹ PW, Messius (9) Quintus Decius.

² Z o s i m., I, 23, 3.

³ Z o n., XII, 20.

совался событиями этого времени, чем Зонара. И это вполне понятно. Для Зонары события III в. н. э. были довольно скучными и малоактуальными делами, его интересы обращены главным образом на историю церкви, для которой события светской истории зачастую являлись лишь простым фоном. Для Зосима, жившего в период крушения империи, они имели большой не только исторический, но и практический интерес, были гораздо более доступными для понимания, сама цель его труда — показать причины крушения империи¹.

Кроме того, важен и тот факт, что в распоряжении Зосима писавшего всего спустя два века по истечению событий, имелась несравненно более цельная и свежая историческая традиция, чем та, которая дошла до Зонары, если даже встать на ту точку зрения, что оба пользовались Дексиппом не непосредственно, а при помощи какого-то посредствующего звена. И, наконец, с военной точки зрения рассказ Зонары несомненно носит несколько пассивный характер; так, он даже ничего не говорит об окружении римского войска, на что указывает, кроме Зосима, еще и Иордан².

Как можно заключить из рассказа Зосима, бой начался мощной атакой римлян на первую боевую линию вражеского войска. В самом начале боя или в предшествовавшей ему стычке пал сын Деция, Геренний Этруск. В этот решающий момент Деций не потерял присутствия духа, чтобы рассеять вызванное гибелью Этруска тягостное настроение он будто бы сказал: «Пусть никто не печалится — смерть одного солдата небольшая потеря для государства»³. Первая боевая линия противника была смята римлянами и большая часть ее воинов погибла в бою. Тогда в сражение вступила вторая линия, но римляне, продолжая натиск, опрокинули и ее⁴. Но тут, однако, в бой вступили главные силы «скифов», которые окружили расстроенные ряды римлян и нанесли им окончательное поражение. Почти все римляне, участвовавшие в этом сражении, остались на поле боя, погиб и сам император Деций.

Источники ничего не сообщают о том, сколько времени длилось это сражение. Из их беглого рассказа можно даже сделать заключение, что бой носил очень скоротечный характер. И все же, вряд ли это было так. Ожесточенность обеих сторон, крупные массы войск, участвовавших в сражении (причем дело шло об уничтожении того или иного войска), уже в значительной мере определяют его затяжной характер. Вместе с тем есть и прямое указание Синкелла на то, что «Де-

¹ Zosim., I, 1 сл.

² Jordan., XVIII, 103.

³ Там же.

⁴ Zosim., I, 23, 3.

ций и его сын были убиты ночью»¹; очевидно, сражение завяло не только день, но и часть ночи.

Естествен вопрос — какова же была роль Галла и его отряда в битве и ее столь трагическом для римлян исходе? Зосим² и Зонара³ обвиняют его в измене и ею в значительной мере и объясняют поражение римской армии. Так, по утверждению Зосима, Галл, задумав переворот, вступил в переговоры со «скифами» и обещал действовать с ними заодно. В ходе боя он и погубил Деция, дав ему коварный совет.

Конечно, случаи измены в римской армии того времени были нередки даже среди высших начальников; всего год назад изменил Приск, мог изменить и Галл — в борьбе за власть полководцы в средствах не стеснялись. Тем не менее, в данном случае не может не возникнуть ряд сомнений в правильности утверждений Зосима, Зонары и некоторых латинских авторов.

Прежде всего, мало вероятно, что Галл, выделенный на охрану переправ через Дунай, вдруг вновь оказался вместе с Децием, так как о его присоединении к Децию не говорит ни один автор. Но даже если предположить, что во время боя он был где-то поблизости и мог сноситься с Децием и воздействовать на ход боя, то и тогда вопрос не становится более ясным. Ведь и Зосим и Зонара обвиняют Галла конкретно не в том, что тот отказался помочь Децию в критический момент сражения, а в коварных советах, данных императору. И вот оказывается, что Зосим и Зонара расходятся во мнениях — кому именно давал советы Галл и что именно он советовал. По Зосиму, Галл посоветовал Децию напасть на прикрытых болотом врагов, согласно же Зонаре⁴, Галл дал совет именно этим последним построиться фронтом к «глубокому болоту». Невозможно примирить подобные противоречия указанием на то, что он мог советовать и «скифам» и Децию, ибо нельзя себе представить Галла в роли какого-то режиссера, по воле которого происходили передвижения и боевые действия враждебных армий. Очень важно также отметить, что два других автора, описавших битву — Иордан и Синкелл — ни слова не говорят об измене в среде римлян.

В силу всех этих причин версия об измене Галла представляется очень сомнительной. Можно предположить, что обвинение Галла в измене возникло из потребности объяснить и оправдать тот крайне неприятный для римского самолюбия факт, что римское войско почти целиком было уничтожено

¹ Synsell., стр. 705.

² Zosim., I, 23, 3.

³ Zon., XII, 20.

⁴ Там же.

«презренными варварами». Приход же Галла к власти после гибели Деция, его позорный мир со «скифами» придавали версии об измене характер полного правдоподобия, тем более, что Галл действительно не принял участия в битве. Скороспелостью и противоречивостью этой версии, быть может, и объясним тот факт, что Зосим и Зонара стоят здесь на противоположных позициях, а Иордан и Сиккелл вообще воздержались от ее включения в свои труды.

После гибели Деция уцелевшая часть римской армии провозгласила императором его ближайшего сподвижника — Требониана Галла¹. Чтобы спясть с себя подозрение в том, что гибель императора произошла не без его соучастия, а также для избежания возможной междоусобной борьбы, Галл признал соправителем сына Деция — Гостилиана².

В создавшейся обстановке Галлу ничего иного не оставалось, как только вступить с победоносным противником в мирные переговоры. В результате их и был заключен мир, по своим условиям чрезвычайно позорный для римлян. По условиям мирного договора, «скифы» беспрепятственно пропускались на родину со всей добычей и пленными, Рим же за отказ «скифов» от новых нападений обязался выплачивать ежегодную дань³. У Галла, однако, не было иного выхода — силы империи были истощены до крайности, началась эпидемия чумы⁴ и, вдобавок ко всему, смертельная опасность нависла и над теми резервами, которые находились под командой Галла.

После заключения мира Галл поспешил на запад, в Италию, и, несмотря на столь плачевный исход войны и унижительный мир⁵, все же справил там триумф.

Война 250—251 гг. имела большое значение как для последующей борьбы «скифов» с Римом, так и для его внутренней истории.

Впервые за время существования империи римский император пал в бою с внешними врагами; столетия уже не терпели римляне подобных сокрушительных поражений. В ходе войны 250—251 гг. племена Северного Причерноморья нанесли сильный ущерб важнейшим придунайским провинциям, причинили большой урон живой силе Рима, еще более разрушили его оборону на Дунае и принудили к позорному миру. В этой войне

¹ Z o n., XII, 21.

² Z o s i m., I, 25

³ Там же, I, 24, 2: «Галл не только позволил им вернуться на родину с добычей, но и обещал ежегодно давать им некоторую сумму денег и предоставил возможность увести с собою пленных».

⁴ Z o n., XII, 21.

⁵ См. К. Маркс. Хронологические выписки Архив Маркса и Энгельса. т V, Л., Госполитиздат, 1938, стр 8: «251—53 Галл (купил мир у готов)».

они действовали энергично, стойко, со значительной организованностью и показали несомненный рост своей силы и боевого искусства.

Победа карпато-дунайских племен всколыхнула глубинные племена Причерноморья, активизировала их борьбу с Римом. Она несомненно нашла широкий отклик и среди соседних германских племен, и у персов, и у народов Африки. Слабость империи была показана воочию, миф о непобедимости римской императорской армии был развеян. Вместе с тем, война 250—251 гг. еще более подорвала авторитет центральной власти, еще более ослабила ее и тем способствовала дальнейшему росту сепаратистских тенденций. Конечно, война 250—251 гг. отнюдь не решала исхода всей борьбы в пользу причерноморских племен — резервы империи были еще очень велики, но она свидетельствовала об определенном сдвиге в соотношении сил в пользу противников империи и, вместе с тем, явилась прелюдией к целой серии новых огромных походов народов Северного Причерноморья.

Таким образом, внутренний кризис империи, развернувшийся в 30—40-е годы, сопровождался мощным натиском внешних врагов Рима: персов и племенных союзов Германии и Сарматии. Племена Северного Причерноморья еще во времена Александра Севера и Максимиана выступают в качестве одного из главных противников Рима; в дальнейшем роль их становится все более и более значительной. Притом, уже на первых этапах борьбы, против Рима выступают не отдельные племена Причерноморья, а коалиция их, возглавляемая карпами. В ходе борьбы эта коалиция все более разрастается и в нее к середине III в. н. э. входят как местные, так и пришлые племена: карпы, певкины, готы, вандалы, т. е. племена карпато-дунайского района. Проживавшие в областях, непосредственно граничивших с империей, они и выступили, естественно, в авангарде борьбы.

По мере прогрессирующего ослабления империи и втягивания в борьбу новых «скифских» племен, нажим придунайских народов на империю становился все более мощным; войны с Персией, волнения в провинциях, перевороты в Риме немедленно использовались «скифами» для возобновления наступления. Промежутки между войнами становились все более краткими, удары — все сильнее, исход войн все менее благоприятным для Рима. Нарастившая силу ударов, объединившиеся придунайские племена переходят к осаде крупных укрепленных пунктов, а в войне 250—251 гг. наносят сокрушительное поражение крупным силам римской армии.

Главным объектом «скифских» нападений в период 30—40-х годов III в. н. э. были Дакия, Нижняя и Верхняя Мёзии,

Фракия и Паннония, поставившие основные резервы римской армии и игравшие крупную роль в хозяйственной жизни империи. В ходе этих войн дунайские провинции понесли огромный урон, как в отношении численности населения, так и в области хозяйственной жизни; оборона на Дунае была сильно подорвана. Своими успешными нападениями народы карпато-дунайского района сильно истощили боевые силы Рима, дезорганизовали на больших территориях хозяйственную жизнь и тем самым способствовали дальнейшему углублению внутреннего кризиса империи.

Наконец, борьба племен Западного Причерноморья, сковав на Дунае лучшие силы римской армии, в немалой степени облегчала положение персов, дала возможность собраться с силами разбитым германским племенам и несомненно способствовала активизации глубинных скифо-сарматских племен, племен между Днестром и Доном, помогая им завоевать выход к морю¹.

¹ Наличие двух монет Волузиана, сына и соправителя Требониана Галла, где он именуется «венедским», быть может, является каким-то намеком и на определенное участие в этой борьбе славян-венедов (ср. А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи. ВДИ, 1939, № 1, стр. 300—301).

II. ВОЙНЫ НА НИЖНЕМ ДУНАЕ В 50-е ГОДЫ III в., Н. Э. И ОВЛАДЕНИЕ «СКИФАМИ» ДАКИЕЙ И СЕВЕРНЫМ ПОБЕРЕЖЬЕМ ЧЕРНОГО МОРЯ

1. Военные поражения римлян в борьбе с Персией и германскими племенами.

Война 253 г. между римлянами и «скифами»

Поражение римлян в битве под Абриттом — это та грань, за которой начинается резкое усиление кризиса III века.

В провинциях империи свирепствовала чума; вооруженные силы Рима были страшно ослаблены как войнами на Дунайской границе, так и кампаниями на Востоке; хозяйственная жизнь приходила во все большее расстройство. Авторитет центральной власти был подорван, преемник Деция не пользовался популярностью ни в армии, ни среди населения — его считали виновником гибели Деция, приписывали ему беды, постигшие империю¹. Менее чем два года спустя после поражения при Абритте, против Галла восстали мезийские легионы², Галл погиб в борьбе, но и новый император Эмилиан правил всего лишь несколько месяцев, после чего и он был свергнут войсками, расположенными на Рейне.

Поражение римлян на Дунае, а затем и взрывы внутренней борьбы повлекли за собой активизацию всех внешних врагов Рима. Как и двадцать лет назад, на империю одновременно и дружно напали персы, германцы, «скифы».

В период, когда на Дунае следовала одна война за другой (245—247 гг., 248 г., 250—251 гг.), на Востоке, после мира, заключенного Филиппом Арабом, было относительно спокойно. Однако, это было спокойствие перед бурей. Персидский царь Шапур, воспользовавшись передышкой, успешно подавил волнения внутри страны и даже расширил территорию Персии за

¹ Z o s i m., I, 26, 1.

² Там же. I, 28.

счет соседних племен¹. Упрочив свое положение, он начал строить планы возобновления борьбы с Римом. Первым объектом его экспансионистской политики явилась Армения². Риму, занятому борьбой на Дунае, было трудно оказать ему серьезное противодействие. Шапуру поэтому удалось, используя междоусобия в среде армянской правящей верхушки, убрать покорного римлянам царя Хозроя Армянского, а затем изгнать из страны его сына Тиридата, наследовавшего отцу³.

Армения была оккупирована персидскими войсками; таким образом, сильнейший бастион римской обороны на Востоке и плацдарм для действий против Месопотамии и Сирии оказался в руках персов, и уже в правление Галла они напали на Месопотамию и осадили Низибис. Началась новая многолетняя война Рима с Персией, в которой перевес был на стороне персов⁴. Персы, развивая свое наступление, взяли Низибис: их отряды прорвались в Каппадокию и Сирию. Успешная оборона Эмесы, предпринятая местным населением под руководством Урания Антонина, не могла существенно изменить положения. Римское владычество на Востоке находилось под угрозой: персам удалось даже овладеть важнейшим опорным пунктом римлян в восточных провинциях — Антиохией — столицей Сирии. Время взятия Антиохии Шапуrom вызывает разногласия, но поскольку дата падения Антиохии имеет существенное значение для определения времени первых морских походов, на пей следует остановиться особо. Единственное указание на время падения Антиохии имеется у Малалы, но, к сожалению, сообщаемая им (в Антиохийской эре) дата явно искажена (τ.δ')⁵. При переводе этой даты в обычное летосчисление получается 265—266 гг., т. е. тот период, когда персы, после блестящих успехов Одената, не могли и думать ни о каких наступательных действиях.

Ученые, пытаясь восстановить истинную дату, предлагают или 255—256⁶ или 261—262 гг. н. э. Повидимому, самым правильным будет предположить, что Антиохия дважды пошла в руки персов — первый раз в 255—256 гг., второй раз — в 261—262 гг. О первом падении Антиохии имеется упоминание у Зосима⁷; он же рассказывает и о мерах, принятых импера-

¹ A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1944, стр. 219 сл.

² З о п., XII, 21.

³ Там же

⁴ В. С. Сергеев. Очерки по истории позднеримской империи. Историк-марксист, 1938, кн. 3, стр. 57.

⁵ Ioannis Malalae. Chronographia, XII, стр. 296.

⁶ I. Oberdieck. Die Römerfeindlichen Bewegungen in Orient. Berl., 1869, стр. 11

⁷ Zosim., I, 27.

тором Валерианом, для восстановления пострадавшего от войны города.

Таким образом, всего три года спустя после возобновления войны с Римом персы одержали над ним крупные победы. Требовались неотложные меры к тому, чтобы хоть в какой-то мере восстановить положение. Стало совершенно очевидным, что, в условиях разбросанности и большой протяженности фронтов, руководство из одного центра не представляется возможным и для успеха дела необходимо разграничение сфер военного руководства. Того же требовала и борьба с внутренними волнениями. И первой из этих мер было разделение военного командования для Запада и Востока. Император Валериан и произвел эту реформу. Оставив Галлиену руководство на Западе, сам он направился на Восток. О его деятельности на Востоке в этот период сохранились крайне скудные известия; во всяком случае, Валериану удалось, повидимому, задержать дальнейшее наступление персов.

Уже одно возобновление войны с Персией было для империи тягчайшим ударом. Но этим дело не ограничилось — не меньшая угроза возникла на Рейне и на Верхнем Дунае. Поражение, которое германцы понесли от Максимиана, долго удерживало их от нападений на империю, и в 40-е годы III в. н. э. можно говорить лишь об отдельных эпизодических столкновениях с германскими племенами, причем римская граница в этот период не подверглась сколько-нибудь серьезной опасности¹. Положение резко изменилось в начале 50-х годов III в. н. э. Германцы успели оправиться от поражений 30-х годов III в. н. э., силы их значительно возросли; наряду со старыми племенными союзами появились новые, мощные племенные образования. Так, на берегах Нижнего Рейна создано франкское объединение племен², в состав которого вошли, как считают, хамавы, сикамбры, узипеты, бруктеры и другие племена³. И уже два года спустя после битвы при Абритте германцы возобновляют свой нажим на границы Римской империи. Летом 253 г. заслуженный полководец Валериан, находясь в пограничной рейнско-ретийской зоне, готовится здесь к походу против «варваров».

Бои кипели, видимо, в том же 253 г.; первые удары германцев пришлось на пограничные римские провинции: Нижнюю и Верхнюю Германию, Рецию и Норик. Возникла угроза для галльских провинций. В ходе своего наступления германские племена уничтожили предместные укрепления римлян,

¹ *CIL*, XIII, 6658, 6552. Надписи сообщают о каких-то строительных работах.

² *Vita Aureliani*, VII, 1—2.

³ *C. Jullian*, *Histoire de la Gaule*. Paris, 1914, t. IV, стр. 542—543.

расположенные на левом берегу Рейна, почти полностью разгромили укрепления рейнского лимеса и тем самым проложили себе дорогу в глубинные области империи. Галлиен был вынужден лично взять на себя оборону Галлии, поручив своим полководцам борьбу с задунайскими племенами¹.

Омо в своей работе, посвященной Галлиену, восторженно говорит о его успехах в борьбе с германцами, об их «истреблении» и «блестящих» победах Галлиена². С этим вряд ли можно согласиться. Сам Омо признает, что многие римские укрепления попали в руки германцев, что оборонительная «линия германо-рецийского лимеса форсировалась повсюду»³. Вместе с тем, из повествования Зосима явствует с несомненностью, что все усилия Галлиена были направлены на то, чтобы удержать за римлянами важнейшие переправы через Рейн, помешать дальнейшему проникновению германцев на римскую территорию.

Но здесь Галлиену, однако, пришлось отказаться от чисто военного метода и прибегнуть к средствам дипломатии. По сообщению того же Зосима, Галлиен заключил договор с некоторыми германскими вождями, явно пытаясь противопоставить одних противников другим. И, конечно, это достигалось лишь путем крупных уступок со стороны Рима. Придерживаясь подобной же политики и на Среднем Дунае, Галлиен заключил договор с маркоманским вождем Атталом, причем маркоманы получали земли для поселения и вступали с Римом в военный союз. Нехватка вооруженных сил и растущий перевес врагов были главной причиной этой, очень опасной для Рима, дипломатии. Тем не менее, сама обстановка толкала римлян на подобную политику уступок. Опасность грозила отовсюду: ожесточенно нападали на империю и племена на Среднем Дунае, особенно квады и языги; объектом их нападений явилась Паннония: борьба германских племен на Рейне через посредство маркоманнов, языгов, квадов сливалась с борьбой «скифских» племен Причерноморья. Под ударами оказались и африканские провинции: в 254—255 гг. происходят сильные нападения на Нумидию, причем вторгшиеся племена получали поддержку от низов местного населения⁴.

На Нижнем Дунае в свою очередь вновь резко возросла активность скифо-сарматских племен. О новых войнах на Дунае сообщают ценные сведения византийские историки Зонара и

¹ Z o s i m., I, 30; E u t r o p., IX, 8; A u r e l. V i c t., C a e s., XXXIII.

² L. N o m o. L'empereur Gallien et la crise de l'empire romaine. Rh., 1913, t. 113, стр. 12 сл.

³ L. N o m o. Ук. соч., стр. 13.

⁴ Е. М. Ш т а е р м а н. Африканские восстания III века. ВДИ, 1948, № 2, стр. 71.

Зосим. Это, прежде всего, их рассказ об успехе Эмилиана в войне со «скифами», затем сведения о развитии военных действий на Дунае в период вспыхнувшей в Риме междоусобной борьбы¹. Зонара и Зосим называют здесь точно районы военных действий, рассказывают подробно об оборонительных мероприятиях в Греции²; их рассказ о войнах тесно переплетается с повествованием о внутренних римских событиях, причем данные историков о внутриполитическом положении империи подтверждаются как латинскими авторами, так и материалами нумизматики.

Ход событий, на основе показаний этих двух авторов, рисуется следующим образом. Первые полтора-два года после битвы под Абриттом и мира, заключенного Галлом, на дунайской границе было сравнительно спокойно, ибо карпы (уже, повидимому, во второй раз) явились к Эмилиану за получением обусловленной мирным договором ежегодной дани³. Этот мир, конечно, не мог быть прочным, особенно учитывая бедственное положение империи, дальнейшее усиление «скифских» племен и их вековую ненависть к Риму. Но тем не менее, необходимость для карпов некоторой передышки после огромного напряжения 248 и 250—251 гг. и получаемая ими дань от римлян могли бы заставить карпов несколько оттянуть возобновление борьбы, если бы не действия Эмилиана, тогдашнего наместника провинции Нижней Мёзии.

Эмилиан, то ли по указанию Рима, то ли по собственной инициативе, произвольно уменьшил размер ежегодной дани⁴. Учитывая новые большие расходы на борьбу с Персией и тяжелое финансовое состояние империи, шаг этот являлся вполне понятным, тем более, что выплата дани «скифам» постоянно напоминала и свидетельствовала о позоре 251 г. Однако послы карпов, прибывшие в Мёзию за получением дани, были крайне раздражены подобным нарушением договора и удалились с угрозами⁵. Война стала неизбежной. Эмилиан, очевидно, понял это и провел подготовку к отражению нападения. Труднее всего было поднять дух солдат, которые после Абритта с ужасом думали о новой встрече со страшным врагом⁶. Эмилиан добился своей цели, подкрепив рассуждения о достоинстве римского имени обещанием отдать солдатам всю ту дань, которая предназначалась для «скифов»⁷.

¹ Z o s i m., I, 28, 1—2 и 29, 1—3; Z o n., XII, 21 и XII, 23.

² Z o s i m., I, 29; Z o n., XII, 23

³ Z o n., XII, 21, стр. 137.

⁴ Там же, 21.

⁵ Там же.

⁶ Z o s i m., I, 28, 1.

⁷ Z o n., XII, 21

Между тем карпы не замедлили с вторжением на римскую территорию. Это нападение произошло, повидимому, весной 253 г., если учесть, что после своего успеха Эмилиан был сразу же провозглашен императором, а по истечении трех-четырех месяцев правления был свергнут, причем уже в октябре 253 г. документально устанавливается правление Валериана¹. Эмилиан с подчиненными ему войсками попал на вторгшихся «скифов» и нанес им тяжелое поражение. После этого он провел рейд по территории противников, сев там смерть и разрушение. «Уничтожив большинство их, он затем переправил войско на их землю, неожиданно истребил все, что попало на пути»².

Зосим и Зонара, следуя безусловно за Дексиппом, превозносят победу Эмилиана и ее значение для Рима; так, по словам Зосимы, Эмилиан «вопреки всякому ожиданию освободил подвластные римлянам земли от их [варваров] неистовства»³. Вполне понятно, что успех Эмилиана, последовавший некоторое время спустя после позорных поражений римской армии и унижительного мира, был восторженно встречен как армией, так и населением; сам Эмилиан считал, что после этой победы для него нет ничего невозможного⁴. Несомненно, что эти радужные настроения и надежды отразила в какой-то мере римская историческая традиция. Однако те же самые источники, которые так восхваляют дело Эмилиана, позволяют убедиться в ограниченном характере его военных успехов.

Прежде всего, из обращения Эмилиана к сенату узнаем, что он обещает освободить от врагов и Фракию⁵; следовательно, несмотря на его победу, важнейшая римская провинция всё же находилась в руках «скифов». Уже одно это определяет местный характер его успеха. С другой стороны, из того же Зонары явствует, что силы Эмилиана были очень невелики⁶; и Зосим и Зонара подчеркивают, что своими успехами он был обязан лишь тем, что ему удалось застать противника врасплох. Таким образом, успех Эмилиана носил частичный и в значительной степени случайный характер. Возможно, что победа была им одержана лишь над одним из племен, принявших участие в нападении на придунайские районы, тогда как главные силы врага не были почти совсем задеты в ходе этой кратковременной кампании.

Эмилиан одержал последнюю для тех лет победу над племенами Причерноморья, после которой последовали многие годы

¹ *CIL*, VIII, 2482.

² *Zosim.*, I, 28, 2.

³ Там же.

⁴ *Zon.*, XII, 22, стр. 138.

⁵ Там же.

⁶ Там же, 21, стр. 137.

сокрушительных и неотразимых «скифских» вторжений. Но и эта победа оказалась не только ограниченной, но и крайне непрочной. Солдаты Эмилиана, обрадованные победой и богатой наградой, провозгласили его императором¹. Тогда Эмилиан, оставив на произвол судьбы Мёзию и Фракию, со всей своей армией поспешил на запад, чтобы захватить врасплох Галла и Волузиана. Те, в свою очередь собрав войско, двинулись ему навстречу. После первого же удачного для Эмилиана столкновения, войска Галла и Волузиана убили обоих и перешли на сторону Эмилиана². Эмилиан был затем признан сенатом, Египтом и остальными восточными провинциями. Он обещал сенату широкие права в гражданском управлении, взяв на себя лишь функции военачальника; планы его носили широкий и смелый характер и были направлены прежде всего на отражение персидского и скифо-сарматского нападений³.

Но эти планы так и остались планами. Еще во время движения Эмилиана на запад, Галл приказал полководцу Лицинию Валериану привести к нему легионы из Реции. Но Галл вскоре погиб, а Валериан сам был провозглашен императором⁴. Эмилиана, двинувшегося на нового претендента, постигла судьба Галла: он был убит, а его войско перешло на сторону более сильного и авторитетного полководца. Возможно, что просенатская тенденция правления Эмилиана сыграла свою роль в подобном поведении его армии.

Уход Эмилиана и его армии с Дуная и развернувшаяся затем гражданская война, а также военные действия на Востоке способствовали тому, что племена Причерноморья с удвоенной силой обрушились на Дунайские провинции. «Во время беспечного правления Галла скифы сначала тревожили соседние с ними народы, а затем, двигаясь дальше, опустошили все области до самого моря»⁵. Вряд ли будет верно, как то делает Раппапорт, отрывать это наступление от похода весной 253 г. и представлять его лишь как «поход мести» за понесенное «скифами» поражение. Успех Эмилиана отнюдь не носил решающего характера,— уходя, он оставил во Фракии «скифские» отряды⁶. Поэтому, как кажется, здесь речь может идти о вторжении новых сил «скифов», которые и соединились с отрядами, действовавшими еще на римской территории.

Эта новая волна вторжения имела место, повидимому, вскоре после ухода Эмилиана, т. е. летом 253 г. Натиск

¹ Zosim., I, 28, 2; Zon., XII, 21.

² Zon., XII, 22; Eutrop., IX, 5; Vict., Caes., XXXI, 2.

³ Zon., XII, 22.

⁴ Vict., Caes., XXXII, 1; Zon., XII, 22; Eutrop., IX, 7.

⁵ Zosim., I, 26, 1.

⁶ Zon., XII, 22, стр. 138.

«скифов» отличался огромной мощью. В наступление на Дунас включались новые племена; так, Зосим говорит о том, что в нем участвовали «скифы из восставших племен и к тому же маркоманны»¹. Борьба, таким образом, кипела во всех придунайских провинциях. Территория, подвергнувшаяся нападению, была огромной. В непреодолимом порыве наступающие войска прорвались в Македонию и вышли на берег Эгейского моря. Здесь они начали ожесточенную осаду города и крепости Фессалоники². Время осады, повидимому, приходится уже на осень 253 г., так как Зосим повествует о ней сразу же после рассказа о приходе Валериана к власти и его добрых намерениях³.

Осада Фессалоник представляет собой кульминационный пункт всей войны 253 г. Фессалоники, важнейший оплот римской мощи на Балканах, были одновременно и одной из главных римских крепостей и крупнейшим военно-морским портом, через который осуществлялась связь с силами римлян, расположенными на Востоке. Овладение этим городом создало бы придунайским племенам прочный плацдарм в Македонии и облегчило бы наступление как на запад, так и на юг — против Греции. В Греции поняли нависшую над ней опасность. Источники дают яркую картину паники, охватившей Грецию, и оборонительных мер, предпринятых там⁴. За столетия римского господства в Греции ее население почти совсем отвыкло от военного дела и, находясь в глубоком тылу, считало себя в полной безопасности. Римские власти по той же причине не уделяли внимания обороне этих районов, укрепления греческих городов пришли почти в полный упадок, достаточных воинских сил не было. Поэтому по всей Греции начался набор войск⁵, Фермопилы были заняты гарнизоном⁶, пелопоннесцы укрепляли Истмийский перешеек, афины вновь возводили стены, разрушенные еще во времена Суллы⁷. Но на этот раз опасность миновала Грецию. Главные силы «скифов» были заняты у Фессалоник, а предпринятые греками меры обороны и гористая, непривычная для многих «скифов» природа Греции оказались, повидимому, достаточными, чтобы предотвратить нападение более мелких отрядов.

Источники не сохранили подробных сведений об осаде Фессалоник, какие даются в описаниях осад Марцианополя и

¹ Zosim, I, 29, 2.

² Zosim, I, 29, 2; Zon, XII, 23, стр. 139.

³ Zosim, I, 29, 2.

⁴ Zosim, I, 29, 3; Zon., XII, 23.

⁵ Zosim., I, 29, 3

⁶ Syncell., стр. 715.

⁷ Zosim, I, 29, 3; Syncell., стр. 715.

Филиппополя, происходивших в предшествовавших войнах. Они, однако, отмечают, что осада носила крайне упорный и ожесточенный характер и что город едва не попал в руки припонтийских племен¹. Но тем не менее город удалось отстоять, в чем сыграла роль и храбрая защита горожан² и, в неменьшей степени, его прекрасные укрепления. Отказавшись от дальнейшей осады города, «скифы», увозя с собой огромную добычу, возвратились на родину³. Кампания 253 г. была, очевидно, на этом закончена. Неизвестно, удалось ли Валериану после его прихода к власти сразу же активно вмешаться в военные события на Дунае. Можно лишь предположить, что прекращение междоусобной войны дало возможность перебросить на Дунай значительные силы и это, равно как и приближение зимы, повидимому, ускорило отступление «скифов».

2. Захват «скифами» римской провинции Дакии и овладение ими северным побережьем Черного моря

Уход припонтийских племен от Фессалоник лишь частично облегчил положение империи. Ведь в этот раз на нее активнейшим образом наступали не только «скифы», но и персы, германцы, племена Африки, и не подлежит сомнению, что и в последующие годы борьба на Дунае не утихала, более того — ее дальнейшее развитие привело к важнейшему событию войн III века, а именно к утрате римлянами Дакии.

Рассказав о боевых действиях на Рейле, где Галлиен сопротивлялся натиску германских племен, Зосим затем переходит к краткому описанию хода войны на Дунае⁴. В этом описании немало путаницы, но, тем не менее, из него с несомненностью явствует, что натиск на иллирийские провинции принял истинно угрожающий характер⁵, что в этом наступлении, кроме старых врагов, приняли активное участие и какие-то новые племена: бораны и уругунды⁶.

Зосим, правда, ничего не сообщает об итогах этого нового огромного наступления на Дунае, поскольку его интерес переключается тут же на морские походы племен Меотиды, но здесь на помощь приходят данные латинских авторов, сведения эпиграфики и нумизматики. Все эти источники свидетельствуют об укреплении причерноморских племен на территории

¹ Z o s i m., I, 29, 2.

² Там же.

³ S y n c e l l., стр. 715.

⁴ Z o s i m., I, 31.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Дакии. Однако их крайне фрагментарный характер делает весьма затруднительным определение точной даты уступки римлянами Дакии¹. Т. Моммзен, Шмидт и Рапппорт относят это событие к 256—257 гг., Дикулеску — к 260 г., Горовиц — к 271—275 гг., т. е. ко времени Аврелиана. На этой последней точке зрения стоит, в общем, и Дайковичью². При современном состоянии источников будет преждевременным решительно становиться на ту или другую точку зрения; новые археологические раскопки несомненно будут во многом способствовать окончательному разрешению данной проблемы. Но можно думать, что сами эти разногласия в датировке утраты Дакии свидетельствуют о том, что Дакия переходила в руки «скифов» по частям, и лишь Аврелиан принял решение о полном ее оставлении. Возможно, что первым этапом эвакуации Дакии и были 256—257 гг., последующим — 260—261 гг. (время пленения Валериана и гибели римской восточной армии) и, наконец, заключительным — время правления Аврелиана.

Дакия не случайно стала первой римской провинцией, попавшей в руки «скифов». Она с трех сторон была окружена землями враждебных племен и, естественно, что в течение трех десятилетий на нее почти непрерывно сыпались их удары. Даже те походы, которые направлялись вглубь иллирийских провинций, неизбежно так или иначе затрагивали Дакию. Если к тому же учесть, что мелкие войны на Дунае почти не прекращались со времени Маркоманнской войны, то станет ясно, почему оборона Дакии ко времени Галлиена была совершенно разрушена, а сама Дакия до крайности разорена и опустошена.

Огромную роль в крушении римского владычества в Дакии сыграла и борьба местного населения против своих угнетателей; на территории провинции действовали многочисленные группы повстанцев, наводившие страх на римских чиновников, посессоров, купцов. Несмотря на все стремление римлян раздаться с этими «latrones» (создание специальных отрядов и целой сети охранительных постов), борьба повстанцев не прекращалась и в конце II — первой половине III в. слилась с наступлениями придунайских племен. Как отмечают в своих работах советские ученые, позже всех остальных провинций присоединенная к империи Дакия в наибольшей степени сохраняла свои племенные особенности; на ее границах жили полунезависимые дакийские племена, что, конечно, способствовало уси-

¹ И. Т. Кругликова. Римская провинция Дакия во II—III вв. Рукопись монографии, стр. 119 сл.

² С. D a i c o v i c i u. La Transylvanie dans l'antiquité. Bucarest, 1945, стр. 173.

лению освободительной борьбы дакийского населения. Вследствие этого комплекса причин Дакия и оказалась тем слабым звеном, которое первым выпало из системы римских провинций¹.

Перед лицом наступления «скифов» чиновники, и зажиточное население покидали обжитые места; опасность, повидимому, грозила даже Верхней Мёзии. Однако римлянам удалось удержаться на линии Дуная и сохранить за собой даже значительный кусок самой Дакии — современные Банат и Малую Валахию. Эти районы Дакии прикрывались с севера Карпатским хребтом; хорошие военные дороги надежно связывали их с гарнизонами Верхней Мёзии и Паннонии, из коих некоторые получили значительные подкрепления.

В силу подобных обстоятельств римлянам, отказавшимся от борьбы за удержание обширных и опустошенных районов (что было им явно не под силу), удалось, сосредоточив свои резервы на более короткой и укрепленной линии фронта, продержаться здесь еще в течение целых восемнадцати лет.

Тем не менее успех их врагов был очень велик. «Скифы» получили в свое распоряжение плодородную и богатую страну, а несомненно, что одной из важнейших их целей было именно приобретение земель для посевов и пастбищ для скота; рудные богатства Дакии также в какой-то степени могли быть использованы пришельцами, тем более что от «скифов» бежала лишь зажиточная часть населения, а угнетенные слои, к которым относятся, конечно, и рабы, занятые в рудниках, ждали прихода их, как избавления.

Дело не ограничивалось усилением материальных, в том числе и военных, средств причерноморских племен; их успех имел и крупный стратегический характер. Важнейший бастион Рима на его северо-восточных границах был уничтожен; плацдарм, с которого римляне могли угрожать соседним народам, был сведен к очень скромным размерам. Наоборот, «скифы» еще ближе придвинулись к глубинным районам империи и получили позиции для новых на нее наступлений.

Период 50-х годов в истории борьбы Рима с племенами Причерноморья знаменателен не только тем, что в это время последние овладели большей частью Дакии, — не меньшее значение имел и факт их прочного утверждения на всем северном побережье Черного моря.

В распоряжении науки нет, к сожалению, почти никаких данных о судьбе римских владений к востоку от низовий

¹ И. Т. Кругликова. Римская провинция Дакия во II—III вв. Рукопись монографии, стр. 2 сл.

Дуная¹. Несомненно, что изолированные от основной имперской территории, окруженные отовсюду скифо-сарматским миром, они в первую очередь должны были пасть под его натиском². Свидетельством прогрессирующего ухудшения положения Тиры и Ольвии служит факт прекращения ими чеканки монет — Тирой в 238 г., а более отдаленной Ольвией — уже в 235 г.

Правда, в 40-е годы III в. н. э. они еще находились в руках римлян — в 248 г. в Ольвии отмечено присутствие римского гарнизона. Но с усилением «скифских» пашествий на придунайские провинции их положение становилось все безнадежнее; римские гарнизоны, очевидно, вскоре были выведены и отправлены в более ответственные места. А захват «скифами» Дакии, повидимому, сопровождался и окончательным овладением ими как Ольвисей, так и Тирой, если они не перешли в руки причерноморских племен еще в более раннее время. Ольвия, очевидно, первой попала в руки «скифов» — ее положение было изолировано, и она не могла успешно сопротивляться натиску врага; затем пала и Тира — римские монеты встречаются там лишь до времени Галлиена³.

Конечно, вовсе не обязательно полагать, что это было связано с катастрофой для города и его жителей; вполне вероятно, что горожане Тиры предпочли не доводить дело до крайности и, видя безвыходность положения, добровольно перешли на сторону противника. Для последнего же подобный исход был самым желательным — «скифы» очень нуждались в гавани и технических знаниях горожан для своих морских походов.

Совершенно никаких сведений не сохранилось о судьбе Херсонеса в рассматриваемое время. Около 200 г. римские войска эвакуировали южное побережье Крыма⁴, передав оборону этих районов Боспорскому царству. Впоследствии Херсонес, конечно, также испытал нажим «скифов», но, в отличие от других колоний Северного Причерноморья, сумел сохранить свое самостоятельное существование. Он лежал несколько в стороне от основных направлений наступления⁵ (придунайские области — Боспор); Рим продолжал оказывать ему некоторую военную и финансовую помощь, не желая, видимо, утратить свой последний форпост; сам город был прекрасно укреплен.

Иное положение сложилось на Боспоре. Его крепости и морской флот когда-то надежно прикрывали выход в восточную

¹ Ю. Кулаковский. Прошлое Тавриды. Киев, 1914, стр. 49.

² Там же.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты. М.—Л., 1951, стр. 117.

⁴ В. Н. Дьяков. Таврика в эпоху римской оккупации. Ученые записки МГПИ, т. XXVIII, вып. 1, стр. 89 сл.

⁵ Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 129.

часть Черного моря. Между тем в III в. н. э. материальные ресурсы Боспора уменьшились в связи с ростом хозяйственного кризиса в стране и падением внешней торговли. Возобновление в широком масштабе войн «скифов» с Римом немедленно отразилось и на Боспорском царстве, которое также попало под удар «скифских» племен. Правда, о ходе войны «скифов» с Боспором нет никаких прямых свидетельств. Но в последних датированных надписях из Танаиса, относящихся к 236 г., имеются указания на оборонительные мероприятия¹ — город, очевидно, уже находился под серьезной угрозой со стороны скифо-сарматских племен. В середине же III в. здесь вообще прекращаются какие бы то ни было официальные надписи, столь многочисленные в предшествующий период. Мнение тех авторов, которые считают причиной этого занятия города наступающими «скифами», кажется вполне справедливым.

Потеря Танаиса была тяжелым ударом для Боспора. Враги нажимали отовсюду, оборонительная система Боспора терпела крах. Положение Боспора все более ухудшалось. Войны подрывали его экономику и особенно торговлю; Рим, сам оказавшийся в тяжелом положении, прекратил выплату субсидий царям Боспора и, повидимому, отозвал и те небольшие воинские подразделения, которые там находились в более спокойное время².

О том, как в конце концов «скифы» овладели и выходом в море и морскими базами, сообщает лишь Зосим: «Когда у них [боспорцев] царская власть переходила от отца к сыну, то по дружбе с римлянами, из-за торговых выгод и посылаемых им каждый год даров — они преграждали путь скифам, желающим переправиться в Азию; когда же после гибели царского рода к власти пришли некие неблагородные и негодные люди, то из страха за себя они открыли скифам проход через Боспор в Азию и дали им для переправы свои суда»³. Это сообщение Зосима нашло различную оценку в среде специалистов-историков Боспора.

Так, Латышев в своей работе «Краткий очерк истории Боспорского царства» подвергает некоторому сомнению свидетельство Зосима и вообще оставляет открытым вопрос о том, в чем, собственно, состоял смысл событий на Боспоре в 50—60-е годы III в.⁴ Васильевский сводит его к «смутам» и борьбе

¹ ИРЕ, II, 434.

² В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 444.

³ Zosim., I, 31, 2—3.

⁴ В. В. Латышев. Pontica. Краткий очерк истории Боспорского царства. СПб., 1909, стр. 119.

претендентов за трон. Однако в новейшей советской историографии делается удачная попытка решения вопроса.

Ученые отмечают, что с 239 — 240 гг. и вплоть до 50-х годов III в. н. э. Боспорским государством, судя по монетам, правил царь Рискупорид IV — член старой, лояльной по отношению к римлянам династии. И вот, в период 253—255 гг., наряду с его монетами появляются и монеты некоего Фарсанза¹, царя, носящего явно «варварское» имя. Если принять во внимание, что именно в это время и начинаются «скифские» морские походы, то в лице Фарсанза вполне можно видеть одного из тех «недостойных людей», о которых рассказывает Зосим². Правда, монеты его не выходят за пределы двух лет, но интересно и симптоматично, что вскоре на значительный период прекращается и выпуск монет Рискупоридом — несомненное доказательство крупных потрясений, переживаемых Боспором.

Действительно, еще в более ранний период Боспорское царство переживало сильнейшие потрясения, вызываемые выступлениями народных масс. В рассматриваемый же период, период глубокого кризиса Боспорского царства и возросшего натиска внешних врагов, эта борьба низов должна была принять особенно обостренный характер. «Варваризация» Боспора и, прежде всего, его армии еще более ослабляла его сопротивляемость перед лицом внешних и внутренних врагов. Ослабление экономических связей Боспора с имперскими территориями в свою очередь содействовало росту антиримских настроений даже в среде господствующего класса³. Очевидно, в определенный момент на Боспоре произошло восстание и, в противовес старой, проримски настроенной династии, была выдвинута новая династия, которая, укрепившись на части боспорской территории, вступила в соглашение со скифами.

Бесцельно гадать о взаимоотношениях западной и восточной частей, на которые, по видимому, разделился Боспор; в дальнейшем, когда военное счастье оказалось на стороне Рима, Боспорскому царству удалось в какой-то мере восстановить старое положение вещей и старые границы.

Таким образом, 50-е годы III в. н. э. ознаменовались новыми большими успехами припонтийских племен в их борьбе с

¹ В. Н. Дьяков. Таврика в эпоху римской оккупации. Ученые записки МГПИ, т. XXVIII, вып. 1, стр. 22; А. Н. Зограф. Античные монеты. М.—Л., 1951, стр. 209.

² В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 452 сл.

³ Рецензия В. Д. Блаватского и О. В. Кудрявцева на книгу В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. ВДИ, 1949, № 4, стр. 155.

Римом¹. Они овладели Даквией, уничтожив тем самым важнейшую преграду на путях проникновения вглубь империи и создав плацдарм новых вторжений. В их руках оказалось и почти все северное побережье Черного моря, что открывало возможность для дальнейшего расширения борьбы и перенесения ее на море. Рейды «скифов» в империю становятся еще более глубокими и мощными, «скифские отряды прорвались на побережье Эгейского моря, осадили Фессалоники и создали непосредственную опасность Греции. В борьбу с Римом в этот период включились новые племена — бораны и уругунды; «скифская» коалиция возросла и усилилась. Добившись первого большого успеха в расчленении империи, многочисленные племена Северного Причерноморья готовились к нанесению еще более сокрушительных ударов.

¹ А. Васильев. Готы в Крыму. Известия Российской Академии истории материальной культуры, 1921, т. I, стр. 265.

III. МОРСКИЕ ПОХОДЫ ПЛЕМЕН СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В 256—266 гг. Н. Э.

1. Начало морских походов (256—257 гг.) Вторжение придунайских племен в район Пронитиды (258 г.)

Войны «скифов» с Римом в 250—260 гг. в той или иной степени привлекли внимание почти всех историков, изучавших историю императорского периода и особенно проблемы взаимоотношений Рима с его периферией. И, тем не менее, в оценке этих войн и их характеристике буржуазная историческая наука так и не смогла прийти к единому взгляду. Это относится и к проблеме «морских походов», развернувшихся в период наивысшего обострения кризиса III века. Вопрос сводится, прежде всего, к определению времени этих походов, а затем и их предпосылок. Так, если Б. Рапппорт¹ относит все морские походы ко времени Валериана и Галлиена, то Т. Моммзен², Феликс Дан, а из новых ученых Альфёльди³ считают возможным утверждать, что уже в начале 50-х годов н. э. имели место огромные морские набеги скифо-сарматских племен.

Подобный довольно распространенный взгляд нашел свое наиболее яркое выражение в труде Моммзена, где он развивает идею о том, что еще при Деции готы опустошили малоазийские греческие острова и Памфилию, а при Требониане Галле разгрому подвергались все более и более широкие территории Малой Азии. Мнение Моммзена и некоторых других, солидарных с ним ученых, является совершенно необоснованным. Так, для описания морских походов, имевших якобы место еще во времена Деция, Моммзен целиком базируется на

¹ B. R a p p o r t. Die Einfälle der Goten in das römische Reich. Leipzig, 1899, стр. 43—46.

² Т. М о м м з е н. История Рима, т. V, М., 1949, стр. 210.

³ А. А l f ö l d i. The invasions of peoples. САН, t. XII, стр. 147.

одном весьма беглом замечании Аммиана¹. Но Аммиан в этом отрывке говорит безусловно о походе 269—270 гг., что подтверждает и приводимая им цифра «скифских» судов, принявших участие в этой войне, и остальные его детали. Пичуть не меняет положения то, что в рассказе Аммиана имеется упоминание о гибели Дециев², ибо в своем экскурсе Аммиан Марцеллин вовсе не стремился к точному хронологическому изложению событий. Цель его была совсем иная — бегло, но ярко доказать своим современникам, что и в прошлом внешние враги наносили империи тяжелые удары³. И, наконец, совершенно непонятно, почему древние авторы, с таким интересом отнесшиеся к войне 250—251 гг., ни слова не говорят о том, что наряду с сухопутной войной шла еще и огромная морская война. Таким образом, возможность каких-либо морских походов во времена Деция — совершенно отпадает.

Гораздо более сложен вопрос о реальности или нереальности морских походов в период правления Требониана Галла. Зосим и Зонара, рассказывая о событиях 252—253 гг., тут же приводят сведения и о морских набегах⁴, прямо относя их ко времени правления Галла, причем нерадение Галла представляется Зосимом как одна из важнейших причин нападений⁵. Однако более внимательное рассмотрение данных как Зосима, так и Зонары с несомненностью приводит к тому выводу, что оба эти автора дают в указанных отрывках не что иное, как общий обзор «скифских» нападений на империю, имевших место в 50-е и 60-е годы III в. Слова Зосима о том, что «ни один из народов подвластных римлянам, не уцелел от этих [нападений]⁶», его утверждение о взятии «скифами» всех неукрепленных и большей части укрепленных городов⁷ ясно свидетельствуют именно о таком обзорном характере его рассказа, носящего при том следы явной риторики.

Вместе с тем, важно отметить, что большая часть событий, упомянутых в обзоре, нашла свое более детальное и конкретное описание и у самого Зосима и у других писателей — SHA и Иордана. Так, взятие Эфеса *Vita Gallieni* VI, 2 и *Iord.*, XX, 107 относят уже ко времени единодержавного правления Галлиена; так же датируют и поход в Галатию и Каппадокию *Vita Gallieni*, XI, 1; *Synzell.*, 1, стр. 716. Наконец, если Зосим экспе-

¹ *Ammian.*, 31, 5, 15.

² Там же.

³ Там же.

⁴ *Zosim.*, I, 26—28; *Z o p.*, XII, 21, стр. 137.

⁵ *Zosim.*, I, 26.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

дицию в Вифинию (258 г.) называет вторым морским походом¹, то тогда непосредственно ему предшествовавший поход на Питиунт и Трапезунт² (255—257 гг.) был первым морским походом; но раз это так, то как же Зосим, а вернее его источник Дексипп, могли обойти в своей «нумерации» крупнейшие морские походы 252—253 годов? Таким образом, взгляд Моммзена по вопросу о начале морских походов оказывается совершенно необоснованным данными источников.

Источники дают яркое представление о том, как народы Причерноморья лишь постепенно, преодолевая большие трудности, освоили морское дело и расширили сферу своих морских походов. То было дело многих лет и его невозможно объяснить тем, что морские набеги на Понте в сущности никогда не прекращались³ — и масштаб и характер морских походов 50—60-х годов III в. н. э. резко отличался от простых пиратских нападений. Излагая предпосылки этих морских походов, многие буржуазные ученые сводят всё преимущественно к появлению на берегах Черного моря новой волны германских переселенцев, ищущих добычи и мест для поселения. Среди этих германских переселенцев, «отважных и неукротимых», особенно большая роль принадлежала «германцам-герулам», переселившимся с балтийских берегов и в силу этого хорошо знакомым с морским делом⁴. Из других факторов отмечается лишь ослабление империи, упадок правительственной власти, который «сказался, естественно, прежде всего в дальнейшем упадке морской полиции»⁵. Но если ссылки на слабость правительства и «упадок» морской полиции в какой-то, пусть в незначительной степени, отражают реальное положение вещей, то упорное выдвигание германцев как организаторов морских походов и их ведущей силы является совершенно необоснованным.

Источники с неопровержимостью показывают, что инициаторами и организаторами первых морских походов были не готы, но племя боранов⁶, не германское племя, ибо источники ни слова не говорят об их германском происхождении. Быть может, бораны идентичным с бурами или булонами Птолемея (наиболее верным представляется, однако, их отождествление с бурсками). Таким образом, это было какое-то скифо-сармато-аланское или славянское племя.

¹ Zosim., I, 34—35.

² Там же, I, 32—33.

³ Т. Моммзен. История Рима, т. V, М., 1949, стр. 209.

⁴ В. Рарпорт. Die Einfälle der Goten in das romische Reich. Leipzig, 1899, стр. 48.

⁵ Т. Моммзен, ук. соч., стр. 210.

⁶ Zosim., I, 31—32; Gregor. Thaumaturg., Migne Patrologiae cursus completus, seria Graeca, t. X, стр. 1037 сл. Ошибочно считает их готами В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 449.

Что же касается герулов, то безусловно им принадлежала крупная роль, на некоторых этапах даже ведущая, но нет никаких оснований считать, что герулы побережья Азовского моря идентичны с герулами Балтийского побережья. Источники сообщают о переселении готов, вандалов, но ничего не говорят о переселении герулов. Но зато Стефан Византийский определенно указывает на то, что герулы — «народ скифский»; по Иордану, этот народ населяет болотистые места в так называемой «Нуллала»¹. Поэтому вполне обоснованной кажется гипотеза А. Д. Удальцова, который считает герулов коренным населением Меотиды. Возможно, что этот термин, появившийся в более позднее время, носил обобщающий характер, охватывая не одно какое-нибудь племя, но ряд племен по Меотиде, в том числе племя боранов, о которых в 60-е годы уже ничего не слышно.

Конечно, в морских походах принимали участие и готы, но вместе с другими племенами Причерноморья; морские походы, как и предшествующие войны 230—240 гг., носили также коалиционный характер: среди их вождей встречаются иногда чисто славянские имена². Сам Моммзен вынужден признать это, говоря: «В числе этих народов встречаются и готы, однако, поскольку дело касается морских походов в собственном смысле слова, о которых имеются довольно точные сведения, участие в них готов не было особенно значительным: эти походы, собственно говоря, было бы правильнее называть не готскими, а скифскими»³.

Морские походы стали возможны лишь в силу тех больших успехов, которые уже одержали племена Северного Причерноморья в борьбе с Римом. К ним относится, прежде всего, разгром римской армии под Абриттом, оккупация Дакии и овладение всем побережьем Черного моря в его северной и северо-восточной частях. Крушение римского владычества сопровождалось здесь переходом в руки «скифов» плацдарма и баз, снабженных соответствующими пловучими средствами, которые и были широко использованы в ходе их морских экспедиций.

Важнейшей предпосылкой морских походов было также активное участие в борьбе восточных племен Причерноморья (бораны, герулы и др.), которые явились инициаторами и ударной силой этих походов⁴. Тысячекилометровые пространства суши отделяли их от римских границ на Дунае, гористый Кавказ—

¹ Jordan, *Getica*, XXIII, 117.

² Там же, XX, 107.

³ Т. Моммзен. История Рима, т. V, М., 1949, стр. 211; о раннем проникновении «единиц славянства» к берегам Черного моря см. А. Л. Погоди н. Сборник статей по археологии и этнографии. СПб., 1902, стр. 161.

⁴ Zosim., I, 31, 1.

от Малой Азии; перенесение войны на море не только компенсировало эти огромные географические минусы, но и открывало новые, блестящие перспективы. Их силы, которые раньше лишь эпизодически участвовали в борьбе на собственно римской территории, теперь смогли получить значительно более полное применение.

Наконец, вся внешняя и внутривосточная обстановка, сложившаяся в Риме в 50-е годы III века, в высшей степени способствовала разворачиванию этой новой формы борьбы. Почти все римские регулярные войска были отозваны на Рейн и на Евфрат, которые считались у римлян главными фронтами огромной борьбы¹.

Защита малоазийских и греческих провинций была предоставлена главным образом местным ополчениям—недисциплинированным и малообученным². Критическое положение империи и крайний упадок ее экономики, как и следовало ожидать, сказались, прежде всего, на состоянии римского флота, некогда безраздельно господствовавшего на Черном море. Хотя в середине III в. н. э. и встречаются некоторые упоминания о римском флоте в западных районах Черного моря, но он никак не проявил себя в период целого ряда крупнейших морских походов и фактически долгое время не участвовал в войне³.

Первый морской поход причерноморских племен (то были, как указывает Зосим, бораны) был направлен на Питиунт⁴—крайний опорный пункт римлян на западном побережье Кавказа. Получив от боспорцев суда, бораны добрались до Питиунта и смело напали на него. Однако город был хорошо укреплен, а во главе его гарнизона оказался мужественный и энергичный командир, некто Суксессиан. Суксессиан успешно отразил нападение боранов и сделал даже попытку преследовать их. Нападавшие оказались в очень трудном положении. Уверенные в успехе, они отослали обратно корабли боспорцев и теперь им грозила опасность быть отрезанными и истребленными римлянами, тем более что гарнизон Питиунта мог легко получить подкрепления не только из Диоскуриады и Фасиса, но и из самого Трапезунта. «Скифы, — пишет Зосим, — опасались, что гарнизоны соседних крепостей могут узнать о создавшемся положении, соединиться с солдатами из Питиунта и полностью их истребить»⁵. «Скифов» спасла здесь, как и во многих других случаях, их инициатива и смелость. Они захватили в окрестностях Питиунта достаточное количество кораблей и, преодо-

¹ Z o s i m., I, 32.

² Там же, I, 32, 2; I, 34, 3.

³ Там же, I, 32, 34—35.

⁴ Там же, I, 32, 1.

⁵ Там же.

лев большие опасности, все же достигли родных берегов¹. Однако этот первый морской поход окончился полной неудачей; потери боранов были очень велики².

В довольно ясном рассказе Зосима, описавшего эту первую экспедицию, вызывает некоторое недоумение лишь его замечание о какой-то «великой опасности», которую претерпели «скифы» на их обратном пути. Вряд ли это было преследование со стороны римских кораблей, ибо Зосим ничего не говорит об этом (к тому же ничего не известно о присутствии в этих районах какой-либо морской флотилии), повидимому, это были морские бури, вызванные норд-остом.

Отправным пунктом для датировки первых морских походов служит беглое, но исключительно важное замечание Зосима. Рассказав о неудачном рейде «скифов» на Питиунт и надеждах граждан на то, что нападение не повторится, он продолжает: «Но после того как Валериан отозвал Сукцессиана [коменданта Питиунта] к себе и назначил начальником преторианцев, чтобы с его помощью привести в порядок антиохийские дела,... скифы вновь взяли суда и совершили переправу»³. Речь здесь идет о том времени, когда Валериан, после падения Антиохии, поспешил на Восток и занялся здесь восстановлением города и подготовкой к отражению нового персидского вторжения. Но поскольку падение Антиохии, судя по хронике Малалы, произошло между 1 октября 255 г. и 30 сентября 256 г.⁴, а вероятнее всего, именно летом 256 г. (игры, о которых упоминает Аммиан, были, повидимому, олимпийскими), то прибытие Валериана на Восток имело место, как считает большинство авторов, в конце 256 г.

Лишь после освобождения Антиохии он в целях ее восстановления и призвал сюда Сукцессиана, отличившегося перед тем смелой защитой Питиунта. То был уже, очевидно, 257 год, а само прибытие Сукцессиана в отдаленную Антиохию последовало не ранее, чем весной 257 года. Отъездом Сукцессиана, по мнению Зосима, и воспользовались «скифы» для нового нападения на римские владения. Тогда датой второго похода будет 257 год, первый же неудачный поход приходится, таким образом, на предшествующий 256 г. или, в крайнем случае, на 255 год.

Неудача первого морского похода не обескуражила племена Меотиды. Уже в следующем году — также летом — они двинулись в новый, несравненно более значительный поход, направленный на Трапезунт. И об этом походе, как и о следовавшем за ним, рассказывает детально лишь один Зосим, но о

¹ Z o s i m., I, 32, 1.

² Там же.

³ Там же, I, 32, 2.

⁴ Ioannis M a l a l a e Chronographia, XII, стр. 296.

внутреннем положении в Малой Азии в период морских экспедиций дошли замечательные свидетельства современника событий — епископа Неокесарии Григория, так называемого «чудотворца»¹.

В своем походе «скифы» вновь воспользовались судами и экипажами боспорцев, но, однако, на этот раз они полностью учли ошибку предшествующего года и не только не отпустили боспорские суда, но сделали всё для того, чтобы получить в свое распоряжение новые корабли и опытных гребцов и, вместе с тем, надежные промежуточные базы. Минуя Питиунт и Диоскуриду, они приблизились к Фасису, городу и порту, расположенному на ближайших подступах к Трапезунту.

Но Фасис, к которому их влекли, между прочим, и богатства его храма, взять не удалось, и они вынуждены были повернуть обратно на север, с тем чтобы попытаться взять Питиунт². В городе в то время уже не было Сукцессиана, отозванного, как уже упоминалось, Валерианом в Антиохию; горожане, возможно, не ждали столь быстрого возвращения всех сил противника. и Питиунт попал в руки «скифов». Гарнизон Питиунта был истреблен. «Без малейшего затруднения взяв это укрепление и вырезав бывший в нем гарнизон, они двинулись дальше»³.

Взятие Питиунта сыграло большую роль в дальнейшем развитии военных действий. В руках боранов оказалась теперь хорошая промежуточная база, обладавшая не только мощными укреплениями, но и прекрасной гаванью. Еще большее значение имело то, что здесь они захватили значительное количество судов. К «варварам», повидимому добровольно, присоединилось и немалое число опытных гребцов. Эти суда и экипажи скифы использовали для дальнейших военных действий против Трапезунта и прилегавших к нему районов.

Трапезунт был значительным малоазийским центром, богатым и густонаселенным городом⁴, снабженным хорошей гаванью. Понятно поэтому, почему именно на него и был направлен главный удар причерноморских племен. Однако овладение городом было делом чрезвычайно трудным. Он был укреплен двумя мощными стенами, к его постоянному гарнизону перед лицом «скифской угрозы» было добавлено десятитысячное подкрепление⁵. Вместе с тем время, которое потеряли «скифы» в своих попытках укрепиться на Кавказском побережье, также могло быть использовано для усовершенствования обороны города.

¹ G r e g o r. Thaumaturg., Migne..., стр. 1037 сл.

² Z o s i m., I, 32, 3.

³ Там же, I, 33, 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

И они вновь оказались перед лицом, если не поражения, то во всяком случае — крупной неудачи. По словам Зосима, у нападавших даже исчезла надежда взять город¹.

Но тут в полной мере проявили себя факторы, которые свели на нет, казалось бы, непреодолимые преимущества римской обороны. Уже отмечалось, что римляне считали для себя более важным персидский фронт и именно сюда брали лучшие силы и лучших командиров; доказательством этого служит отозвание Сукцессиана. Поэтому оборона Трапезунта, повидимому, находилась в руках второстепенных частей и городского ополчения.

Но несравненно большее значение для успеха «скифов» имело движение низов местного населения, развернувшееся в связи с их вторжением. Об этом-то движении и дает нам представление свидетельство епископа Неокесарии Понтийской Григория. Григорий, узнав о сочувствии народных масс «варварам» и об их активной поддержке вторжения «готов» и боранов, направил послание епископу Трапезунта. В своих посланиях Григорий с величайшей ненавистью отзывается о тех жителях Понта, которые перешли на сторону «готов». Он заклинает «заблудшихся» опомниться, грозит им всеми земными и небесными карами².

Из посланий епископа Григория видно, что рабы и колонны захватывали собственность богачей, производили нападения на их поместья и т. д. Борьба между низами населения и господствующей верхушкой достигла большой остроты³; бедняки и рабы вливались в отряды готов и боранов, служили им в качестве проводников, беспощадно расправлялись со своими угнетателями: «А тем, которые в плену присоединились к варварам и вместе с ними нападали, забыв что были понтийцами и христианами, и ожесточились до того, что убивали своих единоплеменников или палками или через повешение, а также указывали дороги и дома незнакомым с местностью варварам — таковым должно преградить вступление в число верующих»⁴. Но хотя христианская верхушка целиком разделяла взгляды и настроение епископа Григория, христианские низы

¹ Z o s i m., I, 32, 2.

² G r e g o r. Thaumaturg., Migne..., стр. 1040. Переводы цитируются по диссертации проф. Дмитрева: «Социальные движения в Римской империи в связи с вторжениями варваров», стр. 218 сл.

³ Интересно отметить, что, несмотря на всю сложность обстановки, крупные землевладельцы областей, соседних с трапезунтской, использовали войну в свеекорыстных целях, удерживая «у себя в неволе некоторых пленников, спасшихся от врага». Это, разумеется, также ослабляло оборону империи.

⁴ G r e g o r. Thaumaturg., стр. 1040.

продолжали свою борьбу и многочисленные грозные послания не дали ожидаемого эффекта.

При подобной позиции низов населения обстановка радикально менялась в пользу «скифов», которые могли на месте получать подкрепления, проводников и разведчиков, тогда как правительственные войска не имели ни прочного тыла, ни обеспеченных коммуникаций. Правда, мы не имеем столь же подробных сведений о положении в самом Трапезунте, осажденном «скифами». Но вряд ли настроение низов городского населения было иным, чем у рабов и колонов окружающих местностей. Это, конечно, крайне ослабляло оборону города, вселяло в среду его защитников настроения пессимизма и безнадежности. Во всяком случае источники свидетельствуют о разложении гарнизона Трапезунта. Зосим рассказывает, что защитники города предались всевозможным развлечениям и пьянству¹; дело дошло до того, что прекратилась даже охрана городских стен.

Осаждавшие заметили это и ночью поднялись на стены по заранее запасенным бревнам. Сначала то были, судя по рассказу Зосима, незначительные группы, использовавшие для подъема наиболее доступные участки стен, затем, повидимому, были открыты городские ворота и в город вторглась основная масса «скифов». Гарнизон Трапезунта, без всякой попытки сопротивления, устремился к противоположным воротам; части удалось спастись, но многие были перебиты². «Варвары» стали хозяевами огромных богатств и захватили в плен массу людей, так как в Трапезунт, надеясь на его неприступность, сбежалось много населения из соседних с ним районов. «Взяв город таким образом, варвары овладели бесчисленным количеством сокровищ и пленных»³. Разрушив в Трапезунте храмы и наиболее выдающиеся строения, уничтожив все ценное и опустошив всю окрестную область, «скифы» со множеством судов вернулись на родину. Хорошая погода, стоявшая почти все лето 257 г., облегчила им обратный путь.

Морской поход 257 г. имел большое значение для борьбы скифов с Римом. Он нанес жестокий удар по важнейшему центру противника на противоположном берегу Черного моря. Этим походом открылось новое, крайне опасное для римлян направление борьбы⁴: рейды «скифов» распространяются отныне и на провинции Малой Азии. Поход 257 г. дал в руки племен Меотиды многочисленный флот, обогатил их драгоценным опытом,

¹ Zosim., I, 33, 2.

² Там же.

³ Там же, I, 33, 3.

⁴ См. К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V. Л., Госполитиздат, 1938, стр. 9.

и, что самое главное, показал всем причерноморским народам на возможность и эффективность морских походов.

Блестящий успех племен Меотиды воодушевил соседние причерноморские племена для нового похода против римской империи. «Когда соседние скифы увидели привезенные богатства, — рассказывает Зосим, — их охватило желание совершить подобное же, пойдя по стопам боранов»¹. Правда, он не сообщает о том, что это были за соседи, но то могли быть лишь племена Западного Причерноморья: карпы, вестготы, бастарны и другие.

Однако для них осуществление морской экспедиции представляло немалые трудности. В их распоряжении не было боспорских портов и боспорского флота, да к тому же жители Меотиды обладали, повидимому, каким-то количеством собственных судов. Морской опыт прочих «скифов», несомненно, во многом уступал морскому опыту населения Меотиды.

Но не смущаясь этими обстоятельствами, племена придунайских районов энергично принялись за создание собственного флота². Строительство флота началось, повидимому, еще осенью 257 г., сразу же после завершения удачного морского похода боранов, а, быть может, еще и раньше, причем для строительства судов была использована помощь римских пленных и купцов, явившихся сюда по торговым делам³.

Районы, где строился флот и куда стекались «скифские» отряды для предстоящего похода, точно не известны; скорее всего то было устье Днестра, имеющее хорошую бухту и расположенное на незначительном отдалении от римской границы. Здесь «скифы» могли использовать для построения флота материальные средства и знания граждан Тире; видимо, именно в силу вышеуказанных обстоятельств Днестр служил сборным местом и для массового похода задунайских племен в 269—270 гг.⁴

На этот раз главный удар был направлен на провинцию Понт — Вифиния. Это не являлось случайностью. Придунайские провинции, особенно Нижняя Мёзия и Фракия, были сильно опустошены в ходе прежних вторжений и войн; кроме того, мёзийские и фракийские города уже получили мощные укрепления, с утратой же Дакии римляне начали уделять еще большее внимание укреплению стратегических пунктов на своей дунайской границе. Вторжение в эти области, не принося особых

¹ Z o s i m., I, 34, 1.

² Там же.

³ Z o s i m., I, 34, 1: «стали заготавливать суда, воспользовавшись при их постройке помощью бывших у них пленников или прибывших с торговыми целями». Суда эти были скорее всего в массе своей лодки-однодеревки.

⁴ Там же, I, 42.

выгод, могло втянуть наступавших лишь в затяжные и тяжелые операции по осаде хорошо укрепленных городов. Поэтому они предпочли, не углубляясь в Мёзию и Фракию¹, проникнуть в районы слабо защищенной Пропонтиды.

Понт и Вифиния были богатейшими римскими областями². Они обладали большими и разнообразными естественными ресурсами; наряду с земледелием, скотоводством, рыбной ловлей крупную роль в экономике этих районов играла торговля, получившая особенное развитие благодаря их выгодному географическому положению. Вместе с тем, эти области, являвшиеся естественным путем связи между Азией и Европой, были исключительно важны для Рима в стратегическом отношении³, поскольку через них осуществлялась связь с войсками восточного фронта. Поэтому вторжение в наиболее густонаселенные районы Пропонтиды, лежавшие в зоне проливов, могло принести «скифам» обильную добычу, а римлянам нанести тяжелый урон.

Поход народов Западного Причерноморья начался, повидимому, сразу же с наступлением весны 258 г. Этот поход, в отличие от рейда племен Меотиды, носил не чисто морской, а комбинированный характер: одна часть войска двигалась на судах, другая шла параллельно по морскому побережью⁴. Этот комбинированный характер похода вызывался, прежде всего, нехваткой морских судов, но, вместе с тем, быть может, и некоторым «консерватизмом», нежеланием целиком положиться на новое средство борьбы.

Флот придунайских племен, сопровождаемый сухопутным войском, минуя устья Дуная, Тома, Анхиал и не встречая притом никакого противодействия, приближался к Боспору⁵. Перед нападавшими возникла здесь трудная и ответственная задача, от которой зависел успех всей экспедиции: переправа через Боспор многочисленного сухопутного войска. На северной стороне Боспора была расположена крупнейшая римская крепость Византий, на южной — Халкедон; гарнизон Халкедона намного превосходил по численности скифское войско и, уже подготовившись к бою, расположился между городом и храмом на берегу моря⁶. Переправа войска по частям могла привести лишь к истреблению «скифов» превосходящими силами римлян, имевшими опорные пункты на обоих берегах пролива. Крупным естественным препятствием было и быстрое течение

¹ Z o s i m , I, 34, 2.

² А. Р а н о в и ч. Восточные провинции Римской империи. М.— Л., 1949, стр. 76—77.

³ Там же, стр. 72.

⁴ Z o s i m , I, 34, 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же, I, 34, 3.

Боспора, от которого даже в более позднее время сильно пострадали небольшие «скифские» суда и малоопытные экипажи¹.

Из этого затруднительного положения их выручили местные рыбаки. При приближении «скифов» рыбаки Филеатской бухты (расположенной в устье Понта, западнее Византия) укрылись со своими судами в окружающих бухту болотах. «Скифы», узнав об этом, вступили с ними в переговоры, и рыбаки добровольно согласились переправить их через пролив². Рыбаки посадили сухопутное войско «врага» на свои лодки и начали переправу.

Еще до появления противника часть римских войск, проходившихся на южной стороне Боспора, самовольно покинула римский лагерь под тем предлогом, что она намерена соединиться с полководцем, посланным Валерианом; другие же оставшиеся на месте солдаты разбежались в панике при одном известии о появлении неприятеля. Поэтому последний беспрепятственно совершил переправу и овладел Халкедоном: в этом городе вместе с ценностями было захвачено также много оружия и различных припасов³.

Бегство римских войск и взятие Халкедона открыло перед наступающей стороной путь вглубь страны. После взятия Халкедона «скифы» двинулись на столицу Вифинии — богатый и многолюдный город Никомедию. Состоятельное население бежало в панике еще до их приближения, унося с собой что только можно; тем не менее и здесь «скифы» захватили огромную добычу⁴.

Интересно отметить, что с походом на Никомедию связано имя некоего Хризогона, повидимому, местного уроженца, который энергично побуждал «скифов» к наступлению на этот город. Послушав его совета, «скифы» захватили город и, удивленные массой захваченных там богатств, «всячески благодарили и чтили Хризогона, который настойчиво побуждал их идти на Никомедию»⁵.

Овладев Пикомедией, «скифы» затем совершили нападения на Никею, Киус, Апамею и Пруссу. Эти города, расположенные друг от друга на небольшом расстоянии и соединенные хорошей дорогой, один за другим попали в их руки и также подверглись разграблению. После разгрома этих городов и прилегающих к ним районов войско причерноморских племен направилось к Кизику. Оно, однако, не смогло переправиться через разли-

¹ Z o s i m., I, 42.

² Z o s i m., I, 34, 2: «Узнав, что местные рыбаки с имевшимися у них лодками спрятались в прилегающих к озеру болотах, [варвары] мирным путем привлекли их на свою сторону».

³ Там же, I, 34, 3.

⁴ Там же, I, 35, 1.

⁵ Там же.

пуюся от сильных дождей реку Риндак и повернуло назад. «Скифы» сожгли два самых значительных города Вифинии — Никомедию и Никею и, погрузив добычу на повозки и корабли, начали отступление на родину¹.

Валериан, занятый войной с персами, так и не смог активно вмешаться в течение описанных событий. Правда, для укрепления Византия, также оказавшегося под угрозой, им был послан некто Феликс; но Зосим определенно указывает, что Валериан «не решился поручить никому из своих полководцев дело отражения варваров»². Подобное поведение Валериана объясняется, повидимому, не только боязнью узурпации со стороны удачливого полководца, — «недоверием к полководцам», как выражается Зосим, но также и напряженным положением на персидском фронте, который он не хотел ослаблять. Однако события в Вифинии приняли столь серьезный оборот, что Валериан наконец решил сам выступить с войском на север³ с тем, чтобы дать отпор войску противника, без помех продвигавшемуся вглубь провинции. Но он дошел лишь до границы Каппадокии, а затем повернул назад. Единственным результатом похода было страшное разорение городов, оказавшихся на пути движения римской армии.

2. Рост революционного движения в империи и ее распад.

Борьба между «скифами» и империей

260—264 гг. н. э.

Поход 258 г., не встретивший фактически никакого отпора со стороны римлян, более того — переход значительных групп населения на сторону врага ярко свидетельствовали о том, что кризис империи вступил в свою высшую фазу. И, действительно, последующее десятилетие характеризуется невиданным доселе обострением классовой борьбы, распадом империи на части и новыми мощными и почти непрерывными нападениями германцев и «скифов»⁴.

Бесперывные войны, рост налогового гнета, экономическая разруха сделали положение народных масс совершенно невыносимым. Колоны, рабы, вольноотпущенники, не видя иного выхода, вступают на путь решительной борьбы против самих основ существующего строя. Повсюду всыхивают

¹ Z o s i m, I, 35, 2.

² Там же, I, 36, 1.

³ Там же.

⁴ Vita Gallieni, IV—VI, XIII. Данные источников о времени правления Галлиена чрезвычайно скудны, часто противоречат друг другу и поэтому характеристика положения империи в этот период представляет большие трудности.

восстания рабов и колонов. На этом этапе в руках повстанцев нередко оказывались крупные города и значительные территории; особенную силу народным движениям придавал их тесный контакт со вторжениями внешних врагов империи.

В Сицилии — старинном очаге рабских восстаний — вспыхнула настоящая рабская война, о которой биограф Галлиена повествует следующее: «Наконец, при общем потрясении всех частей империи (как будто в заговор вступал целый мир) в Сицилии вспыхнуло нечто подобное рабской войне, банды разбойников распространялись по всему острову и были подавлены лишь с большим трудом»¹. Пристрастие Поллиона и его ненависть к повстанцам не могут скрыть того факта, что, по видимому, весь остров находился некоторое время в руках рабов, и борьба с ними потребовала значительных жертв и усилий. Настоящая гражданская война разразилась в Африке, где в 260 г. «против Рима объединились восставшие колонны, жившие на римской земле племена и племена, вторгшиеся из-за границы провинции»².

Не менее грозное положение сложилось и в Малой Азии. В провинции Понт-Вифиния народные низы совместно с вторгнувшимися «скифами» боролись против общего врага, дезорганизуя и расстраивая римскую оборону. В противоположном конце Малой Азии, в Киликии, героической борьбой против Рима отличилось племя исавров, во главе которых встал некто Требеллиан. Укрывшись в глубине гор, Требеллиан оказывал успешное сопротивление римским войскам; он даже объявил себя императором и чеканил собственные монеты. И хотя Требеллиан, которого удалось выманить на равнину, погиб в неудачной для исавров битве, их борьба не затихла, несмотря на то, что римляне принимали против исавров чрезвычайные меры³.

Важнейшей особенностью политической борьбы в империи в это время был бурный рост сепаратистских движений в провинциях. Бессилие центрального правительства, войны и междоусобия, способствовавшие дальнейшей изоляции провинций друг от друга, все более увеличивали силу центробежных стремлений. Сепаратистские движения охватили почти все провинции; максимальный их размах приходится на 260—262 гг., когда лишь незначительная часть империи сохранила верность центральному правительству. «Такова была роковая судьба римского государства при Галлиене, что каждый, кто только мог,

¹ Vita Gallieni, IV.

² Е. М. Штаерман. Африканские восстания III века. ВДИ, 1948, № 2, стр. 71.

³ Vita trig. tyrann., XXVI, 6—7.

стремился подняться на престол». Так характеризует сложившуюся обстановку Требеллий Поллион¹.

Значительные сепаратистские выступления произошли в Иллирии, где один за другим войсками были выдвинуты два императора. Восстание на Дунае было подавлено сравнительно быстро, но это восстание послужило толчком к отпадению Галлии. Здесь против Галлиена восстал его полководец Постум. Сын Галлиена Солоний и опекун последнего Сильван были осажжены в Кельне, выданы гарнизоном города и подвергнуты Постумом смертной казни. Все попытки Галлиена разгромить повстанцев успехом не увенчались. Постуму не только удалось сохранить за собой территорию Галлии, но даже расширить ее присоединением Испании и даже Британии².

Два года спустя после отделения Галлии империю постиг новый тяжчайший удар — отделение части восточных провинций, сигналом к чему послужило пленение Валериана и новый огромный набег персов (260 г.). Объединяющим центром явилась на Востоке Пальмира, расположенная на скрепении торговых дорог и чрезвычайно разбогатевшая от широкой транзитной торговли. Правитель Пальмиры — князь Оденат — создал значительное войско и при помощи его добился больших успехов в борьбе с Персией. Правда, в первый период своего возвышения Пальмира не пошла на полный разрыв с Римом, не захотел этого разрыва и Галлиен. У Пальмиры и Рима имелся в это время общий опасный враг — Персия, и вспышка междоусобной борьбы могла бы лишь усилить персидскую угрозу, а самое главное — Галлиен, поглощенный борьбой с Постумом, «скифами», германцами, не имел никакой возможности восстановить на Востоке власть Римской империи.

Галлиен отчаянно боролся с многочисленными претендентами на престол и успешно подавил восстания в Иллирии, Греции, Африке, Египте. Но хотя империя и уцелела, всё же полностью восстановить ее не удалось; более того — и на Западе, и на Востоке сформировались «провинциальные империи».

Во время развала империи натиск на нее со стороны германцев, «скифов», персов достиг необычайной силы. В 258—260 гг. крупных успехов добились германские племена. Франки, ворвавшись в Северную Галлию и страшно ее опустошив, проникли в своем дальнейшем движении в Испанию и разрушили там ряд городов, в том числе Тарракон. Источники сообщают, что часть франков даже добралась до африканских берегов³. Германское племя аламанов в свою очередь опустошило юго-восточ-

¹ Vita trig. Tyrann, X, 1.

² CIL, II, 4949, 4943; CIL, VII, 820, 822

³ Aurel. Vict., Caes., XXXIII; Eutrop., IX, 8.

ную Галлию, а затем проникло и в самую Италию, поставив под угрозу столицу империи. С большим трудом римлянам удалось отразить нападение аламанов, но тут пришла страшная весть о весенней катастрофе на Востоке.

Валериан, возглавивший римскую армию в Сирии, действовал очень нерешительно: римские тылы были дезорганизованы восстаниями, вторжениями «скифских» племен, а численность армии сильно сократилась в результате эпидемии чумы. Как утверждают Петр Патриций и Зосим, Валериан вступил в личные переговоры с персидским царем и был предательски схвачен (260 г.). Пленение римского императора имело тяжелые последствия для дальнейшего развития военных действий. Пользуясь растерянностью и деморализацией римлян, персы развернули мощное наступление. Антиохия была вновь захвачена ими, Сирия подверглась сильнейшему опустошению. Но на этот раз дело не ограничилось Сирией — персы прорвались в Малую Азию, овладели Тарсом и Цезарей. Десятки тысяч пленных, точно скот, угонялись в персидские владения¹.

Галлиен не имел ни малейшей возможности оказать восточным провинциям хоть какую-нибудь реальную помощь. Римский восток был фактически брошен на произвол судьбы.

Племена Северного Причерноморья принимают активнейшее участие в военных событиях тех лет. Все более широкий масштаб приобретают морские походы; на Дунае их борьба смыкается с наступлением германских племен; удары по Малой Азии сближают «скифский» и персидский фронты, подрывают оборону римлян в Сирии и Каппадокии.

Натиск припонтийских племен на имперские пределы, повидимому, начался сразу же, как только на север дошли известия о событиях на Востоке, и максимальный размах его падает, по всей вероятности, на 261 г. Эту дату позволяют уточнить некоторые данные SIIA. По сообщению Поллиона, в 262 г. в империи разразилась страшнейшая эпидемия чумы², которая, как определенно указывает Зосим, возникла прежде всего как следствие бедствий, вызванных «скифской войной», начавшейся, таким образом, уже в несколько более ранний период³.

К сожалению, Зосим не рассказывает более подробно о ходе военных действий на территории Иллирийских провинций в 260—262 гг. Из других источников — свидетельства SHA здесь особенно путаны. Однако вряд ли правильно стремление

¹ Z o n., XII, 23.

² Vita Gallieni, V, 6.

³ Z o s i m., I, 37.

Раппорта полностью отвергнуть те данные из биографий, которые имеют отношение к этой войне¹.

Борьба со «скифами» в этот период была для Рима необычайно трудной. Аламаны наводнили Северную Италию, во Фракию вторглась восточная армия Макрианов, в Греции одна за другой последовали узурпации Валента и Пизона. Подобная обстановка дала возможность припонтийским народам прорваться в самые глубинные районы придунайских провинций, овладеть рядом городов и произвести страшный их разгром².

Но жестокое поражение аламанов под Миланом, разгром восточной армии Макрианов и гибель их самих дали, очевидно, возможность Галлиену обратить внимание и на восстановление положения в дунайских провинциях. В какой-то степени эта задача была выполнена — в течение четырех или пяти лет ничего не слышно о походах в Мёзию или Фракию. Но относительное и кратковременное спокойствие в этих районах объяснялось не столько оборонительными мероприятиями Галлиена, сколько тем, что причерноморские племена возобновили свои нападения на провинции Малой Азии.

О новом морском походе племен Причерноморья известно главным образом из Иордана³; существенные подробности имеются и в *Vita Gallieni*⁴. Что же касается Зосима, Зонары и Сипкелла, то у них сведения об этом походе включены в общие обзоры «морских войн». Так, Сипкелл между описанием похода 258 г. и рассказом об опустошении Каппадокии и Галатии упоминает о разгроме ионийских городов. Все же сведения греческих авторов, совершенно недостаточные для воссоздания всей картины военных действий, очень важны для контроля данных, сообщаемых латинскими писателями. Наконец, известный интерес представляет и надпись из Милета, сделанная в честь Феста, тогдашнего прокуратора Малой Азии⁵.

Точная дата этого похода устанавливается без особого затруднения при помощи некоторых отрывков из *Vita Gallieni*. Из биографии явствует, что столкновения со «скифами» совпали по времени с карательной экспедицией Галлиена против мятежного гарнизона Византия⁶. Но то же жизнеописание указывает,

¹ B. R a p p a o r t. Die Einfälle der Goten in das römische Reich. Leipzig. 1899, стр. 62—63.

² Z o s i m., I, 37.

³ I o r d a n., XX, 107—108; XXI, 110.

⁴ Vita Gallieni, VI—VII.

⁵ Б. И. Г р а к о в. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. № 55, ВДИ, 1939, № 3, стр. 278—280.

⁶ Vita Gallieni, VII, 3.

что сразу же после подавления мятежа Галлиен поспешил в Рим, где и отметил торжественно десятилетие своего правления. В таком случае война непосредственно предшествовала этим торжествам, имевшим место осенью 263 г., и приходилась, таким образом, на весну и лето того же года.

Крайне сложен вопрос о том, какие же племена приняли участие в походе 263 г. — источники не дают для этого почти никаких данных (то же самое относится и к войне 260—262 гг. и походам 264 и 266 гг.). Латинские авторы говорят о «готах»¹, греческие и V. Gallieni — о «скифах» или «скифах, именуемых готами»². Совершенно очевидно, что если не приходится отрицать активную роль в этих походах собственно германцев-готов, то все же термин «готы» выступает здесь чаще всего в таком же собирательном смысле, как и термин «скифы». И это видно именно на примере похода 263 г. В триумфе Галлиена, посвященном не только деценналиям, но и завершению войны, выступают наряду с «готами» и «сарматы».

На еще более интересные выводы могут навести сведения, сообщаемые Иорданом. Иордан, конечно, утверждает, что и этот поход — дело рук одних готов, но имена некоторых готских вождей, приведенные им в начале описания³, носят явно славянский характер. Русская историческая наука в лице Забелина уже дано высказала предположение об активном участии славян в войнах не только III, но и II века н. э. (именно о Маркоманнской войне)⁴. Хотя в работе Забелина понятие славянства трактуется слишком расширенно, мысль, высказанная им, получает в настоящее время новые веские подтверждения. Как это установлено новейшими археологическими раскопками, во второй половине III в. н. э. на Дунае, Буге, Днестре появляется ряд памятников полней погребений, ясно свидетельствующих о продвижении на запад и юго-запад групп славянского населения⁵. Приведенное выше место из Иордана тоже является одним из свидетельств их участия в войнах III в.

Правда, на этом этапе славяне, очевидно, еще не выступали в качестве самостоятельной силы и под своим собственным именем, как то было в более позднее время. Основное ядро славянских племен было отдалено от границ империи, славяне вели напряженную борьбу с германскими племенами, все это затрудняло их участие в войнах III в. Но несомненно и славянские

¹ Iord., XX, 107—108; Eutrop., IX, 8.

² Zosim., I, 28; Vita Gallieni, VI—VII; S y n c e l l., стр. 716.

³ Iord., XX, 107: «Respa et Veducu Tharuaroguc duces».

⁴ И. Забелин, История русской жизни. М., 1876, I, стр. 304.

⁵ Ю. В. Кухаренко. Юго-Восточная граница расселения раннеславянских племен. Автореферат дисс., М., 1951, стр. 12 сл.

дружины входили в состав тех коалиционных сил, которые из года в год вторгались в пределы Римской империи¹ — общего врага как скифо-сарматских, так и славянских племен.

Таким образом, поход 263 г. был походом ряда причерноморских и даже более отдаленных племен — сармат, готов, славян и других. Поход, повидимому, исходил из областей Западного Причерноморья, поскольку обратный путь нападавших племен проходил вдоль фракийского побережья.

Свое повествование о походе Иордан начинает с момента, когда припонтийские племена уже прорвались в Пропонтиду, опустив таким образом описание первого этапа похода и только слегка коснувшись состояния дел в лагере римлян. Во вступлении Иордан указывает, что «готы» двинулись в поход на империю в то время, когда «всё находилось в полном разложении»². Конечно, о состоянии империи гораздо больше известно из США и других авторов, чем из беглых заметок Иордана, но и они все рисуют очень мрачную картину.

Правда, империя не погибла от страшных потрясений предшествующих лет, но территория ее сильно сократилась. Если на Востоке Оденат успешно теснил персов, возвращая занятые ими области и города, и был притом «лоялен» цезарю, то на Западе вновь возобновилась упорная борьба с Постумом. Постуму удалось укрепить рейнскую границу, в свою армию он усиленно включал контингенты из германских племен и, прежде всего, франков. Поэтому в новую борьбу с Галлиеном он вступил гораздо более сильным. Несмотря на то, что Галлиен с успехом выступил против Постума, решающей победы, однако, он не достиг и теперь³.

Во время своего пребывания в Галлии император получил известия о новом восстании — солдатском мятеже в Византии. Мятеж этот носил чрезвычайно бурный характер. Множество состоятельных горожан было истреблено, а сам город оказался в руках восставших⁴. Это восстание, происшедшее в крупнейшем городе империи, было тем более опасным, что Византий занимал ключевую позицию на путях из Черного в Эгейское море.

Восстание византийского гарнизона и облегчило, повидимому, «готам» их задачу. «Скифский» флот успешно прошел Боспор. Прилегающие к Боспору и Пропонтиде районы Вифинии вновь

¹ В. В. Кропоткин доказывает это положение на основании нумизматических материалов и, в частности, находки римских монет середины III века н. э. в районе Киева (Клады римских монет в Восточной Европе, ВДИ, 1951, № 4, стр. 251).

² Iordan., XX, 107.

³ Vita Gallieni, IV, 5—6.

⁴ Там же, VI, 8—9.

подверглись ожесточенному опустошению. Халкедон, уже сильно пострадавший во время похода 258 г., на этот раз был совершенно разрушен. Иордан замечает, что, хотя город этот и был впоследствии восстановлен, но тем не менее, еще и в его время он носил следы пережитого разгрома¹.

Но не Вифиния на этот раз была главным объектом нападения. Удар «скифов» обрушился теперь на западное побережье Малой Азии² и, прежде всего, на ее городские центры. Прорвавшись через Геллеспонт, «скифы» разгромили Илион и другие города и, двигаясь далее на юг, продолжали нападать на крупнейшие населенные пункты прибрежных районов³. Ими был захвачен и Эфес, причем в пламени пожара погиб знаменитый храм Дианы Эфесской. Флот припонтийских народов достиг и более отдаленных районов. Так, эпиграфические данные свидетельствуют о том, что крупные военные события разыгрались в районе Милета. Из посвячительной надписи Фесту узнаем, что и этот город подвергся нападению. Горожане, спасаясь от гибели, укрылись в храме Аполлона. Храм подвергся осаде. Скудной массе горожан грозила гибель от жажды, однако источник воды, предусмотрительно восстановленный правителем Азии Фестом, снабжал их водой и тем помог выдержать осаду⁴.

Положение дел на Юге вынудило Галлиена, успешно борющегося с Постумом, прекратить эту войну и направить свое войско к проливам. Здесь пришлось вести борьбу на два фронта — против восставшего Византия, с одной стороны, и «скифов» — с другой. К счастью для Галлиена ему удалось довольно быстро справиться с восставшим гарнизоном Византия, причем, вопреки заключенному соглашению, мятежные солдаты, сдавшиеся на милость императора, были истреблены верными ему войсками⁵.

О ходе же войны против «скифов» сведения источников расходятся очень резко. Согласно Иордану, они, нагруженные добычей, счастливо совершили обратный путь через проливы, причем именно на этом обратном пути ими и были опустошены города Геллеспонта⁶. Поллион, автор биографии Галлиена, утверждает, что «скифы» отступили на родину лишь «после пора-

¹ Iordan., XX, 107.

² Там же: «sumptis navibus Asiam transierunt, fretum Ellispontiacum transvecti».

³ Там же, XX, 108: «Vastantes itinere suo Troiam Iliumque».

⁴ Б. Н. Г р а к о в. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3, стр 278—280.

⁵ Vita Gallieni, VI—VII.

⁶ Iordan., XX, 108.

жений, нанесенных им в Азии благодаря мужеству и искусству римских полководцев»¹. Действительно, вряд ли «скифам» удалось совершить обратный путь без помех со стороны римских войск. С Галлиеном в район проливов явились, несомненно, значительные силы; быстрое падение Византия создало необходимые условия для более энергичных действий против войск «скифов» и, весьма вероятно, что на обратном пути «скифы» подверглись нападению со стороны контролировавших проливы римлян и понесли при этом немалые потери. Тот факт, что Требеллий Поллион называет в своем рассказе припонтийские племена «скифами» (вместо обычного — «готы») свидетельствует о том, что он здесь следует непосредственно Дексиппу, и это заставляет также отнестись к его словам с должным вниманием.

Правда, говорить о крупных неудачах этих «скифов», пожалуй, также не приходится — их всё же не смогли разгромить при вторичном форсировании проливов; более того, двигаясь домой вдоль берегов Фракии, они сами напали на город Анхиал. Так что, подводя итоги этому походу, следует признать, что они были очень значительны. Припонтийские племена чрезвычайно расширили сферу своих морских предприятий; их флот, успешно пройдя Боспор, Пропонтиду и Геллеспонт, впервые вышел в Эгейское море. Успешное продвижение на юг дало нападавшим возможность опустошить новые цветущие районы империи. Особенно чувствительным было для римлян опустошение Ионийского побережья — густонаселенного района с высокоразвитым ремеслом и многосторонним сельским хозяйством.

Не успел еще пройти страх, вызванный возобновлением морских походов, как на ту же Малую Азию обрушился новый, гораздо более тяжелый удар. Сведения о нем имеются в биографии Галлиена², ценное дополнение к данным биографии дает Синкелл³. Биограф Галлиена рассказывает, что в то время как Оденат одерживал над Персией одну победу за другой, вернул Нисибис, Карры и даже осадил Ктесифон, «скифы» вновь напали на империю.

Как для предшествующей войны Иордан, так и для войны 264 г. Поллион начинает изложение с того момента, когда нападающие уже находились на римской территории, именно в Каппадокии. «Пока все это происходило у персов, скифы прорвались в Каппадокию»⁴.

¹ Vita Gallieni, VII, 3.

² Там же, XI, 1—2.

³ Synsell., стр. 716.

⁴ Vita Gallieni, XI, 1.

Совершенно несомненно, что появлению «скифов» в Каппадокии предшествовала их высадка где-то на побережье Понта, возможно, в Трапезунте, и последующее движение на юг. Однако Поллион, для которого этот поход — лишь один из эпизодов, иллюстрирующих нерадение Галлиена и жалкое состояние империи, ничего не говорит об этом. Возможно, что в своем движении до пределов Каппадокии «скифы» не встретили никакого значительного сопротивления. Однако в Каппадокии завязались упорные бои, шедшие с переменным успехом; припонтским племенам удалось овладеть рядом римских городов, но биограф не сообщает, какие то были города. Повидимому, конечный исход боев был все же в пользу наступающей стороны, так как ее отряды прорвались в Галатию и дошли до Пессинунта, в своем дальнейшем движении достигнув и районов Вифинии.

Неудачи римлян имели своим следствием также и новое солдатское восстание. Войска, поднявшиеся против неудачливого Галлиена, «подумывали о выдвигении нового императора»¹. Солдатский мятеж наносил сильный удар делу обороны и открывал для «скифского» рейда новые, еще не затронутые районы Малой Азии. Эти обстоятельства заставили Галлиена энергично взяться за его подавление. После того как попытка успокоить солдат мирными средствами не дала никакого успеха, последовала жесточайшая военная расправа. Но к этому времени «скифы» уже находились в Вифинии и, повидимому, без особых помех смогли совершить возвращение на родину. По свидетельству Поллиона, все эти события происходили в консульство Галлиена и Сатурнина, что дает и точную дату похода — 264 г.

Полагают, что на этот раз поход исходил от племен Меотиды и Крыма. Очевидно, так оно и было в действительности. Однако аргументация, приводимая Раппапортом² в доказательство этого, кажется поверхностной. Раппапорт считает поход 264 г. делом боранов и других племен Меотиды лишь потому, что в Крыму впоследствии распространилось православие (господствовавшее в Малой Азии), тогда как вестготы были ариане. Он, таким образом, совершенно не учитывает соответствующего влияния всех остальных походов. Масса пленных жителей Малой Азии была ведь уведена в Меотиду и в 257 г. и в 274—275 гг.; вместе с тем, ту же Малую Азию усиленно громили и племена, обитавшие между Доном и Днестром, а у них почему-то распространялось не православие, а арианство.

¹ Vita Gallieni, XI, 2.

² В. Раппапорт. Die Einfälle der Goten in das römische Reich. Leipzig, 1899, стр. 65.

Поэтому правильнее будет исходить из самого маршрута похода 264 г.: Каппадокия — Галатия — Вифиция — таков был на этот раз путь скифо-сарматского войска. А если учесть, что различные нападавшие на территорию Рима племена как Причерноморья, так и Германии¹ обычно действовали в более или менее постоянных и наиболее удобных для них направлениях, то восточная часть Малой Азии лежала безусловно в сфере вторжений именно племен Меотиды, пробиравшихся сюда вдоль западнокавказского побережья и укрепившихся уже на подступах к Трапезунту. И после разгрома Трапезунта и Понта для них ближайшим объектом нападения должна была быть именно Каппадокия и прилегавшие к ней районы, тогда как племена Западного Причерноморья направляли свои удары на побережье соседней с Фракией провинции Азии². Наконец, трудно предположить, что после тяжелого похода 263 г. ополчения племен Западного Причерноморья смогли, почти без всякой передышки, пройти через весь малоазийский материк, успешно проводя при этом многочисленные бои и осады.

Поход 264 г. был одним из наиболее значительных в цепи морских походов 250—260 гг. Его основным объектом явились Каппадокия и Галатия, игравшие огромную роль в системе римской обороны как непосредственный тыл персидского фронта, и в силу этого удар по Каппадокии и Галатии сильно ослабил позиции Рима на Востоке. Вместе с тем, поход 264 г. показал дальнейший рост сил причерноморских племен, появление в их морских походах новых существенных черт. Во время предшествовавших походов припонтийские племена ограничивались в основном опустошением прибрежных районов, тогда как в войне 264 г. они смело углубились в самые центральные районы малоазийского полуострова; преодолевая большие природные трудности и сопротивление врага, они пересекли территорию трех римских провинций и успешно завершили свой поход.

3. Война 266 г.

Казалось, что после огромного напряжения войны 258—264 гг. натиск причерноморских племен несколько ослабнет; однако прошел всего лишь год, и у берегов Азии вновь появились корабли «скифов». Основными источниками по этому походу являются небольшой отрывок из Синкелла³ и беглая заметка в Vita Gallieni⁴.

¹ C. Jullian. Histoire de la Gaule. Paris, 1914, т. IV, стр. 544 сл.

² Jordan., XX, 107—108; Vita Gallieni, VI—VII.

³ Syncell., стр. 717.

⁴ Vita Gallieni, XII, 6.

Местом высадки и базой «скифов» на римской территории явилась Гераклея Понтийская¹, из чего можно заключить, что поход на этот раз был скорее всего делом племен Карпато-дунайского района. О масштабах этого морского похода источники не сообщают сколько-нибудь удовлетворительных данных. Исходя из *Vita Gallieni*, можно прийти к заключению, что целью похода была лишь одна Гераклея и после ее разгрома «скифы» вернулись на родину². Однако Синкелл определенно говорит о «бедствиях Азии»³, что, возможно, свидетельствует о глубоком проникновении «скифов» на территорию не только Вифинии, но и соседних провинций, в том числе и провинции Азии. Об опустошении Азии (наряду с рейдами в Вифинию, Лидию, Каппадокию) говорит Синкелл и в общем обзоре морских походов⁴. Тот факт, что Оденат, несмотря на занятость войной с персами, все же лично двинулся на выручку малоазийских провинций, также свидетельствует о широком размахе нападения.

Однако на этот раз сведения о ходе военных действий чрезвычайно скудны. Можно лишь предположить, что выступление Одената послужило определенным переломным пунктом похода, ибо оно заставило «скифские» войска начать отступление на родину.

По сообщению Синкелла⁵, Оденат (успевший к тому времени добиться больших успехов в борьбе с персами) со своими войсками направился через Каппадокию с целью нанести решающее поражение племенам Причерноморья. Этот поход Одената вызывался, повидимому, не только лояльностью Одената по отношению к Галлиену и его «сочувствием к бедствиям Азии». Уже поход 264 г. поставил под угрозу области, находившиеся под властью самого Одената, а дальнейшее продвижение припонтйских племен на Восток еще более усиливало эту угрозу. Поскольку Галлиен оказался не в силах предотвратить дальнейшие нападения на малоазийские провинции, в войну решил вмешаться и Оденат.

План Одената, как это можно заключить из Синкелла, состоял в том, чтобы «захватить»⁶ нападавших в Малой Азии, т. е. отрезать им путь на родину и истребить. Об этом свидетельствует и тот факт, что маршрут Одената направлялся непосредственно на Гераклею — место стоянки «скифского» флота.

¹ *Vita Gallieni*, XII, 6: «Scythae navibus factis Heracleam pervenerunt».

² Там же.

³ *Synesii*, стр. 716.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 717.

⁶ Там же.

Однако «скифы», уже, очевидно, выполнившие свою задачу и захватившие немалую добычу, не стали доводить дело до столкновения с победоносными войсками Септимия Одената. Из той же Гераклеи Понтийской они направились на родину, увозя с собой приобретенную в походе добычу. Обратный путь стоил им немалых потерь: многие «скифы» стали жертвами морской битвы с римлянами, в которой «скифский» флот понес поражение¹. Датировка этого похода вызывает в среде современных авторов некоторые разногласия. Часть их считает, что он был в 265 г., другие относят его к более позднему времени — к 266 г. И эта последняя дата кажется единственно правильной. По сообщению Синкелла, нападение произошло незадолго до смерти Одената. Но смерть Одената, как это установлено еще Салле, имела место в период между 29 августа 266 г. и 28 августа 267 г.²

Поскольку Синкелл самую гибель Одената ставил в связь с этим походом³, то, очевидно, что речь может идти или о 266 г., или о 267 г., а никак не о 265 г. Но 267 г. исключается, поскольку в этом году имел место огромный поход герулов в Грецию и Македонию, поход, о котором Синкелл повествует уже после рассказа о гибели Одената. Таким образом, наиболее достоверным является 266 г. и, по видимому, именно лето и осень этого года.

Десятилетие 256—266 гг. может заслуженно носить название периода морских походов. Правда, эти походы носили иногда комбинированный характер, когда часть войска шла сушей, часть — плыла на кораблях; сухопутная война на Дунае в этот период также не прекращалась, как видно на примерах войны 260—262 гг. и, особенно, оккупация Дакии. Но тем не менее, именно морские походы явились в это время ведущей формой борьбы⁴.

Их с самого начала характеризовали: длительность рейдов, палленность последних на жизненно важные центры империи, искусство и бесстрашие в исполнении. И, как правило, эти походы давали самый блестящий эффект. Развал римской обороны и деморализация римской армии, активная помощь народных масс, наконец, героизм «скифов» и рост их техники и военного мастерства — вот основные причины того, что морские походы в целом ряде случаев ознаменовались очень большим успехом.

Основным направлением морских походов явились в этот период малоазийские провинции. Их относительная безза-

¹ Vita Gallieni, XII, 6 (navali bello superati).

² Sallet. Die Fürsten von Palmyra. Berlin, 1866, стр. 10.

³ Synsell., стр. 717: «пошел в Гераклею Понтийскую, намереваясь захватить скифов, и был там убит».

⁴ См. К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V. Л., Госполитиздат, 1938, стр. 9.

щитность, огромное экономическое и стратегическое значение, богатства малоазийских городов, как магнит. притягивали флотилии и отряды припонтйских народов. Наступление последних развивалось в двух направлениях — племена Меотиды действовали против Понта и Каппадокии, племена Карпато-дунайского района наносили удары по районам Вифинии и провинции Азии. В результате к 267 г. северные и западные районы Малой Азии и большая часть центральных районов — Понт, Вифиния, Каппадокия, Галатия, Азия — подверглись самому сокрушительному разгрому и понесли большие трудно-восполнимые потери.

IV. БОРЬБА МЕЖДУ РИМЛЯНАМИ И ПЛЕМЕНАМИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В 267—270 гг.

1. Нашествие «скифов» на Грецию (267 г.)

Блестящие успехи, достигнутые «скифами» в морских походах на малоазийские провинции, вдохновили их на еще более грандиозное предприятие, целью которого было опустошение греческих областей.

Греция была пока еще не затронута волной скифо-сарматских вторжений, что объясняется, прежде всего, ее географическим положением, защищенностью ее горными хребтами с трудно проходимыми перевалами, просторами морей. К этому присоединялись и трудности чисто военного порядка: горные проходы и узлы дорог на суше, проливы в системе морских сообщений контролировались рядом сильных крепостей.

Но, перейдя к методу морской войны, «скифы» научились преодолевать морские пространства, создали крупный флот и уже в 263 г. сумели прорваться в Эгейское море. Походы 264 и 266 гг. дезорганизовали оборону Малой Азии и в том числе районов, лежащих на пути в Эгейское море; римский же флот лишь начал возрождаться. Все эти факторы, а прежде всего — участие главных сил римской армии в борьбе с Постумом, создавали благоприятные условия для дальнейшего развития военноморских предприятий.

«Греческий» поход племен Причерноморья нашел свое отражение у ряда античных авторов. Непосредственно от Дексиппа дошел довольно значительный фрагмент, представляющий собой речь, которую произнес Дексипп перед отрядом афинян, вступивших в борьбу с войском «скифов»¹. Фрагмент этот содержит важные сведения о положении в Афинах и других греческих городах во время вторжения, сообщает и некоторые

¹ Dexipp., fr. 21.

данные о ходе военных действий. Однако он переполнен риторическими прикрасами и немалой долей хвастовства, что заставляет относиться к нему со значительной осторожностью. Из более поздних авторов наиболее подробные данные сообщает биограф Галлиена¹ и Синкелл². Их рассказы в общем совпадают, так как и Поллион и Синкелл используют здесь Дексиппа.

Гораздо меньшее значение для описания этого похода имеют Зосим³ и Зонара⁴. Зосим здесь очень краток и допускает к тому же некоторые хронологические неточности; Зонара дает также очень беглое изложение событий и по небрежности относит осаду Афин ко времени Клавдия. Для датировки похода очень важны сведения нумизматики.

Нападение на Грецию произошло вскоре после гераклейской экспедиции скифов. Инициаторами этого похода являлись, повидимому, племена Меотиды, которые выступают у Синкелла под именем герулов⁵ (SIIA и Зосим говорят обобщающе о «скифах»). Синкелл дает некоторую возможность составить представление и о численности «скифского» войска. По его словам, герулы двинулись в поход на 500 судах⁶. Исходя из этой цифры, многие авторы считают, что их войско состояло из 15 тыс. человек (500 × 30, так как в каждую «камару» вмещалось 25—30 чел.). Однако 15 тыс. человек может служить лишь в качестве самой минимальной цифры, ибо в состав флота входили несомненно и более крупные суда, а не одни лишь камары. Ведь в их распоряжении были боспорские корабли, а кроме того, рейды в Трапезунт и другие порты малоазийского побережья сопровождались, как правило, захватом многочисленных торговых судов. Возросло и собственное искусство судостроения. Поэтому цифра «15 тыс.» должна быть удвоена, тем более, что в этом походе, кроме герулов, приняли участие и племена Западного Причерноморья — именно готы. Таким образом, численность припонтийского ополчения должна была быть еще более значительной.

Военные действия начались с того, что скифо-сарматский флот, проплыв вдоль северных берегов Понта, вступил в устье Дуная; прилегавшие к нему территории подверглись разгрому⁷. Трудно сказать, какие конкретные цели преследовали здесь «скифы», быть может, одной из этих целей было отвлечение внима-

¹ Vita Gallieni, XIII.

² Synsell., стр. 717.

³ Zosim., I, 39, 1.

⁴ Zon., XII, 24 сл.

⁵ Synsell., стр. 717.

⁶ Там же.

⁷ Vita Gallieni, XIII, 6: «Scythae per Euxinum navigantes Histrum ingressi, multa gravia in solo Romano fecerunt».

ния римлян и их сил от проливов на север. Однако римляне поняли грозившую им опасность. Узнав о событиях на Истре, Галлиен принимает меры к укреплению Византия и других городов, для чего в район проливов были направлены Клеодам и Афиней¹. Тут же был сосредоточен и возрождавшийся римский флот во главе с Венерианом. Смысл всех этих мероприятий сводился, повидимому, к тому, чтобы не дать противнику прорваться через проливы и закрыть ему наглухо путь в Эгейское море. Принятые меры не оказались излишними, так как герулы успеха на Дунае не имели. Но, оставив операции на Истре, они теперь вместе с придунайскими племенами (почему Поллион называет их уже готами) появились в районе Боспора, где и разыгрались ожесточенные бои². Флот герулов и готов понес поражение от Венериана, и они отступили к Гиерону, лежавшему в самом устье Боспора. Но, очевидно, и римляне понесли в боях тяжелые потери; более того — в морской битве пал начальник римского флота Венериан³.

И уже на следующий день после их отступления к Гиерону они вновь двинулись вперед и, пользуясь попутным ветром, успешно прошли Боспор, Пропонтиду и приблизились к Кизику⁴. Этот крупнейший город Вифинии попал в их руки. В своем дальнейшем движении «скифский» флот, видимо, уже не встречал особого сопротивления и вышел, наконец, в Эгейское море. На своем пути «скифы» подвергли опустошению прибрежные районы провинции Азия.

Однако не провинция Азия была их целью. Следуя поэтому вначале вдоль малоазийских берегов, они затем повернули на юго-запад. Синкелл сообщает об опустошении ими островов Лемноса и Скироса, которые и явились промежуточными этапами на пути в Грецию. Затем прионтийский флот появился у греческих берегов и пристал к побережью Аттики⁵. Крупнейшие греческие города — Афины, Коринф, Спарта — были захвачены и подвергнуты беспощадному разгрому, вся Аттика и Ахайя оказались в руках скифов⁶.

Дексипп сообщает, что большая часть греческих городов сдалась им без всякого сопротивления⁷. Города Греции в то

¹ Vita Gallieni, XIII, 6.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Syncell., стр. 717.

⁵ Там же.

⁶ Pomer A. Thompson. The excavation of the Athenian Agora, 1940—1946, Hesperia, XVI, № 3, стр. 202; Vita Gallieni, XIII, 8: «Achaiam omnem vastaverunt». При нападении «скифов» на Афины и другие греческие города погибли значительные культурные ценности.

⁷ Dexipr., fr. 21: «Большая часть городов была взята неприятелем хитростью, когда они находились без защитников».

время совершенно не имели регулярных войск для своей защиты более или менее значительные силы находились лишь в отдаленных районах Македонии и Фракии.

Однако часть богатых горожан, бежавших из Афин в окрестные горно-лесистые местности, решила повести борьбу. На сходке эти горожане выбрали своим вождем историка Дексиппа¹. В своей речи Дексипп всячески ободрял горожан, указав им на их преимущества в предстоящих военных действиях. Эти действия свелись, повидимому, к устройству засад и нападениям на отдельные группы противника². Дексиппу, возможно, удалось добиться в этой партизанской борьбе некоторых успехов. Отряд его возрос до двух тысяч человек.

Но, очевидно, еще большее число жителей Афин, судя по той же речи Дексиппа, было заодно с пришельцами. Ободряя афинян, Дексипп, между прочим, сказал: «В надежде получить свободу нападут на неприятеля и те, которые действуют вместе с ним и по необходимости и по принуждению, как только они увидят наше нападение»³. Следовательно, часть афинян примкнула к «скифам», стала их союзниками.

Конечно, не исключено, что среди них были и люди, сделавшие это из страха за свою жизнь. Но и здесь, в Афинах, происходило то же, что и в других римских провинциях, подвергавшихся нападению, — именно переход на сторону врагов беднейших слоев населения. Об этих фактах известно из рассказов, восходящих в конечном счете к тому же Дексиппу⁴; но в данном случае речь идет об Афинах, и тут Дексипп менее всего мог быть беспристрастным. Восхваляя патриотизм афинян, подчеркивая сохранение ими прежней воинской доблести, он не мог и не хотел видеть факта резкого расслоения среди афинского гражданства.

Надежды Дексиппа на то, что пример афинян вдохновит все греческое население на борьбу с врагом⁵, не оправдались; пришельцы оставались хозяевами Греции. Но такое положение длилось недолго. Римский флот, во главе которого теперь стояли Клеодам и Афиней (Κλεόδαμος Ἀθηναῖος Зопары)⁶, появился у берегов Греции. На близость римского флота ясно указывает Дексипп в своей речи к воинам-афинянам⁷. Флот причерноморских племен подвергся, очевидно, нападению со стороны римского флота и был по большей части уничтожен им⁸.

¹ Dexipp., fr. 21.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Zosim., I, 34, 2.

⁵ Dexipp., fr. 21.

⁶ Zon., XII, 26.

⁷ Dexipp., fr. 21.

⁸ Zon., XII, 26.

Для «скифов» это явилось тяжким ударом. Между тем бои завязались на территории Аттики и Ахайи.

Поллион и Синкелл в качестве главного действующего лица последующих событий выставляют Дексиппа; Синкелл говорит о том, что афиняне Дексиппа перебили многих «варваров», Поллион утверждает, что последние «были побеждены афинским предводителем Дексиппом». Несомненно, что здесь имеется чрезвычайное преувеличение, ибо Дексипп со своим малочисленным отрядом, конечно, никак не мог сыграть решающей роли. Можно предположить, что после своей победы римский флот произвел высадку сухопутных войск, которые, соединившись с отрядом Дексиппа, нанесли неприятелю значительные поражения¹.

Определение более точного времени этих важнейших событий и, вместе с тем, времени войны в целом представляет немалые трудности. Единственной отправной точкой для этого может служить одна из сохранившихся александрийских монет. Эта александрийская монета, относящаяся к 267 г., свидетельствует о каких-то морских победах римлян². Но поскольку морской поход в Грецию был единственным морским походом во времена Галлиена, при котором дело дошло до крупных боев на море, то речь идет несомненно именно об этом походе и 267 год является его неоспоримой датой. Так как александрийский год начинается 29 августа, нетрудно прийти к заключению, что данная победа была во второй половине 267 г. Правда, Ранпапорт склонен считать, что монета эта выбита в честь первой морской победы римлян, т. е. победы, одержанной в проливах³. Взгляд Ранпапорта кажется малоубедительным. Победа в проливах была лишь частичным успехом римлян, даже не сумевшим помешать дальнейшему движению «скифского» флота; последующий разгром Азии, Греции и греческих островов также вряд ли мог способствовать радостным настроениям и появлению победных эмблем на монетах. Но тем более вероятно, что решительный успех после таких крупных неудач и повлек за собой то, что были быстро выбиты монеты с эмблемой морской победы.

Поражение «скифов» на море, а затем и на территории Греции вынудило их начать отступление в северном направлении⁴. Возможность вернуться на родину морем была окончательно утрачена ими. Оставался лишь сухопутный путь: на север и далее на северо-восток. Следуя по этому пути, они прошли

¹ Z o n ., там же; Vita Gallieni, XIII, 8.

² M i o n n e t. Description de médailles antiques, grecques et romaines, VI, стр. 457, N 3328.

³ B. R a p p a r t. Die Einfälle der Goten in das römische Reich. Leipzig. 1899, стр. 68.

⁴ Vita Gallieni, XIII, 8.

Беотию, Эпир и через Македонию направились во Фракию¹. Источники умалчивают о военных событиях этого периода, однако движение «скифов» через Эпир позволяет сделать предположение, что римляне сумели пресечь им кратчайший путь отступления. План римлян состоял в том, чтобы отрезать «скифам» все пути отхода на родину, окружить их и уничтожить.

На театр военных действий направился сам Галлиен², поручив Авреолу оборону Италии против Постума. «Скифы» отступали, производя одновременное опустошение пересекаемых ими балканских областей, что и повело несомненно к известному распылению их сил. Этим и воспользовался Галлиен. Он напал на врагов и нанес им серьезное поражение, стоившее последним 3000 человек одними убитыми³.

По сообщению Синкелла, эта битва произошла *πρὸς τὸν Νέστον*⁴. Что же это за *Νέστος* и где он был расположен? Не без основания считают, что речь здесь может идти только о Несте (Nestes) — реке, лежащей на границе Македонии и Фракии. По свидетельству Поллиона, путь отступавших пролегал через Македонию⁵; с другой стороны, Зосим указывает, что Галлиен сразился с ними уже на территории Фракии. Положение Неста — пограничной реки — позволяет согласовать данные Поллиона со сведениями Зосима, и эта река является поэтому наиболее вероятным местом битвы.

Положение «скифов» становилось все более тяжелым; один из герульских вождей перешел на сторону Галлиена и, впервые в римской истории, «варвар» получил от императора консульские инсигнии⁶. При известии о поражении отряды «скифов» быстро собрались и, прикрываясь обозом, продолжали отступление. Точный маршрут их движения неизвестен, и лишь Поллион говорит о том, что «скифы... пытались бежать через гору Гессаю»⁷. Название это несколько загадочно, так как оно не встречается ни у других историков, ни у античных географов. Но судя по тому, что отступавшие уже достигли пределов Фракии, то были, скорее всего, Родопские горы.

Отступление происходило, видимо, в обстановке жестоких боев, так как, по словам Зосима, Галлиен вел войну со «скифами»

¹ Vita Gallieni, XIII, 8: «Per Epirum Macedoniam, Boeotiam pervagati sunt».

² Zosim., I, 39, 1: «Когда скифы опустошили Элладу, взяли приступом самые Афины и уже заняли Фракию, Галлиен выступил на борьбу с ними».

³ Synsell., стр. 717.

⁴ Там же.

⁵ Vita Gallieni, XIII, 8.

⁶ Synsell., стр. 717.

⁷ Vita Gallieni, XIII, 9.

с напряжением всех сил. И тут Галлиен, поглощенный борьбой, получил известие о мятеже Авреола¹. Это событие произошло в первые месяцы 268 г., поскольку в самом начале 268 г. в Милане еще чеканились монеты Галлиена², а 24 марта того же года римский сенат уже признал императором полководца Клавдия³. Восстание Авреола было чрезвычайно опасным, так как оно отрывало от империи Италию; положение усугублялось тем, что Авреол, повидимому, вступил в соглашение с Постумом. Поэтому Галлиен вынужден был оставить продолжение войны со «скифами» Марциану и Клавдию, а сам устремился на север для борьбы с Авреолом⁴. В происшедшем сражении Авреол был разбит и ранен; его войска укрылись в Милане, где и были осаждены армией Галлиена.

Но уход на север значительной части войск и лучших полководцев должен был сильно облегчить положение «скифов», упорно пробивавшихся на родину. К сожалению, лакуна в изложении Поллиона не дает возможности проследить заключительный этап этой войны. Бои шли с переменным успехом, и хотя «скифы», кажется, понесли тяжелый урон, часть их всё же прорвалась через Дунай на родину⁵. Поскольку Марциан продолжал борьбу с причерноморскими племенами уже в тот период, когда сам Галлиен вел войну на севере против Авреола, то заключительный этап этой римско-«скифской» войны приходится на начальные месяцы следующего, 268 года.

Поход 267—268 гг. имел огромное значение в ходе римско-«скифских» войн III в. По числу участников и длительности маршрута он резко отличался от всех предшествующих походов: вместо сравнительно немногочисленных отрядов, проводивших первые морские походы, на римские земли пало многотысячное войско, шедшее на 500 кораблях⁶. Необычайна была глубина его проникновения — общая длина проделанного «скифами» пути достигает 4000 километров! Этот глубинный характер похода, многочисленность напавших и сила их натиска дали им возможность разгромить области империи, доселе вовсе не затронутые вторжениями (Греция)⁷ или менее затронутые (Эпир, Македония)⁸. Греческие области, и без того переживавшие глубокий экономический упадок, получили такой удар, который окончательно подорвал их благосостояние.

¹ Z o s i m, I, 40.

² Zeitschrift für Numismatik, Berl., 1927, XXXVII, стр. 202.

³ Vita Claudii, IV.

⁴ Z o s i m, I, 40.

⁵ Vita Gallieni, XIII, 8—10.

⁶ S y n c e l l, стр. 717.

⁷ Там же.

⁸ Vita Gallieni, XIII, 8—10.

Но если в этой войне «скифы» еще раз продемонстрировали рост своих боевых сил, еще более усилили нажим на империю, то империя с несомненностью показала, что и ее резервы еще далеко не исчерпаны. На арену военных действий вновь выступил римский флот, который и нанес тяжелые удары флоту противника¹; крупные успехи одержали римляне и в боях на суше. Правда, им не удалось окончательно истребить «скифов», но уже тот факт, что последним пришлось совершать отступление в обстановке тяжелой борьбы², говорил о многом.

2. Военные реформы императора Галлиена и состояние империи в конце 60-х годов III в. н. э.

Галлиен, мечтавший об истреблении «скифов», не дожидаясь поворотного момента в истории римско-«скифских» войн. Среди римских полководцев, находившихся под Миланом, возник заговор, в котором приняли участие Аврелиан, Гераклиан и, повидимому, Клавдий. Во время ложной тревоги, устроенной заговорщиками, Галлиен, без боевых доспехов и не дожидаясь охраны, устремился восстанавливать положение. Этот момент и был использован врагами императора для выполнения своего плана³. Галлиен был смертельно ранен. На трон цезарей вступил М. Аврелий Клавдий (268—270 гг.).

Время правления Галлиена было временем величайших потрясений самих основ существования Римской империи. Деятельность Галлиена как правителя вызывает различную оценку со стороны современных авторов. Однако несомненно, что вся его политика была направлена на защиту государства от внешней опасности и восстановление его единства. При Галлиене происходят дальнейшие сдвиги в сторону превращения императорской власти в неограниченную, абсолютную власть монарха: отчаянное положение империи требовало все большего усиления рабовладельческой диктатуры. В центре всех реформ Галлиена стояли военные преобразования, ибо выхода из кризиса можно было добиться лишь путем насильственного подавления восстаний и разгрома антиримских коалиций. В обстановке ожесточенной борьбы внутри страны, огромных вторжений извне — старая кордожная система защиты римских границ утрачивала свой смысл. Появилась насущная необходимость создания крупных резервных сил даже в глубинных районах империи: любой крупный город мог стать базой военных действий. И всё большее количество воинских подразделений сосредоточивается в наиболее стратегически важных

¹ Vita Gallieni, XIII, 6—7.

² Там же, 9—10.

³ Z o n., XII, 25, стр. 148—149.

пунктах империи — Аквилсе, Сирмии, Вероше¹. Создание новой армии началось уже при Филиппе Арабе; Валериан и Галлиен успешно продолжали эту деятельность по преобразованию армии.

Значительным нововведением Галлиена явилось создание крупных конных соединений, ибо это был единственный путь к увеличению маневренности римской армии, не раз терпевшей поражения в борьбе с подвижными, неуловимыми отрядами «варваров». Новые конные формирования составили важнейшую часть римских вооруженных сил и сыграли большую роль в крупнейших битвах того времени².

Очень важными были изменения, происходившие в личном составе римской армии: истощение резервов империи заставило изыскивать новые контингенты, из которых армия черпала свои пополнения. Все большее значение приобретают формирования, комплектуемые из жителей отдаленных пограничных районов — Мавритании, Озроены и пр., а также наемные отряды «варваров», например германцев (хотя, разумеется, ведущую роль в III в. продолжают играть подразделения из уроженцев Иллирии). Изменение состава римской армии, естественно, влекло за собой изменения в ее вооружении и отчасти в организации — существенные значения приобретают уже на этом этапе так называемые «*puneri*» и иррегулярные войска «*федератов*».

Параллельно с изменением структуры римской армии происходила огромная работа и по преобразованию оборонительной системы, которая также приводилась в соответствие с новыми неизмеримо возросшими требованиями. Повсеместный прорыв старых лимесов заставил римское правительство с лихорадочной поспешностью возводить новые линии пограничных укреплений, но теперь то были уже целые «укрепленные районы»; да и каждый значительный город Мёзии, Паннонии, Реции обнесся крепкими стенами, включается в обширную оборонительную систему. Эта деятельность началась уже в 30-е годы III в. н. э., но теперь она разворачивается особенно широко; интересно отметить, что укрепляются даже города, расположенные в центральных районах империи, например, Милан³. Разумеется, эти процессы нельзя представлять в виде какого-то восстановления прежней боевой мощи римской империи; боевая выучка и дисциплина армии, ее вооружение оставляли желать много лучшего. Но тем не менее военная реформа Галлиена способствовала укреплению римских вооруженных

¹ СИЛ, III, 3228.

² При Галлиене началось и возрождение римского флота, но данные об этой стороне его деятельности чрезвычайно скудны.

³ СИЛ, V, 5829.

сил, и в этом отношении он может рассматриваться как предшественник императоров иллирийской династии, завершивших начатое им дело.

При первом представителе этой династии — Клавдии II — и произошло решающее столкновение между римлянами и племенами Германии и Северного Причерноморья. Положение империи к 268 г. н. э. уже не было столь критическим, как во времена правления Галлиена, хотя оставалось все же очень напряженным. Клавдий пришел к власти в момент, когда империя еще оставалась разделенной на три части. Однако состояние этих частей некогда единого государства и их взаимоотношения не остались неизменными.

После смерти Одената власть в Пальмире перешла в руки его жены — умной и честолюбивой Зиновии и ее сына Вабаллата. Новые правители развернули политику, направленную на расширение территории Пальмирского государства. В Египте росло антиримское движение; воспользовавшись этим, Пальмира направила туда войско, и Египет отложился от Рима, став составной частью государства Пальмиры¹. Примерно в то же время пальмирские войска вторглись и на территорию малоазийских провинций, которые частично также были оторпнуты от Рима.

Несколько иначе для Рима сложились дела на Западе. Здесь ко времени Клавдия большая часть Испании вновь вернулась в лоно империи; внутреннее состояние независимой Галлии характеризовалось в эти годы дальнейшим ростом социальных противоречий и обострением борьбы за власть между отдельными галльскими полководцами. Конечно, эти междоусобия галльских императоров сами в какой-то степени являлись отражением более глубоких конфликтов в недрах галльского общества. Так, один из претендентов, Марий, по происхождению простой кузнец, с гордостью противопоставлял свое демократическое происхождение и «низкую» профессию аристократизму и изнеженности Галлиена. Возможно, что в лице Мария выступал представитель низов галльского населения, которое всё решительнее боролось со своими классовыми врагами².

Правление Мария длилось якобы всего три дня, но его гибель не могла значительно изменить сложившуюся в Галлии обстановку. Отряды рабов, колонов, беглых солдат все более активизировали свои действия, сами нападали на многочисленные отряды противника, осаждали крупные, хорошо укрепленные города. Повстанцы, например, осадили один из самых значительных галльских городов — Августодун, куда сбежались в панике представители галло-римской знати. Семь месяцев

¹ Z o s i m., I, 44.

² С. И. К о в а л е в. История Рима, II., 1948, стр. 679 сл.

повстанцы, которых поддерживали и германские отряды, осаждали город, и он был вынужден капитулировать. Зажиточное население Августодуна было частично истреблено, частично бежало, бросая имущество; храмы, дворцы, частные дома подверглись разрушению.

Рост движения народных масс создавал серьезную опасность для всего строя рабовладения. Он, однако, вместе с тем содействовал усилению центростремительных тенденций среди господствующего класса империи и, прежде всего, среди галльской аристократии. Верхушка галльского общества, напуганная движением багаудов, все яростнее склонялась к восстанию единства империи¹. К воссозданию сильной и единой империи стремилась, повидимому, и мощная прослойка представителей крупного и среднего военно-служилого землевладения, усилившаяся в ходе войны и потрясений III в. н. э.²

В этой весьма сложной обстановке Клавдий показал себя как ловкий и дальновидный политик. Он воздержался от активного вмешательства в галльские дела и не втянулся в большую войну с государством Пальмиры, ясно видя, что главная опасность существованию империи грозит в данный момент со стороны коалиций германских и скифо-сарматских племен. Оправдывая свое намерение посвятить все силы на борьбу с «варварами», Клавдий заявил: «Война с тираном (т. е. с Тетриком. — А. Р.) важна лишь для меня, война же против варваров есть дело всего государства»³. И в этих словах была большая доля истины.

Не только «скифы» наносили империи жестокие удары. Правление Галлиена ознаменовалось также усилением напора германских племен, в особенности аламанов. Угроза со стороны аламанов была тем более значительной, что они направили свои удары на районы, прилегающие к Италии, и на Северную Италию. Парализовав силу ударов, аламаны в конце 50-х годов III века крупными силами прорвались в окрестности столицы империи; сенату пришлось мобилизовать все наличные силы, чтобы снять угрозу, нависшую над Римом. Галлиен, поспешивший на выручку с легионами из Паннонии и Норика, нанес аламанам жестокий удар. Несмотря на свою многочисленность и воинственность, аламаны в битве под Миланом были разбиты и, понеся большие потери, отступили на север (259 г.).

Распад империи и дальнейшее развертывание «скифских» войн вновь активизировали племена за Рейном и Верхним Дунаем. Галлия, Реция, Норик, Паннония вновь оказались объек-

¹ Aurel. Vict. De Caes., XXXV, 4.

² В частности за счет разорения мелких землевладельцев и частичных конфискаций имущества знати.

³ Z o n., XII, 26, стр. 150.

тами ожесточенных нападений германских племен¹. Особенно опасное положение сложилось на лимесе, оборонявшем верхние течения двух крупнейших рек — Дуная и Рейна, ибо в результате вражды Галлиена и Постума этот важнейший участок римской обороны остался почти без всякой защиты. Так как германцы совершали сюда особенно мощные вторжения, то чувствуя невозможность удержать в своих руках рецийский лимес, римляне пытались организовать оборону на важнейших путях, ведущих к Италии, спешно возводя здесь новые укрепления.

Эта деятельность имела бы, возможно, некоторые результаты, но новая вспышка междоусобной борьбы вновь способствовала ухудшению положения. Ближайший помощник Галлиена — Авреол, командовавший войсками, прикрывавшими путь в Италию с севера, восстав против императора, повидимому, призвал к себе на помощь большую часть войска, расположенного в Реции. Используя это, аламаны вторглись в империю и стали успешно продвигаться на юго-запад, следуя, вероятнее всего, по большой военной дороге. Им удалось пересечь Бреннер и проникнуть до Гардского озера: вновь, как и десять лет назад, серьезная опасность угрожала самому центру римской державы.

Преемник Галлиена энергично взялся за выполнение намеченного им плана отражения «варваров». Он быстро собрал все наличные силы и устремился навстречу аламанам. В ожесточенном бою у Гардского озера римская армия нанесла аламанам сокрушительный удар²: многие из германцев погибли, остальные отступили на север. Угроза, нависшая над Италией, была снята; резервы римлян теперь могли быть использованы для борьбы с задунайскими племенами.

3. Новое грандиозное нашествие припонтийских племен (269 г.)

Победа Клавдия II при Науссе

Победа над аламанами представляла собой очень большой успех империи, но главная опасность была еще впереди. Новое нашествие племен Причерноморья поставило под угрозу самое существование империи. Эта война, как и следовало ожидать, явилась одной из наиболее освещенных в исторической традиции как III—IV вв., так и последующего времени. Важнейшими источниками являются здесь Зосим³ и *Vita Claudii*⁴. Оба они

¹ XII panegyrici latini, rec. Baehrens, 1911, V incerti pan., 10.

² CIL, III, 3521.

³ Z o s i m., I, 42, 43, 45, 46.

⁴ Vita Claudii, VI—IX сл.

дают подробное, богатое фактами изложение, следуя своему первоисточнику — Герению Дексипу. Гораздо более кратко Зонара¹ и Синкелл; суммарные сведения о войне сообщает и Аммиан Марцеллин (правда, ошибочно включая в события войны... гибель Дециев). Латинскую историческую традицию о борьбе Клавдия с «готами» передают Евтропий и Аврелий Виктор. Но она, однако, очень скудна и мало способствует воссозданию событий тех лет. Для точной хронологии войны большое значение имеют краткие заметки латинских хроник — империо Евсевия, Иеронима и Идация, а также материалы нумизматики. Обищий недостаток многих источников — это их склонность к преувеличениям масштаба событий, увлечение личностью Клавдия, часто во вред прагматическому изложению (особенно этими пороками страдает *Vita Claudii*, причём автор её не останавливается перед фабрикацией писем и речей Клавдия).

По отношению к походу «скифов» при Клавдии буржуазная историография делится на два лагеря. Одни из ученых (Шмидт², Дамеро) считают, что в данном случае был обычный «грабительский поход» причерноморских племен, другие, наоборот, подчеркивают его своеобразие и отличие от предшествующих походов. Утверждения Шмидта и Дамеро совершенно извращают картину похода 269—270 гг. Если порочен сам подход к войнам III в. с точки зрения одних лишь «грабежей», то тем более неверно будет назвать «грабительским» наступление, в котором приняли участие сотни тысяч людей.

Однако при ближайшем рассмотрении многочисленными пороками страдает и более верная гипотеза Рапппорта — Витерсгейма. Переселенческий характер похода они признают лишь за движением части готских племен, зачисляя все остальные племена в «жадные до грабежа толпы варваров», которых якобы влекла лишь одна страсть к приобретению богатств. Рапппорт и Витерсгейм отрывают поход 269—270 гг. от предшествующих войн, вследствие которых он только и стал возможным; не соответствует фактам их утверждение, что победа Клавдия знаменовала собой наступление «затишья», прекращению крупных войн вплоть до вторжения гуннов³.

Поход «скифов» при Клавдии явился новым, наивысшим этапом в их натиске на Римскую империю. К 269 г. с Римом активно боролись многочисленные племена Причерноморья, и пламя войны охватило огромные территории между Дунаем на

¹ Z o n ., XII, 26.

² L. S c h m i d t. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. Berlin, 1910, стр. 71 сл.; P. D a m e r o u. Kaiser Claudius II Gothicus. Klio, Bb. XXXIII, 1934, стр. 68.

³ B. R a p p a r t. Die Einfälle der Goten in das römische Reich Leipzig, 1899, стр. 93.

западе и Доном на востоке. В ходе предшествующих войн выросла военная техника и боевое искусство скифо-сарматских племен. Если во время первых морских походов они испытывали большой недостаток в морских судах, а осадная техника их оставляла желать много лучшего, то уже в походе 267 г. скифы идут на 500 судах, а за несколько лет перед этим с боями овладевают рядом городов, расположенных в глубинных районах Малой Азии. Для похода 269 г. они оказались в состоянии спаридить флот в несколько тысяч судов, а действия их осадных машин против Фессалоник и Кассандрии, несмотря на короткий срок осады, едва не привели к падению этих городов-крепостей. Удары «скифов» по империи наносились со все большей силой, их походы все удлинялись, пока не охватили не только малоазийские, но и греческие области, не говоря уже о придунайских провинциях, явившихся первым объектом нападений.

Предшествующее тридцатилетие, почти целиком заполненное напряженной борьбой, способствовало резкому ослаблению империи и в немалой степени ее распаду. Усиление «скифов» и ослабление империи¹ создавали, казалось, предпосылки к нанесению решающего удара. Успехи предшествующих лет, из коих наиболее значительными были битвы при Абрятте, захват Дакии, морские походы 250—260 гг., позволяли надеяться на достижение более значительных целей. Аврелий Виктор говорит о Клавдии, что тот стремился к тому, чтобы прогнать чрезмерно усилившихся «готов»², Зосим также определенно отмечает рост их самоуверенности и воодушевления в связи с удачным исходом нападений на империю и видит в этом одну из причин новой войны³.

В чем же состояла задача этой войны? Источники не дают на это прямого ответа, однако приведенное уже место из Аврелия Виктора, замечание Зосима и слова Поллиона о том, что все скифские племена поднялись «ad Romanas praedas»⁴, позволяют сделать предположение о постановке ими перед собой более крупных целей. В поход выступили стотысячные массы «скифов», вместе с воинами шли их семьи, перегонялся скот — эти картины, рисуемые нам теми же Поллионом и Зосимом, свидетельствуют о том, что племена Причерноморья намеревались прочно осесть на римской территории, стремились к расчленению империи⁵.

¹ См. К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V. Л., Госполитиздат, 1938, стр. 8 сл.

² Aurel. Vict., Caes. XXXIV, 3: «quos diuturnitas nimis validos ac prope incolas effecerat».

³ Zosim., I, 42, 1.

⁴ Vita Claudii, VI, 1.

⁵ О характере вторжений этого периода см. Ф. Энгельс. К истории древних германцев. М., Партиздат, 1938, стр. 15.

Подобная задача, естественно, была под силу не одному какому-то племени, но объединению целого ряда племен Северного Причерноморья. И *Vita Claudii* перечисляет эти племена¹; Зосим в свою очередь называет в качестве участников похода герулов, певков и готов, Сянкелл — одних герулов. Таким образом, в качестве основных участников похода выступают племена герулов, готов и певкинов. Значительные разногласия среди ученых возникают в вопросе о том, какие именно германские племена приняли участие в походе. Так, если Рапппорт целиком принимает каталог Поллиона², то Дамеро считает фантазией Поллиона названия некоторых перечисленных германских племен³. Несомненно, что к данным Поллиона, черпавшего из Дексиппа, можно отнестись с большим доверием, чем то делает Дамеро; во всяком случае, вряд ли можно сомневаться в том, что в походе приняла участие целая группа германских племен (об участии готов свидетельствует, в частности, монета с легендой *victoria Gotica*).

Большие споры возникают относительно таинственных «*celtae*». Дамеро считает их вообще выдумкой биографа, Витерсгейм видит в них тробаллов, дарданов и скордисков, Рапппорт и Шмидт считают их бастарнами. Мнение Витерсгейма кажется наиболее близким к истине (в новейшей советской историографии этого взгляда придерживается и проф. Дмитриев⁴). Некоторое недоумение вызывает то, что ни Поллион, ни Зосим не называют карпов в качестве участников войны 269—270 гг.

Очень сомнительно, чтобы карпы — активнейшие враги Рима — отказались от участия в этой решающей борьбе, и, по видимому, их отсутствие в перечислении племен объясняется скорее всего беглостью изложения авторов. Вполне возможно, что помимо карпов Зосим и Поллион, сокращая детальное изложение Дексиппа, исключили и некоторые другие племена, также папавшие тогда на Римскую империю.

Значительный интерес представляет вопрос — какое же все-таки племя было ведущей силой этого похода? Рапппорт, Дамеро, Шмидт, Альфёльд и другие буржуазные ученые, будучи не в силах отрицать коалиционный характер похода, все же и здесь упорно отстаивают тезис о руководящей роли готских племен и германцев вообще. Но важнейший источник

¹ *Vita Claudii*. VI, 2: «*Scytharum diversi populi: Feuci, Grutungi, Austrogoti, Tervingi, Visi, Gipedes, Celti etiam, et Heruli*».

² В. Рапппорт. *Die Einfälle der Goten in das römische Reich*. Leipzig, 1899, стр. 84.

³ Р. Дамерау. *Kaiser Claudius II Gothicus*. *Klio*, Bb. XXXIII, 1934, стр. 66.

⁴ А. Д. Дмитриев. Падение Дакии ВДИ, 1949, № 1, стр. 225.

этой войны Зосим лишь один раз упоминает о готах, как одном из племен, принявшем участие в походе, а все остальное время повествует о «скифах» или «варварах»¹. То же наблюдается и у Зонары², который вообще ничего не говорит о готах. «Скифами» называет переселенцев и Дексипп³ в небольших, дошедших до нас отрывках своего труда.

Что же касается *Vita Claudii*, то из нее никак нельзя заключить о какой-то исключительной роли готов в данной войне, хотя она и много говорит о «готах» и боях с ними. Дело в том, что когда Поллион следует Дексиппу, то он также говорит о «скифах», «различных скифских народах», причем в перечисление этих народов он вставляет и названия готских племен. В изложении же заключительного этапа войны⁴ напавшие на Рим племена называются у него «множество варварских племен», «скифы» или просто «варвары», как будто бы вообще не существовало никаких готов.

Таким образом традиция, идущая непосредственно от времени 70-х годов, представляет себе поход как движение многих народов Причерноморья и отнюдь не уделяет готам исключительного места. Но это в некоторых местах своей биографии делает Поллион, находясь под значительным влиянием обстановки и терминологии более позднего времени, когда готы — соседи и наемники римлян — стали решительно идентифицироваться с племенами Причерноморья вообще. Аврелий Виктор и Евтропий, жившие в более позднее, чем Поллион, время, знают одних лишь готов⁵; правда, в греческой литературной традиции термин «скифы» продолжает свое существование.

Если вообще можно говорить о каких-то организаторах и ударной силе похода, то ими были, скорее всего, племена Меотиды, герулы. Очевидно, не случайно Синкелл изображает войну 269—270 гг. как предприятие одних лишь герулов⁶, а Зосим, перечисляя племена, напавшие на Рим, на первое место ставит герулов, а на последнее — готов⁷.

Подготовка «скифов» к новому походу началась, повидимому, сразу же по возвращении герулов из их греческой экспедиции. Сборным местом похода был, по сообщению Зосима, Тирас. Здесь строились многочисленные суда и концентрирова-

¹ Zosim., I, 42—43, 45—46.

² Zon., XII, 26.

³ Dexipp., fr. 23 и 24.

⁴ Vita Claudii, XI, XII.

⁵ Eutrop., IX; Aurel. Vict., XXIII—XXIV. Но начало этого процесса падает, повидимому, уже на последние десятилетия III в.

⁶ Syncell., стр. 720.

⁷ Zosim., I, 42, 1.

лись дружины различных племен¹. Сюда, очевидно, прибыл и флот герулов.

Источники сохранили данные об общей численности двинувшихся на империю «скифов». Конечно, эти сведения могут рассматриваться лишь как очень и очень приблизительные, и тем не менее они весьма поучительны. В уцелевшем фрагменте Дексиппа (речь Аврелиана к посольству ютунгов и римским войнам после победы над ютупгами) численность вторгшихся в империю определяется в 300 тыс. человек: «Скифы, в числе трехсот тысяч человек, рассеявшиеся по обоим материкам, разбиты нами наголову»². Примерно ту же цифру — 320 тыс. человек дает и Зосим³. Некоторое отклонение данных Зосима от вышеприведенной цифры, возможно, вызывается тем, что у Зосима приведена численность всех собравшихся в поход «скифов», тогда как в сохранившемся фрагменте Дексиппа говорится об их численности уже после тяжелых боев в Мёзии и под Византией, когда «скифам» удалось прорваться вглубь римской территории.

Явно преувеличенную цифру вооруженных «варваров» приводит Vita Claudii⁴; биограф попросту число всех «скифов» (320 тыс.) принял за число воинов, но это совершенно противоречит прямому смыслу высказываний как Дексиппа, так и заимствовавшего у него Зосима. Почти невозможно определить, какая же в действительности была численность войска «скифов». По если предположить, что число воинов составляло от $\frac{1}{3}$ (Раппанорт)⁵ до $\frac{1}{5}$ (Шмидт)⁶ всей их массы, то это дает цифру в 60—100 тыс. человек. Если принять во внимание, что даже после кораблекрушений и тяжелых боев армия «скифов» в битве при Наиссе едва не разгромила главные силы римской армии, то вышеприведенный численный состав первой не кажется чрезмерно высоким (тем более, что в Иллирии действовала хотя большая, но всё же лишь часть «скифского» войска).

Не меньшие трудности возникают при определении количества «скифских» судов. В данном случае прямых указаний Дексиппа не имеется, между тем как из авторов, следовавших ему, Зосим⁷ называет цифру 6000, Аммиан Марцеллин⁸ и Пол-

¹ Zosim., I, 42, 1.

² Dexipp., fr. 24.

³ Zosim., I, 42, 1.

⁴ Vita Claudii, VI, 5: «trecenta viginti millia armatorum fuerunt».

⁵ B. R a p p a o r t. Die Einfälle der Goten in das römische Reich. Leipzig, 1899, стр. 84.

⁶ L. S c h m i d t. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. Berlin., 1910, стр. 72.

⁷ Zosim., I, 42, 1.

⁸ Ammian Marcellin., XXXI, 5, 15.

лион¹ — 2000. Повидимому, цифра, сообщаемая Поллионом и Аммианом Марцеллином, является более достоверной. Зосим несомненно здесь ошибается или сознательно увеличивает численность «скифского» флота. С сомнением к цифре, приводимой Зосимом, заставляет отнестись тот факт, что, по его утверждению, все 320 тысяч «скифов» сели на эти 6000 судов!

Начало похода приходится, повидимому, уже на весну 269 г., так как еще до 29 августа 269 г. в Александрии были выбиты монеты в честь боевых успехов римского флота². 269 год как дата «скифского» вторжения подтверждается и рядом позднелатинских хроник³.

Среди ученых издавна ведутся споры о том, произошло ли это вторжение одним морским путем или же одновременно с морским походом происходил и сухопутный поход. Часть авторов считает несомненным «чисто морской» характер нашествия⁴, другие отстаивают гипотезу о двух потоках вторжения⁵.

Если судить по рассказу одного Зосима (Синкелл слишком схематичен, чтобы на основе его данных делать те или иные выводы), то поход причерноморских племен протекал на первом этапе как типичная морская экспедиция и лишь с осадой Фессалоник и Кассандрии широко развернулась война и на суше⁶. Однако, на основании Vita Claudii, которая обильно использует того же Дексиппа, можно скорее прийти к выводу, что крупные массы «готов» двигались именно по суше, «выпивая реки и изводя леса»⁷. По свидетельству Поллиона, бои происходили в Мёзии, особенно у Марпианополя⁸, что, конечно, никак уже нельзя отнести за счет сил, направлявшихся на кораблях. И, наконец, по данным Поллиона⁹ и по свидетельству Зосима, с переселенцами двигался огромный обоз, табуны скота, что опять-таки возможно лишь в том случае, если часть «готов» шла по суше, а не следовала морским путем.

Трудно, однако, сказать что-либо определенное о численном соотношении морского и сухопутного войска «скифов». Во всяком случае, огромная масса судов могла принять очень значительные силы, и, видимо, не случайно как Зосим, так и Синкелл следят за походом лишь этой части «скифского» войска.

¹ Vita Claudii, VIII, 1.

² Mionnet, VI, стр. 470, № 3428, 3429.

³ Euseb.—Hieron., 2286.

⁴ P. Damerau. Kaiser Claudius II Gothicus Klio, Bh. XXXIII, 1934, стр. 65.

⁵ B. Rappaport. Die Einfälle der Goten in das römische Reich. Leipzig, 1899, стр. 85.

⁶ Zosim., I, 42, 2; I, 43, 1.

⁷ Vita Claudii, VI, 6.

⁸ Там же, IX, 3.

⁹ Там же, IX, 4—6.

Чем же вызывалось это разделение «скифских» сил? Раппорт объясняет это разницей в целях — визиготы стремились захватить римскую территорию, а герулов и остроготов, идших на кораблях, интересовал, прежде всего, морской грабеж¹. Нельзя сказать, что в объяснении Раппорта нет некоторой доли истины — вскоре после высадки «скифов» в Северной Греции многочисленные суда их рассеялись по всему Эгейскому морю², но само по себе деление похода на «переселенческий» и «пиратский» вряд ли является правильным: герулы были заинтересованы в приобретении земель не меньше, чем любое другое причерноморское племя, грабеж же являлся неизменным атрибутом любого «скифского похода». Огромная численность участников похода, его громоздкость — вот, прежде всего, причины того, что часть участников войны двинулась сушей. Разумеется, то были, в первую очередь, непосредственные соседи Рима; с ними следовал обоз и семейства переселенцев.

Вторжение «скифов» произвело удручающее впечатление на широкие слои римского населения, сенат и самого Клавдия. Напуганное воображение римлян рисовало им картину нашествия неисчислимых полчищ врагов, которые на своем пути вычерпывают целые реки, изводят леса, так что изнывает сама римская земля, принявшая такую массу неприятелей³. В развертывавшейся борьбе римляне могли рассчитывать лишь на дунайские легионы и ополчение горожан; Клавдий с горечью говорил о том, что лучшие стрелки из лука служат в войске царицы Зиновии, а Галлия и Испания находятся во владении Тетрика⁴. Нехватало и оружия: щитов, мечей, копий.

Тем не менее, война не захватила римлян врасплох. При Клавдии ускоренным темпом продолжались работы по укреплению угрожаемых районов. Города Малой Азии⁵, Греции⁶, Мёзии приводились в состояние боевой готовности, снабжались всем необходимым для отражения осады. В своей подготовке к войне Клавдий пользовался энергичной поддержкой со стороны сената — внутренние раздоры были отброшены перед лицом смертельной опасности. Как можно заключить на основании *Vita Claudii*, подготовка самой армии не была еще завершена к моменту, когда разразилась война. Поэтому Клав-

¹ B. R a p p a o r t Die Einfälle der Goten in das römische Reich. Leipzig, 1899, стр. 85.

² Z o s i m., I, 43, 2; Vita Claudii, XII, 1.

³ Vita Claudii, VI, 6: «Laborasse denique terram ipsam quae tantum barbarici tumoris excepit».

⁴ Там же, VII, 5.

⁵ D e x i p p., fr. 23.

⁶ Z o s i m., I, 43, 2.

дий несколько замедлил со своим выступлением во главе основных сил римской армии, для того чтобы окончить приготовления и тем вернее нанести удар по армии противника¹. Значительные опасения вызывала и безопасность Италии, и, очевидно, для ее защиты от германцев (а отчасти и галльской армии) в Аквилее с частью армии был оставлен брат императора Квинтилл².

Таким образом, на первых порах вся тяжесть войны падала на гарнизоны пограничных и приморских городов, и на этот раз они оказались на высоте положения.

Войско причерноморских народов, начавшее войну нападением на Мёзию, встретило упорное сопротивление. Вражеское нападение успешно отразил хорошо укрепленный город Томы³; многочисленные битвы произошли и у стен Марцианополя⁴, однако «скифы» и здесь не добились никакого успеха. Повидимому, неудачные штурмы Марцианополя и возникшая в связи с этим угроза затяжного характера военных действий, что было целиком в интересах римлян, и заставили наступающих принять новые решения.

Их флот, пользуясь попутным ветром, двинулся на юг, к Боспору и Пропонтиде. Часть войска, оставшаяся на суше, также, повидимому, продолжала свое продвижение вглубь Мёзии. Бои в Мёзии отняли у скифо-сарматов немало времени, их неудачный исход сильно затруднил связи с родиной, так как прибрежные города и Марцианополь остались в руках римлян; но и римляне не смогли приостановить развитие «скифского» наступления. Флот причерноморских племен вступил в Боспор⁵.

Здесь его постигла большая неудача. Маломощные «скифские» суда, вступив в Боспор, оказались не в силах справиться с быстротой его течения и, вероятно, с внезапной бурей. Они беспорядочно носились по волнам, сталкиваясь друг с другом, и тонули; в результате этой катастрофы «скифы» утратили много судов и людей⁶. Но эта неудача их не остановила: они вновь собрали флот и атаковали Византий. Овладение Византием представляло для них большой интерес не только в силу его стратегического положения, но также и потому, что здесь «скифы» могли починить свои потрепанные бурей и длительным

¹ Vita Claudii, VI, 2.

² Jordan., Rom., 287.

³ Хр. М. Данов. Западният бряг на Черно море в древността. София, 1947, стр. 85.

⁴ Vita Claudii, IX, 3; «multa proelia fuerunt apud Marcianopolim». О стратегическом значении Марцианополя см Т. Д. Златковская. Мёзия в I—II веках нашей эры. Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 101.

⁵ Zosim., I, 42, 2.

⁶ Там же.

переходом суда. Но Византий был хорошо укреплен, горожане оказали нападающим мужественное сопротивление¹. Отказавшись от овладения Византием, «скифы» двинулись вперед и, достигнув Кизика, атаковали его. Однако и Кизику удалось на этот раз отбить нападение².

После сражений под Византием и Кизиком припонтийский флот, отказавшись от дальнейших попыток овладеть каким-либо городом при проливах, прошел Геллеспонт и вышел в Эгейское море. Его путь пролегал теперь, повидимому, вдоль юго-восточного побережья Македонии, поскольку, по сообщению Зосима, он достиг Афона³. Здесь «скифы» отдохнули, привели в порядок свои суда и приступили к широкому развертыванию военных действий. Их удар был направлен на Фессалоники и Кассандрию⁴.

Эти города (особенно Фессалоники) могли служить прекрасными базами для армии и флота; овладение Фессалониками открывало наступающим беспрепятственный путь на север. И «скифы» энергично принялись за осаду этих городов — к их стенам были придвинуты многочисленные осадные машины. Возможно, что города вскоре попали бы в руки осаждавших, но в разгар военных действий последние узнали о приближении римских императорских войск. «Скифы» немедленно прекратили осаду и двинулись на север⁵. Путь их пролегал, повидимому, по долине реки Аксий. При своем передвижении они нещадно опустошали все прилегающие районы⁶.

Возникает вопрос — чем же был вызван столь поспешный марш «скифов»? Наиболее вероятным будет предположить, что они стремились ввиду возникшей угрозы ускорить соединение со своим «сухопутным» войском. Это войско за истекший срок успело уже, повидимому, проникнуть вглубь Фракии — именно в западную ее часть. Точное местонахождение римской армии неизвестно, но несомненно, что в это время она уже двигалась по большой военной дороге Сирмий-Наисс—Фессалоники.

Далеко впереди главных сил римской армии находилась, судя по рассказу Зосима, далматская конница⁷; вероятно ее появление и встревожило войско, осаждавшее Фессалоники и Кассандрию. Предполагают, что эта конница была послана для занятия прохода Скупи с тем, чтобы помешать соединению

¹ Vita Claudii, IX, 7.

² Z o s i m., I, 43, 1.

³ Там же.

⁴ Там же

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, I, 43, 2.

северной и южной армии «скифов», а затем разбить их по частям. Далматская конница произвела нападение на войско, шедшее от Фессалоник. Бой был удачным для римлян: одними убитыми «скифы» потеряли 3 тыс. человек¹.

Вскоре после этого боя произошло и генеральное сражение между главными силами обеих сторон. Из авторов один лишь Зосим сообщает о нем краткие, но ценные сведения; он же называет и место битвы (Наисс, на восточном притоке р. Марг)². Трудно с должной мерой уверенности сказать, было ли это сражение с одной лишь южной армией наступавших, или в нем приняли участие и их отряды, сражавшиеся в Мёзии и Фракии. Если следовать прямому смыслу слов Зосима³, то с армией, бывшей под командой самого Клавдия, столкнулось именно южное войско «скифов», — те из них, кто уцелел в битве с далматинцами. Но из описания самой битвы под Наиссом ясно виден ее крайне упорный характер; потери в ней «скифов» исчислялись (пусть и с преувеличением) в 50 тыс. человек. Повидимому, в канун битвы под Наиссом всё же произошло соединение обеих причерноморских армий.

Зосим, к сожалению, ничего не сообщает о расположении враждебных сил, не приводит он данных и о численном их соотношении. Однако кажется, что в этой битве не могло быть и речи о каком-то значительном численном перевесе на стороне скифо-сарматских войск. Во время многочисленных осад и штурмов, предшествовавших Наиссу, они понесли, конечно, большие потери; немало людей было потеряно и от кораблекрушений в Боспоре. Значительные силы «скифов» несомненно еще и в этот период продолжали борьбу против римских крепостей в Македонии, Мёзии, Фракии и против римских подвижных отрядов; тысячи воинов действовали на море⁴. Если при всем этом учесть, что процент отставших и больных во время подобных вторжений был очень велик⁵, а огромный обоз с семьями и имуществом также требовал серьезной охраны, то вряд ли будет большой ошибкой предположить, что из 80—100 тыс. «скифов», начавших войну, едва ли больше половины смогли принять участие в ее решающей битве.

Между тем, вся сложившаяся обстановка оказалась неизмеримо более благоприятной для римлян, чем для их врагов.

¹ Zosim., I, 43, 2.

² Там же.

³ Там же, I, 43, 2: «потеряв там три тысячи людей в стычке с конницей далматов, они с остальными силами вступили в борьбу с императорской армией».

⁴ Zosim., I, 46, 1.

⁵ См. Ф. Энгельс. К истории древних германцев. М., Партиздат, 1938, стр. 15.

К моменту битвы основные силы римской армии почти не принимали участия в войне, ибо оборона городов осуществлялась преимущественно самим городским населением; войско же наступающих вело почти беспрерывные военные действия. В своем контрнаступлении римляне могли опираться на целую систему баз и опорных пунктов, тогда как «скифы» продвигались по опустошенной стране, имея в тылу римские крепости. На стороне римлян было и хорошее знание ими местности, тогда как их противники действовали на этот раз в условиях мало знакомого им района. Успешная оборона римских крепостей, победа далматинцев несомненно способствовали укреплению боевого духа римской армии; его подогривала и надежда на огромную добычу. Немаловажное значение имело и то, что во главе римской армии стоял теперь талантливый и авторитетный полководец¹, имевший к тому же большой опыт в борьбе с «варварами».

И, несмотря на все это, последние не уклонялись от сражения и едва не превратили его в разгром римской армии. Некоторое время ожесточенный бой кипел без заметного перевеса на той или другой стороне, и римляне уже начали отступать под натиском противника, когда отряд римлян, по неизвестным врагу трюкам, ударил ему во фланг². Это и решило исход боя в пользу римлян. Зосим утверждает, что в результате поражения скифо-сарматы потеряли 50 тыс. одними убитыми. Цифра эта, несомненно, чрезвычайно преувеличивает истинный размер потерь, понесенных «скифами», но всё же эти потери были, очевидно, очень велики. Ничего не известно о потерях римской стороны, но, повидимому, и римское войско понесло существенный урон, особенно в начальной стадии битвы. Поражение «скифов» под Наиссом не было их полным разгромом — об этом свидетельствует дальнейший ход военных действий, когда римляне несли порой довольно чувствительные поражения. Однако победа римлян резко изменила соотношение сил в их пользу. Сильно поредевшему войску припонтийских племен не оставалось иного исхода, кроме поспешного отступления на родину.

С другой стороны, план римлян теперь состоял именно в том, чтобы отрезать им пути отхода, окружить и уничтожить. Уже во время борьбы с герулами, в 267 г., Клавдий стремился провести в жизнь этот план³; тогда это не удалось в силу ряда причин, но теперь предпосылки для этого были налицо. Крат-

¹ В. С. Сергеев. Очерки по истории Позднеримской империи. Историк-марксист, 1938, кн 3, стр. 66.

² Zosim, I, 43. 2: «Когда произошло сражение и с обеих сторон [многие] пали, римляне отступили, но затем, неожиданно напав на варваров по неизвестным им дорогам, истребили 50 тыс. человек».

³ Vita Claudii VI, 1.

чайшим маршрутом отступления «скифов» был бы, конечно, путь на северо-восток, к Дунаю. Но пути отхода на северо-восток были, очевидно, уже отрезаны, тем более что в руках римлян оставались крепости обеих Мёзий, линия Дуная и часть прилежавших к нему районов Дакки, также хорошо укрепленных. Поэтому отступающие избрали другой путь — на юг, в Македонию¹. Они могли рассчитывать (достигнув берегов Эгейского моря) на помощь своего флота в деле транспортировки их морским путем.

Выставив повозки в качестве подвижного прикрытия, «скифы» медленно двигались на юг, отражая частые нападения римской кавалерии. Отступление проходило в чрезвычайно трудных условиях. В ходе предшествующих военных действий местность была совершенно опустошена; среди отступавших начался голод². От голода гибли и люди и конский состав; падеж лошадей привел к тому, что «скифы» лишились обоза, которым они прикрывались от непрерывных римских атак. Наступление холодов еще более ухудшило их положение. Измученные голодом и лишениями, они оказались не в силах прорвать окружение римлян. Повнеся тяжелые потери в борьбе с римской кавалерией, «скифы» были вынуждены отступить в теснины Гема. Римская конница, встретив их при передвижении, многих перебила, а остальных отбросила в Гем³.

План римлян близился к своему осуществлению. Но и в этих отчаянных условиях «скифы» продолжали героическую борьбу с превосходными силами противника. Более того, им удалось даже нанести римлянам чувствительное поражение. Часть римской пехоты, в упоении от одержанных успехов, произвела нападение на врагов, не дожидаясь прибытия конницы⁴. Римляне надеялись на захват добычи и не думали, что разбитый враг сможет оказать какое-то действенное сопротивление, но жестоко просчитались. Несмотря на свою малочисленность, «скифы» нанесли им жестокий удар. Две тысячи римлян остались на поле боя⁵, и размеры поражения уменьшило лишь внезапное появление римской конницы. Узнав о поражении, Клавдий лично поспешил в район военных действий. Стянув сюда новые силы, он разгромил неприятельский отряд, а захваченных в плен приказал заковать в кандалы и отправить в Рим в качестве

¹ Z o s i m., I, 45, 1.

² Там же: «Оставшиеся в живых после битвы Клавдия со скифами при Наиссе, выдвинув вперед повозки, двинулись в Македонию, но вследствие недостатка продовольствия, мучимые голодом, гибли вместе с упряжками животными».

³ Z o s i m., I, 45, 1.

⁴ Там же, I, 45, 2.

⁵ Vita Claudii, XI, 7.

гладиаторов¹. Между тем, среди «скифов» началась эпидемия чумы, которая окончательно подточила их силы². Остатки запертого в горах войска были обречены на гибель. Таков был главнейший результат военных действий на главном театре войны, т. е. на территории Иллирии.

4. Ход войны на море

Однако военные действия охватили неизмеримо больший район,— Дексипп не случайно заметил, что «скифы» «распространились на оба материка»³. Этот размах военных действий был обязан прежде всего боевой деятельности скифо-сарматского флота. Очевидно, уже в период осады Фессалоник и Кассандрии, часть припонтийских кораблей предприняла ряд нападений на прибрежные районы Греции и Фессалии. Уход сухопутных войск вглубь Македонии послужил, повидимому, новым толчком к разворачиванию морской войны. Эскадры «скифов» охватили своими рейдами не только район Эгейского моря, но и северо-восточную часть Средиземного моря. Их нападению подверглись острова Родос, Кипр и Крит⁴. Повидимому, к этому времени относится и осада города Сиды в Памфилии.

Правда, об этом известно только из одного фрагмента Дексиппа⁵, не имеющего точной датировки. Однако следует принять во внимание, что лишь в войну 269 г. «скифам» удалось проникнуть в восточную часть Средиземного моря, и вполне обоснованно будет предположить, что эскадра их, напавшая в этом году на Родос и Кипр, посетила также и побережье Памфилии. Дексипп сообщает нам интересные подробности об обороне города Сиды против нававших на него «скифов».

К моменту нападения город Сиды создал значительные запасы метательных снарядов и всего необходимого для обороны; многочисленное ополчение горожан было готово к встрече врага⁶. Первый натиск «скифов» был успешно отражен, и они были вынуждены прибегнуть к более систематической осаде. Соорудив осадные машины, они придвинули их к стенам, но жители обрушили на них град всевозможных снарядов, сорвав и эту попытку овладения городом⁷. Нападавшие, не смущаясь неудачей, построили деревянные башни на колесах, имевшие равную с город-

¹ Vita Claudii, XI, 8.

² Z o s i m., I, 46, 1; Vita Claudii, XI, 3.

³ D e x i p p., fr. 24.

⁴ Vita Claudii, XII, 1; «fuerunt per ea tempore et apud Cretam Scythae et Cyprum vastare temptarunt».

⁵ D e x i p p., fr. 23.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

скими стенами высоту, что должно было облегчить им преодоление стен. Однако горожане нашли и здесь действенный контрприем, воздвигая у мест, куда продвигались башни, огромные доски с прикрепленными к ним площадками. «Таким образом,— говорит Дексипп,— эти люди, стоя выше своих неприятелей, имели возможность поражать их сверху»¹. Дело дошло до ожесточенного рукопашного боя, но «скифам» так и не удалось добиться успеха, и они вынуждены были прекратить осаду.

«Скифские» флотилии потерпели неудачу и при других нападениях на хорошо укрепленные прибрежные города Малой Азии, Греции и Фессалии. Поэтому «скифы» ограничились набегами на мелкие города и сельские местности, уводя в плен население этих районов². На первом этапе военных действий римский военно-морской флот, видимо, воздерживался от активных наступательных операций. Это и понятно, ибо по своей численности он был намного меньше флота противника. Но положение постепенно изменилось. Морские бури, неудачные штурмы и осады городов сильно ослабили флот «скифов»; лучшие силы их боролись в глубине римской территории, и «скифам» было нечем пополнить поредевшие экипажи судов. Тяжелый урон нанесли «скифскому» флоту голод и чума, унесшие тысячи жизней³.

Сложившееся положение, видимо, использовал флот римлян для нанесения решительных ударов. В развернувшихся морских битвах, о которых вскользь упоминает Синкелл и Vita Claudii, припонтийские племена были разгромлены (свидетельством римских успехов на море служат уже упомянутые выше александрийские монеты). Первые успехи римлян на море были ими одержаны летом 269 г.⁴; окончательный же разгром скифо-сарматского флота падает уже на осень и зиму 269 г., как можно заключить из слов Синкелла о том, что скифы гибли, истребляемые «то морскими битвами, то бурями»⁵. Задачу римлян на этом заключительном этапе борьбы облегчили, кроме указанных уже факторов, повидимому, также и разбросанность неприятельских сил и зимние бури, особенно губительные для маленьких судов народов Причерноморья. Таким образом, решительное поражение «скифы» потерпели и в борьбе на море. Поллион говорит о 2000 потопленных судах⁶; если Поллион даже и преувеличивает размеры римской победы,

¹ Dexipp., fr. 23.

² Zosim., I, 43, 2.

³ Syncell., стр. 720; Vita Claudii, XII, 1: «ubique morbo atque fame exercitu laborante superati sunt».

⁴ Mionnet, VI, стр. 470, N 3428, 3429.

⁵ Syncell., стр. 720. «πότε μὲν ναυμαχίας, πότε δὲ καὶ χειμῶσι».

⁶ Vita Claudii, VIII, 4.

то, тем не менее, несомненно, что лишь немногие «скифские» суда смогли вернуться на родину из столь трагически закончившегося похода.

5. Значение войны 269—270 гг. и причины поражения племен Северного Причерноморья

Победы Клавдия вызвали повсеместно бурный восторг и ликование. Тучи, нависшие над империей, были рассеяны, в руках победителей оказались большое количество пленных, огромный обоз, различные виды скота. В своем обращении к сенату Клавдий якобы писал: «Мы уничтожили триста тысяч готов и потопили две тысячи кораблей. Их щитами покрыты все реки, их мечами и копьями — все берега. Под сплошными костями не видно полей, все военные дороги загрязнены; их огромная крепость из повозок стоит покинутая; к нам попало в плен так много женщин, что победоносный солдат может взять по две или три из них¹». Благодарные рабовладельцы воздвигали в честь Клавдия алтари и храмы, чтили его венками и знаменами; по решению сената, за заслуги Клавдия перед государством ему в Капитолии была воздвигнута золотая статуя, а в курии выставлен золотой щит².

Однако война еще не была завершена, и последний период своей жизни Клавдий проводит в Сирмии, руководя, очевидно, борьбой с остатками «скифов», а быть может, одновременно подготавливая поход в Дакию или против сарматов-языгов. Но здесь, в Сирмии, настигла Клавдия эпидемия чумы, которая, начавшись среди «варваров», перекинулась затем и на войско римлян. Поэтому последние эпизоды борьбы со «скифами» разыгрались уже при преемнике Клавдия, его брате Квинтилле (начало 270 г.). По сообщению *Vita Claudii*, отряды уцелевших «скифов» атаковали Анхиал и Никополь³. Трудно сказать, были ли то отряды из-под Наисса, которым всё же удалось пробиться на восток, или какие-то силы, продолжавшие борьбу в Мёзии, но, несомненно, это была последняя вспышка борьбы. Нападавшие были отброшены самими жителями провинции даже без помощи регулярных императорских войск⁴.

Таким образом, война 269—270 гг. явилась гигантской борьбой между Римом и племенами Северного Причерноморья, генеральным наступлением скифо-сарматских племен, составившим кульминационный пункт всех войн III в. В нападении на

¹ *Vita Claudii*, VIII, 4—6.

² *Eutrop*, IX, 11.

³ *Vita Claudii*, XII, 4: «barbari qui superfuerant Anchialum vastare conati sunt, Nicopolin etiam optinere».

⁴ Там же.

империю в этой войне приняли участие основные причерноморские племена. Огромные массы их с имуществом и семьями морем и сухопутным путем вторглись в ее пределы. Наступление припонтийских народов носило крайне упорный и ожесточенный характер. Их главный удар был направлен на глубинные провинции империи (Македония — Верхняя Мёзия), где они смело вступили в борьбу с главными силами римской императорской армии. Огромен был территориальный размах этой войны, вовлекший в свою сферу придунайские провинции, Малую Азию, Эгейское и Средиземное моря; многообразны ее формы (сражения в открытом поле, осады, рейды, морская война)

В войне 269—270 гг. можно выделить два этапа развития военных действий — до битвы при Наиссе и после этой битвы. Первый этап характеризуется наступлением «скифов» и оборонительными боями римлян. На этом этапе «скифам» удалось (обойдя при помощи флота укрепления Дунайского района) прорваться далеко на юг, высадить войско в Македонии, а при развитии наступления на север — соединиться с отрядами своей армии, шедшими через Мёзию и Фракию. Однако в битве при Наиссе римляне, перешедшие в контрнаступление, нанесли им тяжелое поражение, и это открыло новый этап — этап отступления скифо-сарматского войска и его упорных и героических оборонительных боев против римской армии. В ходе этого периода военных действий римляне нанесли «скифам» ряд поражений и в конце концов окружили их в теснинах Гема. Окончательному поражению «скифов» в еще большей степени, чем римское оружие, способствовали всевозможные лишения, голод и чума. Решающим успехам римлян на суше сопутствовали и успехи на море. После ряда малоуспешных рейдов «скифский» флот, также ослабленный голодом и чумой, сильно пострадавший от кораблекрушений, был разгромлен флотом римлян.

Победа римлян в войне 269—270 гг. имела для них большое военное, политическое и экономическое значение. Ею была устранена угроза, нависшая над самим существованием империи; в результате поражения припонтийские племена понесли огромные невосполнимые потери, тяжелым ударом была для них и утрата флота¹. Победа дала в руки римлян огромное количество пленных: часть их пошла на пополнение римской армии, большинство же попало в руки possessоров или было поселено в качестве колоннов в опустошенных пограничных областях. «Римские провинции были переполнены рабами-варварами и скифами-земледельцами, гот стал колонном на границах

¹ Карл Маркс говорит о «решительной победе» Клавдия II. См. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V. Л., Госполитиздат, 1938, стр. 9.

с варварами, и не было района, не имевшего рабов из готов в качестве трофеев войны»¹. При несомненном преувеличении, которое допускает здесь биограф, факт массового поселения пленных на землю не может быть подвергнут сомнению. Это, разумеется, укрепляло экономику империи, тем более что наряду с рабочей силой римляне получили в свое распоряжение большое количество скота, в том числе быков и лошадей, могущих быть использованными в качестве тягловой силы.

Велики были и политические следствия победы. Она способствовала возрождению авторитета императорской власти, усилила центростремительные процессы в отделившихся частях империи (особенно в Галлии). *Vita Claudii*, хотя со значительной долей риторичности, хорошо передаст порожденные победой настроения и чувства — «шобдителя прославляли сенат, весь народ, все провинции, все иноземные народности, все сословия, все возрасты, все города»². Политический подъем, охвативший значительные слои господствующего класса, безусловно создавал предпосылки для новых шагов по пути восстановления империи, ее воссоединения. Победы над «скифами» и германцами вместе с тем чрезвычайно улучшили военное положение империи, развязывая ей руки для выполнения новых задач.

В чем же заключались основные причины поражения племен Причерноморья в их решающем столкновении с Римом? Важнейшей причиной являлось то, что к моменту генерального наступления «скифов» кризис империи уже миновал полосу наибольшей своей остроты. Обнаружилось, что внутри самой империи еще не нашлось общественной силы, способной преодолеть сопротивление со стороны отживающих слоев общества и совместно с наступающими «варварами» нанести им смертельный удар. Напротив, эти отживающие слои и их государство оказались, пока что, достаточно мощными и дееспособными для эффективной борьбы на два фронта.

Это, между прочим, нашло свое выражение в активной поддержке Клавдия не только со стороны сената, но и муниципальной верхушки, которая на местах организовала оборону против «скифского» нашествия. Воссоединение с империей большей части Испании, тяга к объединению, возникающая в среде галльской знати, также усиливали ее военное и политическое положение.

¹ *Vita Claudii*, IX; о значении этой войны в деле воспроизводства рабочей силы см. Хр. М. Д а н о в Към историята на рабството в древна Тракия. Исторически преглед, година пета. София, 1949, стр. 415. Следует, однако, заметить, что десятки тысяч пленных «готов» используются, как правило, не в качестве рабов, а в качестве колопов или даже военных поселенцев. Таким образом, войны III в. способствовали росту в недрах старого общества нового класса непосредственных производителей.

² *Vita Claudii*, III.

ние. Крупное значение в победе римлян имели военные реформы, начавшиеся в этот период. Укрепленные города содействовали истощению сил наступающих и сильно замедлили их продвижение, облегчив подготовку контрнаступления римлян; в деле решительного разгрома неприятеля огромную роль сыграла кавалерия; римский флот вышел победителем из борьбы с морскими силами «скифов».

В ходе войны проявил себя все еще имевшийся на стороне Рима перевес в организационном и техническом отношениях. Римская армия была сильна своим единоначалием, «скифы» же выступали в виде довольно рыхлой коалиции, что, конечно, нашло свое отражение в вопросах командования и дисциплины. Раздробленность сил причерноморских племен, которую им не удалось окончательно преодолеть даже в период решающей борьбы, их стремление к приобретению добычи — также сильно снижали шансы на успех «скифов». У римлян оказались крупнейшие преимущества и в отношении снабжения: в их распоряжении были многочисленные базы, тогда как «скифы» зачастую действовали на опустошенной земле, да и снабжение за счет местных ресурсов было исключительно трудным вследствие огромной численности вторгшегося войска. Громоздкость скифо-сарматского войска, присутствие большого обоза сильно снижали его маневренность, бывшую всегда наиболее мощным оружием припонтийских племен.

Ко всем этим факторам следует добавить и наличие у римлян более высокой военой техники — и не столько в отношении личного оружия, сколько в боевых машинах, размерах и вооружении морских судов. Наконец, большую роль в поражении припонтийских народов сыграло и то, что скифо-сарматы выступили в тот момент, когда германское наступление было уже разгромлено и, таким образом, римляне могли направить на них почти все имевшиеся в их распоряжении силы.

Война 269—270 гг. отнюдь не явилась последней в серии войн III в. Ожесточенные бои на Дунае кипели при Аврелиане и Проге, много воевал на Дунае и император Диоклетиан (284—305 гг.), нанеся тяжелое поражение племенам Карпато-дунайского района. Однако сведения об этих войнах чрезвычайно скудны, противоречивы и носят преимущественно панегирический характер. Поэтому изучение этих войн представляет весьма большие трудности и должно стать объектом отдельного исследования. Однако не подлежит сомнению, что после войны 269—270 гг. борьба причерноморских племен идет по нисходящей линии и к концу III в. она окончательно затихает.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период 230—270 гг. прошел для Северного Причерноморья под знаком упорной и героической борьбы с Римской империей. Источники истории войн III в. свидетельствуют, что ведущую роль в этой борьбе сыграли местные причерноморские племена — карпы, аланы, герулы, бораны и целый ряд других. Что же касается пришлых готских племен, то они также входили в антиримские коалиции племен Северного Причерноморья, принимали участие в военных экспедициях «скифов», но отнюдь не являлись главной ударной и руководящей силой этих походов. Исходя из направления, результатов и специфических черт основных «скифских» походов, с одной стороны, участия в борьбе тех или иных племен и состояния империи в каждый из периодов военных действий — с другой, историю этих войн III в. можно разделить на ряд следующих основных этапов.

На первом этапе (232—251 гг.) против Рима выступали преимущественно прикарпатские племена (карпы, бастарны, готы). Начав с нападений на пограничные римские районы, они, всё увеличивая силу ударов, проникают вглубь Дакии и Фракии, опустошают эти провинции и, наконец, в войне 250—251 гг. наносят Риму жестокое поражение. Война эта еще более ухудшила положение империи; битва при Абритте послужила сигналом к усилению борьбы германцев и персов, а также, повидимому, и славянских племен, которые на данном этапе, однако, не выступают под собственным именем¹.

Затем наступил новый этап в борьбе «скифов», грани которого определяются 252—266 гг. Социальная борьба в Риме достигает в этот период наивысшей остроты и ведет к фактическому распаду империи; натиск внешних врагов Рима еще более увеличивается. Борьба народов Причерноморья в этот период характеризуется активным вступлением в нее племен Приднепровья и Меотиды и, прежде всего, герулов и боранов².

¹ А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи. ВДИ, 1939, № 1, стр. 299.

² S y n c e l l., стр. 717.

По инициативе этих последних, «скифы» переходят к методу морской войны и овладевают гаванями Боспора, Ольвии, Тирь. «Скифские» рейды вглубь империи достигают значительной длительности, основным их объектом являются малоазийские провинции. Крупнейшим достижением этого этапа было овладение большей частью провинции Дакии и сокрушение римской обороны на Нижнем Дунае¹.

Наивысший подъем борьбы III в. падает на 267—270 гг. В 267—268 гг. десятки тысяч «скифов» нападают на Грецию, а в 269 г. против Рима двинулась 300-тысячная масса герулов, бастарнов, готов. Вместе с войнами шли их семьи, двигался скот². Разгром этого похода стал переломным пунктом «скифских» войн III в. Империя, у которой еще оказались жизненные силы, все увереннее выступала на дунайской границе; победа над скифо-сарматами и аламаннами увеличивает силу центральной власти, способствует воссоединению империи.

В заключительный период борьбы III в. (270—290 гг.) почти каждое нападение «скифов» встречает мощный отпор со стороны римлян; среди прикарпатских племен вспыхивают внутренние разногласия, еще более ослабившие их силы. В 283 г. римляне нанесли жестокое поражение сарматам-языгам³, в 295—296 гг. совершенно истребили карпов.

В общем, «скифские» войны III века окончились победой Рима и поражением племен Северного Причерноморья. Затяжной и глубокий кризис империи все же не привел к ее окончательному распаду. Империя постепенно начала выходить из кризиса и путем полного напряжения сил смогла еще найти достаточное количество материальных и человеческих ресурсов, чтобы добиться решающего перелома на заключительной стадии «скифских» войн. В распоряжении римлян на этом этапе исторического развития была более совершенная боевая техника; военная организация их, усиленная реформами Галлиена и его предшественников, значительно превосходила военную организацию причерноморских племен. Наконец, не нужно забывать, что антиримские коалиции «варваров» носили довольно рыхлый и непрочный характер, и разногласия в их среде римская дипломатия сумела использовать в своих целях.

Но хотя войны III века н. э. и не решили исход борьбы «варваров» с Римом, они имели большое историческое значение. Приток рабов и богатств, захваченных «скифами» во время походов на империю, и частые войны ускоряли процесс социальной

¹ Dacia. Recherches et découvertes archeologiques en Roumanie, V—VI, 1935—1936, стр. 349.

² Z o s i m., I, 42—43; Vita Claudii, VI—IX.

³ Vita Cari, IX.

дифференциации среди причерноморских народов, вели к обогащению и усилению военной верхушки «скифских» племен. В ходе войн возросли военное искусство и боевая техника племен Северного Причерноморья, окрепли связи между отдельными племенами — участниками общей борьбы. Во время походов отряды «варваров» неоднократно устанавливали контакт с массами угнетенного населения империи, и с течением времени это объединение сил должно было оказать решающее влияние на судьбы Рима. Серьезное значение имела и утрата римлянами Дакии, которой в дальнейшем суждено было стать плацдармом для новых наступлений на империю.

«Скифские» вторжения, далее, нанесли тяжелый ущерб экономике империи, на долгое время порывали связи между отдельными ее областями. Все это усиливало процесс разложения рабовладельческого способа производства, способствовало типичному для того времени процессу натурализации хозяйства. Огромное напряжение сил, вызванное «скифскими» войнами, значительно ослабило римское государство, тяжелые поражения римской армии нанесли невосполнимый урон римской военной мощи. В ходе борьбы со «скифами» и их союзниками Рим был вынужден значительно пересмотреть принципы своей административной и военной организации, чтобы приспособить ее к новым военным задачам; массовое проникновение «скифов» в империю в качестве колоннов, военнопленных, наемников ускорило процесс «варваризации» Рима.

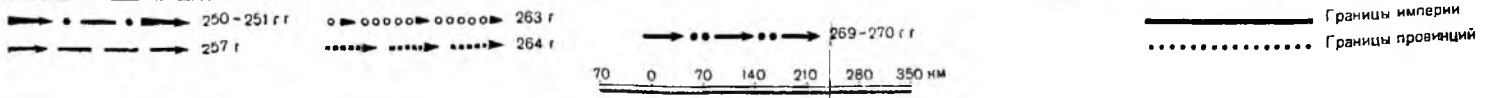
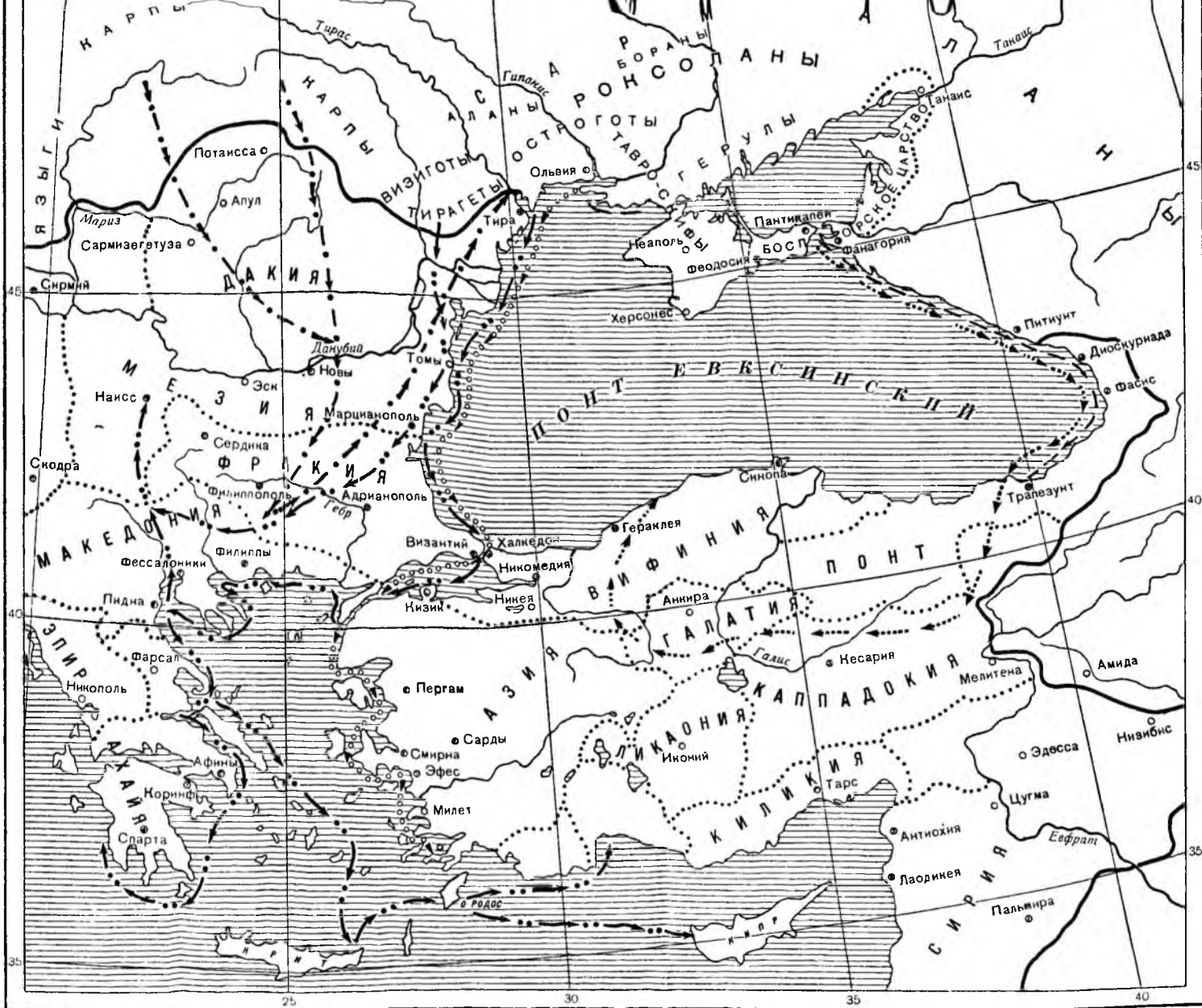
Борьба «скифов» с империей в III в. н. э. сопровождалась большими разрушениями и человеческими жертвами, однако, несмотря на это, она носила прогрессивный характер, ибо содействовала решению великой исторической задачи — окончательному крушению римского рабовладельческого общества.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
СА — Советская археология.
САН — Cambridge Ancient History.
CIL — Corpus inscriptionum latinarum.
IGRR — Inscriptiones graecae ad res Romanas pertinentes.
IPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini.
PW — Payly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft.
V. P â r v a n. Dacia. — V. P â r v a n. Dacia: An outline of the early civilisation of the Carpatho-Danubian Countries. Cambridge, 1928.
Rh — Revue historique.
SHA — Scriptores Historiae Augustae.

Вторжения причерноморских племен в Римскую империю в III веке нашей эры.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
I. Войны на Дунае в период с 232 по 251 гг.	7
1. Расселение причерноморских племен в III в. н. э. Причины войн между племенами Северного Причерноморья и Римом	7
2. Начальный этап «скифских» войн III века. Борьба на Дунае в 232—247 гг.	18
3. Дальнейшее углубление кризиса империи. Поход «скифов» на империю в 248 г. н. э. и война 250—251 гг.	40
II. Войны на Нижнем Дунае в 50-е годы III в. н. э. и овладение «скифами» Дакией и северным побережьем Черного моря	73
1. Военные поражения римлян в борьбе с Персией и германскими племенами. Война 253 г. между римлянами и «скифами»	73
2. Захват «скифами» римской провинции Дакия и овладение ими северным побережьем Черного моря.	81
III. Морские походы племен Северного Причерноморья в 256—266 гг. н. э.	88
1. Начало морских походов (256—257 гг.). Вторжение придунайских племен в район Пропонтиды (258 г.)	88
2. Рост революционного движения в империи и ее распад. Борьба между «скифами» и империей в 260—264 гг. н. э.	100
3. Война 266 г.	110
IV. Борьба между римлянами и племенами Северного Причерноморья в 267—270 гг.	114
1. Нашествие «скифов» на Грецию (267 г.)	114
2. Военные реформы императора Галлиена и состояние империи в конце 60-х годов III в. н. э.	121
3. Новое грандиозное нашествие припоптийских племен (269 г.). Победа Клавдия II при Наиссе	125
4. Ход войны на море.	138
5. Значение войны 269—270 гг. и причины поражения племен Северного Причерноморья	140
Заключение	144

Утверждено к печати Институтом истории Академии Наук СССР

*

Редактор издательства Н. И. Голубцова

Технический редактор Г. А. Астафьева. Корректор Р. Н. Пагге

*

РИСО АН СССР № 21-46Р. Т-11769. Издат. № 162. Тип. заказ 1957.

Подп. к печ. 27/II 1954 г. Формат бум. 60×92 1/4. Бум. л. 4, 6 5. Печ. л. 8, 25.
Уч.-изд. л. 9, 3+0,1 вкл. Тираж 5 000. Цена по прейскуранту 1952 г. 6 р. 60 к.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
46	10 св.	Σκυθία	Σκυθία
90	13 сл.	идентичным	идентичны
102	3 сл.	Τυγαπ.	τυγαπ.
127	21 св.	битвы	битва